HERE BEGINNETH THE TALES OF CANTERBURY AND FIRST THE PROLOGUE THEREOF

WHAN Aprille with his shoures soote
The droughte of March hath perced to the roote,
And bathed every veyne in swich licour,
Of which vertu engendred is the flour;
Whan Zephirus eek with his sweete breeth
Inspired hath in every holt and heeth
The tendre croppes, and the yonge sonne
Hath in the Ram his halfe cours yronne,
And smale fowles maken melodye,
That slepen al the nyght with open eye,
So priketh hem nature in hir corages:
Thanne longen folk to goon on pilgrimages,
And palmeres for to seken straunge strondes,
To ferne halwes, kowthe in sondry londes;
And specially, from every shires ende
Of Engeland, to Caunterbury they wende,
The hooly blisful martir for to seke,
That hem hath holpen whan that they were seeke.

BIFEL that in that seson on a day,
In Southwerk at the Tabard as I lay,
Redy to wenden on my pilgrymage
To Caunterbury with ful devout corage,
At nyght were come into that hostelrye
Wel nyne and twenty in a compaignye,
Of sondry folk, by aventure yfalle
In felawshipe, and pilgrimes were they alle,
That toward Caunterbury wolden ryde.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга является своеобразным путеводителем по языкам Европы; она содержит обзор и сравнительный анализ европейских языков, рассказывает об их истории, устройстве, взаимовлиянии. Приведены правила чтения. В конце книги имеются сведения об искусственных языках и о личных именах, распространенных у разных народов, а также словарь лингвистических терминов.

Для тех, кто хочет ознакомиться в общих чертах с языковым богатством Европы, интересуется происхождением слов и природой заимствований, присматривается, какой иностранный язык было бы интересно и полезно изучить, хотел бы глубже понять свой родной язык, сравнивая его с иностранными.

- Алексей Быков
  - Предисловие
  - Своя большая семья
  - Древние языки Европы
    -
    - Древнегреческий язык
    - Латинский язык
  - Русский язык
  - Романские языки
    -
    - Итальянский язык
    - Французский язык
    - Испанский язык
    - Португальский язык
    - Румынский язык
  - Западногерманские языки
    -
    - Английский язык
      -
      - Древнеанглийский период
      - Среднеанглийский период
      - Новоанглийский период
      -
    - Немецкий язык
    - Нидерландский язык
    - Идиш
    - Африкаанс
  - Северогерманские языки

- Шведский язык
- Норвежский язык
- Датский язык
- Исландский язык
- Фарерский язык

- Балтийские языки
  - Литовский язык
  - Латышский язык
- Западнославянские языки
  - Польский язык
  - Чешский язык
  - Словацкий язык
- Восточнославянские языки
  - Белорусский язык
  - Украинский язык
- Южнославянские языки
  - Словенский язык
  - Сербскохорватский язык
  - Болгарский язык
- Угро-финские языки
  - Венгерский язык
  - Финский язык
  - Эстонский язык
- Тюркские языки
  - Турецкий язык
  - Татарский язык
  - Чувашский язык
- Кельтские языки
- Для общего употребления
  - Искусственные языки
  - Географические названия
  - Личные имена европейцев
- Словарь терминов

Алексей Быков
Удивительное языкознание

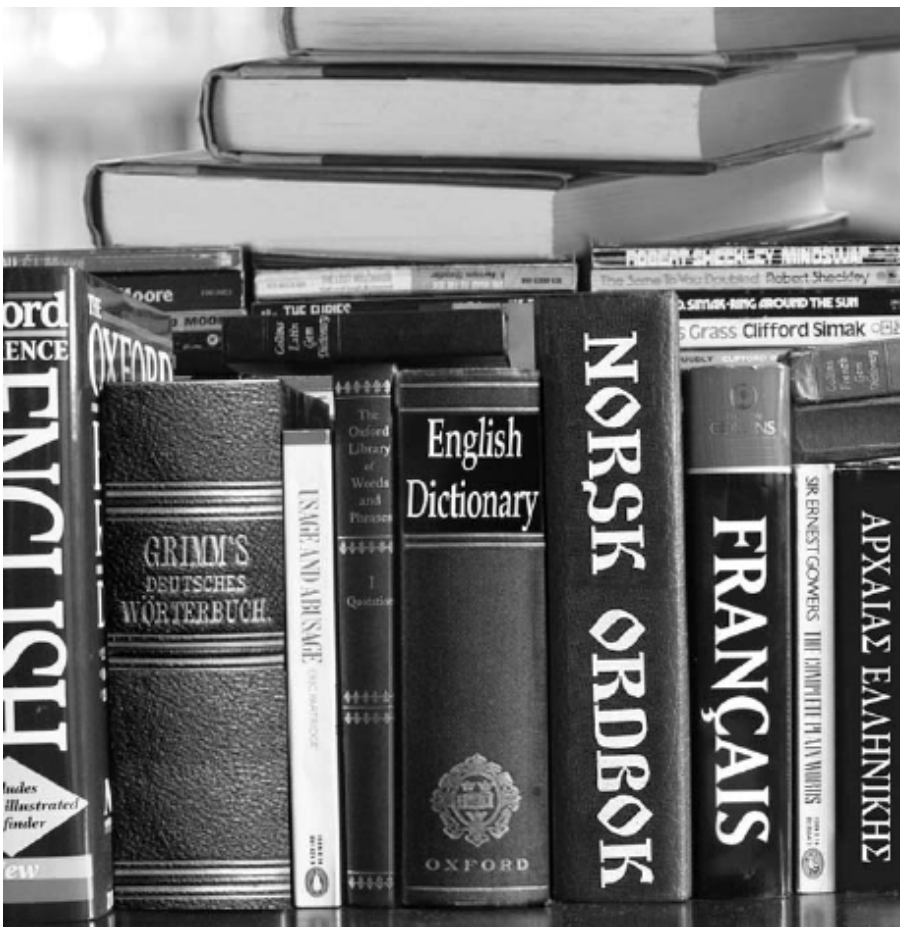
Предисловие

Многоязычие ныне не в моде. Языком международного общения неотвратимо становится английский, знание которого сейчас можно приравнять к тому, чем было умение читать и писать лет 150 назад. Многие считают, что изучение или хотя бы знакомство с каким-либо другим иностранным языком кроме английского — это пустая трата времени. Некоторые даже высказывают мнение, что недалек тот час, когда национальные языки, то есть все кроме английского, останутся лишь в статусе языков бытового общения, а все, что связано с производительной, профессиональной сферой, будет реализовываться на международном, сами знаете каком, языке. Вот так! На работе мы пишем, читаем и говорим о всяких важных и ультрасовременных вещах по-английски, а вечерами дома с родными или в баре с друзьями болтаем о разной бытовой чепухе по-венгерски, по-французски, по-русски — кому что бог послал.

Эту воображаемую картину можно сравнить с взаимоотношениями диалектов и общенациональных языков во многих странах. Например, в Германии существует общенациональный язык *Hochdeutsch* [хóхдойч], литературный немецкий, обязательный для СМИ, всех печатных изданий и государственных чиновников. Однако дома и в неформальной обстановке немцы по-прежнему норовят говорить на своих многочисленных диалектах и даже развивают литературу локального пользования на некоторых из них. Такое удивительное будущее в общепланетном масштабе с английским в качестве всеобщего инструментального языка и прочими языками как средством бытового и эмоционального общения нам предрекают. Может быть, так и случится, если культурная глобализация не временное явление, а устойчивая определенная тенденция.

Однако вернемся к современности. Действительно ли знакомство с «неанглийскими» языками — пустая трата времени, которое лучше употребить на совершенствование в языке «основном»? Не будем приводить высокие доводы, что каждый язык — это отдельное и, как выражаются авторы рекламных текстов, уникальное ментальное (душевно-духовное) пространство. Сколькими языками вы владеете, столько у вас видений мира. Но вот простой пример. Вы, знаток английского языка, встречаете в английском же тексте упоминание о каком-то французе (как известно, написание имен собственных в европейских языках не меняется в иноязычных текстах) по имени

Henry Dubois, и всё — приехали. Как это прочитать? Мне приходилось встречать в одном современном издании такую замечательную транскрипцию на русский — Генри Дабойс, что свидетельствует о некотором знакомстве автора с тенденциями английского произношения (хотя должно быть: Анри Дюбуа). Я говорю о тенденциях потому, что английский имеет самую дикую орфографию среди всех европейских языков. Если научиться читать в первом приближении по-итальянски или по-немецки можно за пару дней, по-французски — за пару недель, то читать по-английски мы учимся всю жизнь, и даже образованные англичане могут прочесть не все слова, из разряда книжных, своего языка — им надо лезть в словарь, в котором указана транскрипция слов.



Эта книга для тех, кто:

■ хочет ознакомиться в общих чертах с языковым богатством Европы, родственными связями между языками, их

взаимовлиянием;

■ интересуется происхождением слов и природой заимствований;

■ присматривается, какой иностранный язык было бы полезно изучить;

■ хотел бы глубже понять свой родной язык, сравнивая его с иностранными;

■ стремится правильно читать иноязычные имена собственные (географические названия и названия организаций и фирм, имена и фамилии людей);

■ хотел бы перед выездом за границу научиться читать на языке той страны, куда он едет, хотя бы различные вывески и таблички;

■ бескорыстно интересуется таким бесконечно богатым явлением культуры, как язык.

Как устроена эта книга

В книге первые три главы — подготовительные, в них речь идет о некоторых общих вопросах языкознания, о специфике русского языка, об обмене языков словами и, наконец, о «мертвых языках», древнегреческом и латыни, которые и поныне живут в лексике и письменности большинства европейских языков, составляя массив международной лексики, одного из факторов, связывающих европейскую культуру в единое целое. Вводится некоторое (минимальное) количество специальных лингвистических (языковедческих) терминов, каждому из которых дается объяснение при первом появлении в тексте. Желательно усвоить их сразу для свободного понимания второй части. Однако, если вы что-то позабыли — не беда, в конце книги приводится словарик с толкованием лингвистических терминов, встречающихся в тексте.

В первых главах книги предлагается ознакомиться с латинским алфавитом и правилами чтения на этом языке, так как в дальнейшем, знакомясь с правописанием разных европейских языков, мы будем рассматривать только случаи отступления от латинской «нормы». Кроме того, знание латинской орфографии само по себе полезно, так как помогает правильно читать встречающиеся в научных и художественных текстах латинские термины, названия лекарств, крылатые фразы на латыни и многое другое. Данная часть содержит также обзор европейских алфавитов на основе латинской графики.

Следующие главы — обзор европейских языков в виде

очерков, посвященных либо группам языков, объединенных историческим родством, либо отдельным языкам.

Многие очерки языков, а именно, посвященные влиятельным языкам, в свою очередь поделены на два раздела. Первый рассказывает о наиболее важных моментах устройства данного языка, его истории, влиянии на языки соседей, а иногда и отдаленных стран. Это, так сказать, лирическая часть.

Второй раздел, называемый Читаем по… — то есть в каждом конкретном случае: по-итальянски, по-польски и т. д., — имеется не во всех очерках, а только в тех, которые посвящены наиболее влиятельным языкам либо связанным с русским общей исторической судьбой. Если письменность языка достаточно проста (как, скажем, в немецком или итальянском языке), приводимых во второй части очерка сведений довольно, чтобы прочесть почти любое слово на этом языке. Впрочем, при условии, что вы уже освоили латинскую грамоту, что предлагается сделать в первых главах книги.

Если же правописание очень сложное и требует длительного освоения, то раздел Читаем по… либо сокращен до знакомства только с главными особенностями орфографии этого языка (например, французского), либо вовсе опущен: так, это касается английского языка, на освоение правописания которого не хватило бы и всего объема этой книги. Зато приводится обзор исторического развития этого языка, что, может быть, позволит читателю упорядочить свои познания в английском или в какой-то мере подготовиться к его изучению, за что все равно браться рано или поздно придется. Ведь достаточное хотя бы для деловых целей знание английского в скором будущем станет обязательным требованием едва ли не к каждому работнику.

Даже если вы не собираетесь знакомиться с письменностью того или иного языка, советую не пренебрегать чтением второго раздела, то есть Читаем по… В этих разделах помимо правил орфографии приводится попутно немало интересных сведений о соответствующих языках.

От читателя ожидается знакомство с русской грамматикой в объеме школьной программы. Что такое падеж, спряжение глаголов и прочие элементарные вещи, в тексте книги не объясняется. Весьма желательно также хотя бы минимальное знание английского языка: из него, наряду с русским, в основном приводятся примеры различных языковых явлений.

Предмет книги — наука о языке в ее прикладном и популярном выражении. Существует четыре слова, обозначающих науку о языке: языкознание, языковедение, лингвистика (от латинского *lingua* — «язык») и филология (по-русски —

«словолюбие»). Первые три будем считать синонимами. Осталось понять разницу между первыми тремя, объединяемыми общим термином *лингвистика*, и филологией. Первая занимается теорией, общими вопросами функционирования языков, взаимодействием между ними. Вторая — конкретными языками и литературой, существующей на них, это скорее прикладная наука. То есть разница между лингвистикой и филологией приблизительно такая же, как между ботаникой и растениеводством.

Лингвист может всю жизнь заниматься каким-нибудь языком, на котором говорит несколько сот человек, потому что этот язык представляет большой интерес для сравнительного языкознания и его изучение позволит разрешить вопрос о происхождении какой-нибудь языковой группы. А филологию интересуют прежде всего влиятельные живые языки в их речевом и письменном функционировании. К примеру, специалистов по французской филологии в мире гораздо больше, чем по эстонской — в соответствии с весом этих языков, с количеством и значимостью текстов, которые на этих языках созданы.

Все замечания и предложения прошу присылать мне по следующим адресам:

bykov@rehacomp.ru
my.mail.ru/inbox/bykov52
А. Быков

Своя большая семья

К концу XIX века в результате бурного развития нового направления в лингвистике — сравнительного языкознания — была построена теория родственных связей между языками, а также разработаны весьма тонкие методы, позволяющие эти связи обнаруживать. Разумеется, как и все, что создавалось в гуманитарных науках в XIX веке, эта теория евроцентрична — она основана в основном на материале европейских языков и неявным образом содержит в себе европейское миропонимание и ценности. Впрочем, грех евроцентризма не преодолен в гуманитарных науках Европы до сих пор, хотя к тому и прилагаются искренние усилия.

Собственно, главным открытием было обнаружение генетического сходства, то есть родства, большинства европейских языков с некоторыми языками Индии (в частности древний санскрит, современный хинди и др.) и Среднего Востока (иранские языки). В многочисленном семействе индоевропейских языков оказались почти все языки Европы. Исключение составили лишь языки угро-финской группы (на них говорят финны, эстонцы, венгры и многие народы России), турецкий на крайнем юге Балканского полуострова и некоторые языки неясного до сих пор происхождения, такие, как, например, баскский (язык небольшого народа, живущего в нынешних Испании и Франции).

Родство как глубинное генетическое сходство предполагает происхождение от общего предка. Тогда-то и появилась идея о существовании индоевропейского праязыка, или протоиндоевропейского языка, возникшего, возможно, где-то на севере Индии. Народ, говоривший на нем, затем мигрировал на северо-запад и распространился по всей Европе. Это были в тогдашней терминологии пресловутые арийцы. Части этого единого изначально народа расходились территориально все дальше, и вместе с пространственным расхождением терялись связи, и, соответственно, единый прежде язык распадался на отдельные языки, дробившиеся еще и еще по мере продвижения все дальше на запад и север. Напоминаю, что все это происходило много тысяч лет назад, в дописьменную эпоху, а ведь именно письменность и достаточно распространенная грамотность являются едва ли не главными факторами устойчивости любого языка. В их отсутствие расхождение языков происходит неостановимо.

Представление о происхождении огромной группы языков от единого предка не для всех выглядит правдоподобным, и против

него можно было бы выдвинуть множество доводов. Однако все это, как предполагается, происходило так давно, что любой довод — и за, и против, — основанный на данных исторической науки, будет неизбежно спекулятивным, лишенным достаточных оснований. Парадокс в том, что сами историки в своих суждениях о столь далеком прошлом бесписьменных народов часто опираются именно на данные сравнительного языкознания. Как бы то ни было, лучшей теории, которая бы устроила большинство специалистов, пока не разработано.

Я полагаю, что на формирование представлений о родстве языков и их историческом развитии (эволюции) во многом повлияла разработанная Чарлзом Дарвином теория исторического развития органического мира. Эволюционная теория Дарвина не только изменила фундаментальные основы биологии и методы биологических исследований, но и оказала влияние на многие другие науки (естественные, то есть науки о природе, и гуманитарные, в том числе языкознание, то есть науку о языке).

Произошли фундаментальные сдвиги, уже назревшие к тому времени, в самом научном мышлении: восторжествовал исторический подход — познать какое-то явление можно лишь в его историческом (временном) развитии. И этот подход оказался применим как к миру природы, так и к человеческой культуре, в частности и к языку.

Представление о существовании когда-то единого индоевропейского языка породило идею о том, что в еще более отдаленном прошлом мог существовать единый для всех живших в то время на планете людей праязык — предок всех ныне существующих, в том числе и индоевропейских. Это отчасти находит подтверждение в высказываниях некоторых современных биологов о происхождении всех ныне живущих людей чуть ли не от одной пары, жившей несколько десятков или сотен тысяч лет назад. Правда, появляются эти высказывания не столько в научных журналах, сколько в интервью различным средствам массовой информации. Идея об Адаме и Еве (а точнее, о Еве как прародительнице человечества) уверенно обживается на поле антропологии. Впрочем, идеи, как о прародителях человечества, так и о существовании в прошлом единого языка, принципиально не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты и, следовательно, не являются научными гипотезами.

Сходства и различия

Вернемся, однако, к индоевропейским языкам, рассмотрение части которых и составит главное содержание этой книги. В пределах европейской части этого семейства большинство ныне живущих языков подразделяются на три группы: романские, германские и балто-славянские.

Романские и германские языки иногда объединяют в единую надгруппу романо-германских. Основанием служит общность грамматики, но главным образом, как мне кажется, — общность исторической судьбы и культуры, объединяющая народы, говорящие на этих языках.

В Западной Европе всегда рассматривали славянские страны в лучшем случае как периферию христианской цивилизации. И европейцами считают их (по крайней мере, считали до недавнего времени) с некоторыми оговорками, так же, впрочем, как венгров, румын и балтийские народы.

А есть ли лингвистические основания для объединения германских и романских языков, которые в словарном отношении различаются весьма сильно? Для ответа на этот вопрос нам придется познакомиться с «экологической» классификацией языков. Как известно, в биологии помимо так называемой таксономической классификации, объединяющей живые организмы по общности происхождения (что отражается в их строении) в классы, отряды, семейства и т. д., существуют классификации экологические. Они не столь строгие и объединяют растения и животных в группы по особенностям их питания, приспособления к неблагоприятным воздействиям и т. п. Причем в одну экологическую группу часто попадают организмы, никак не связанные общностью происхождения. Например, в группу паразитов попадают и бактерии, и грибы, и моллюски, и черви, и покрытосеменное растение омела, а в экологической группе сезонных мигрантов мы обнаруживаем птиц, рыб, летучих мышей и т. д.

Классификацию языков по родству можно уподобить соответствующей биологической (таксономической) классификации. Индоевропейские языки — аналог, скажем, биологического отряда, вроде парнокопытных или гусеобразных, германские языки — аналог биологического семейства, западногерманские языки — биологический род, немецкий язык — вид, баварский диалект — подвид (немецкого языка).

Но в языкознании существует и аналог экологической классификации, при которой в одну группу могут попасть довольно далекие по происхождению языки. Одним из фундаментальных оснований для такого рода классификаций служит разделение языков на аналитические и синтетические по

особенностям их грамматического строя. Какие же это особенности?

Синтетические языки склонны передавать отношения между словами в предложении закономерными изменениями самих слов: падежными окончаниями, личными окончаниями глаголов, то есть они синтезируют (составляют) как бы новые слова по каждому случаю. Аналитические же языки для той же цели используют предлоги, служебные слова и фиксированный порядок слов, сами же слова не подвергаются ни спряжению (глаголы), ни склонению (существительные), то есть остаются неизменными. Таким образом, эти языки склонны к анализу (расчленению) слов на функциональные единицы, и по каждому случаю создают их новую комбинацию, не меняя отдельные слова-элементы. Для аналитических языков свойственно наличие служебных слов, которые не имеют лексического значения и предназначены для изменения грамматического статуса знаменательных слов. Так, в английском, типично аналитическом языке, глагол *to have* может быть и значащим («иметь»), и служебным, входя в состав особой глагольной формы значащего слова, например: *take* — «брать, взять»; *to have been taken* — «быть взятым».

Большинство балто-славянских языков синтетические (исключение — болгарский). Большинство романо-германских языков тяготеет к аналитичности. Надо сказать, что в чистом виде ни строго аналитических, ни строго синтетических языков не существует, можно говорить только о той или иной тенденции.

Почти для всех аналитических языков характерно наличие особых служебных слов, артиклей, выражающих не свойственную синтетическим языкам грамматическую категорию определенности/неопределенности.

Немецкий и некоторые другие германские языки представляют собой как бы промежуточную группу между типичными «аналитиками» и «синтетиками». Так, в немецком сохранилось четыре падежа существительных, прилагательных и местоимений, но существует развитая система глагольных времен, что свойственно аналитическим языкам, и имеются артикли в немалом количестве.

Русский язык считается последовательно синтетическим, однако и в нем встречаются элементы аналитичности. Рассмотрим, как образуется сложное будущее время (для глаголов несовершенного вида):

формы *буду читать* и *будет читать*

аналогичны английским
I shall read, You will read u He/She will read.

Смысловой глагол читать неизменен, как английский *read*, а служебный в этом случае глагол быть, как ему и положено, «служит» — отображает число и лицо сложной глагольной формы, причем каждой, поэтому личное местоимение (обязательное в английском языке), в русском можно и не употреблять.

Изначально, видимо, все европейские языки были синтетическими и имели довольно большой набор глагольных времен. Так, по крайней мере, было в латыни, весьма последовательном синтетическом языке. Далее в славянских языках произошло упрощение системы глагольных времен, а в большинстве романо-германских, напротив, — ее усложнение; в современном русском их только три, а в английском — целых шестнадцать. Еще во времена Ивана Грозного в русском языке существовали перфектные глагольные формы вроде английских Present perfect и Past perfect, а также герундий и многое другое, исчезнувшее впоследствии из речевого обращения.

Кроме того, в языках, пошедших по пути аналитичности, постепенно исчезали падежи, вытесняясь соответствующими предлогами, а порядок слов в предложении стал вынужденно фиксированным, чтобы можно было различать члены предложения и их падежные функции. Функции, например, дательного падежа в английском взял на себя предлог *to*, а творительного — предлоги *with* и *by*.

Строгий (фиксированный) порядок слов работает в английском языке так: если имеются два дополнения без предлогов, то первое признается находящимся в дательном падеже, а второе — в винительном. *I give my sister* (дательный падеж) *money* (винительный падеж) — «Я даю своей сестре деньги».

Некоторые западные лингвисты считают, что степень аналитичности языка есть показатель уровня его развития, вот, дескать, как далеко он отошел от синтетических предков. Английский — очень развитый, французский — поменее, немецкий — что-то подотстал, а уж о славянских и говорить не приходится. Типично евроцентристский взгляд. Впрочем, эти представления не слишком согласуются с фактами. Следуя этой логике, самым развитым среди индоевропейских языков надо считать африкаанс (язык голландских колонистов Южной Африки, сформировавших новый народ, именующий себя

бурами), наиболее последовательный аналитический язык западногерманской группы; среди славянских языков самым развитым получается болгарский, который далеко продвинулся в сторону аналитичности (даже артикли есть). Само понятие развитого языка кажется не очень научным и имеет смысл только в такой формулировке: позволяет ли данный язык обслуживать все функции, которые предлагает современная общемировая культура? А уж какими средствами это обслуживание будет осуществляться — вопрос не самый важный.

Индоевропейские языки

Европейская подгруппа

РОМАНО-ГЕРМАНСКИЕ (условное объединение):

Романские: латынь, итальянский, французский, испанский, португальский, румынский. Иногда выделяют в качестве самостоятельных языков молдавский, провансальский (Южная Франция), каталанский (Юго-Восточная Испания).

Германские:

Западногерманские: английский, немецкий, нидерландский, африкаанс (в Европе на нем не говорят, но по происхождению — это дочерний язык нидерландского), идиш (язык европейских евреев, дочерний язык немецкого).

Северогерманские: шведский, норвежский, датский, исландский, фарерский.

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ:

Балтийские: литовский, латышский.

Славянские:

Восточнославянские: русский, украинский, белорусский.

Западнославянские: польский, чешский, словацкий.

Южнославянские: сербскохорватский, словенский, болгарский, македонский (иногда рассматривается как вариант болгарского).

Среди индоевропейских языков Европы есть несколько, выбивающихся из этой классификации и представляющих языки, утратившие своих родственников. Это прежде всего новогреческий и албанский, а также группа кельтских языков, находящихся на грани вымирания: ирландский, валлийский (британский Уэльс) и бретонский (французская Бретань).

Далее следуют европейские языки, не входящие в индоевропейскую языковую семью.

УГРО-ФИНСКИЕ: венгерский, финский, эстонский, а также языки многих народов России: мордва (язык существует в двух вариантах: эрзя и мокша), мари, коми, ханты, манси и др.

ТЮРКСКИЕ: турецкий, татарский, чувашский; остальные тюркские народы живут в Азии: азербайджанцы, узбеки, казахи, киргизы, якуты.

Языки и диалекты

Вопрос о различении языков и диалектов — один из самых сложных и запутанных в теоретической лингвистике. Мы практики, поэтому под диалектом, или наречием, будем понимать территориальный вариант общенародного языка, хотя теоретики говорят также о социальных и даже профессиональных диалектах. Является ли данная языковая форма языком или диалектом — это во многом или даже главным образом вопрос политический. В XIX веке большинство лингвистов считали украинский и белорусский языки наречиями (диалектами) русского (великорусского) языка. Сейчас это несомненные языки, имеющие статус государственных. Если баварским сепаратистам удастся добиться независимости от ФРГ, что трудно представить, — баварский диалект мигом превратится в язык.

Один из лингвистов прошлого дал такое скорее политическое, чем научное определение языка: «Язык — это диалект с армией и флотом». Другими словами, полноценным и самостоятельным язык становится, лишь приобретая статус государственного. Флот здесь, конечно, избыточный компонент — не будем обижать чехов, никогда не имевших выхода к морю, или сербов, недавно его лишившихся, но некоторых элементов полноценного языка в этом определении явно не хватает. Это литература и школа, то есть система всеобщего образования на едином языке. К ним мы еще вернемся, а сейчас об армии.

В XIX веке большинство европейских государств перешло на призывной принцип комплектования своих армий. Это означало, что отныне большинство молодых мужчин проходило военную подготовку в отрыве от своих диалектов или языков (в империях), под командованием офицеров, отдававших им приказания на государственном языке. В романе Я. Гашека о похождениях солдата Швейка один из офицеров австрийской армии обосновывает солдатам необходимость строго придерживаться немецкого языка ссылкой на древнеримскую историю: «И язык команды тогда тоже был единый для всего войска. Попробовал бы кто заговорить у них по-этрусски! Господа римские офицеры

показали бы ему кузькину мать! Я тоже требую, чтобы все вы отвечали мне по-немецки, а не на вашем шалтай-болтай».

Приблизительно в то же время складывается система всеобщего образования, в результате чего большинство населения становится, по крайней мере, грамотным (в России только в 1930-х годах). Это открыло большинству европейцев путь к литературному варианту родного языка. Литературный (письменный) вариант языка — мощный фактор стабилизации и лексики, и фонетики разговорного варианта. Письменный вариант языка и становится государственным. В грубом упрощении можно сказать, что в ранг государственного языка возводится диалект, на котором говорят жители столицы. Это правило справедливо для большинства европейских стран.

В XX веке появляется еще один мощный фактор, нормирующий словоупотребление и произношение слов, — это радио и телевещание. Недаром в Великобритании одно из названий нормативного английского языка — BBC English, по имени самой влиятельной радио— и телевещательной корпорации.

Что же происходит с диалектами после появления общегосударственного языка, на котором осуществляется судопроизводство, преподавание в школах и университетах, на котором отдаются команды в армии, пишутся книги, газетные статьи и законы, ведется радио— и телевещание? Диалект остается для домашнего пользования: на нем говорят в быту, поют песни, рассказывают детям сказки. В некоторых случаях диалекты могут кодифицироваться, то есть обретать литературную норму. Появляется литература локального значения, причем не только художественная. Кто имел дело с всемирной интернет-энциклопедией Wikipedia, может быть, обращал внимание, что среди ее языковых разделов довольно много написанных на диалектах немецкого, итальянского и других языков. Пользуясь аналогией с биологической классификацией живых существ, легко установим, что язык соответствует виду, а диалект подвиду. В условиях изоляции подвид может эволюционировать в отдельный вид, то же может происходить с диалектами, выпущенными из-под пресса государственного языка.

Помимо общегосударственного языка в некоторых странах пришлось допустить (как правило, вопреки воле центральной власти, которая всегда стоит за унификацию) существование региональных государственных языков, имеющих равноправный с общегосударственным статус на территории распространения развитого диалекта, претендующего на звание языка. Например, в

юго-восточных провинциях Испании кроме испанского статус государственного языка регионального значения имеет каталанский. Жители этих провинций в большинстве испанцами себя не считают, да и каталанский язык многие лингвисты считают действительно самостоятельным романским языком, а не территориальным диалектом испанского.

Одна из загадок русского языка — малая степень диалектизации; диалекты в нем немногочисленны, а различия между ними невелики, не сравнить с ситуацией в Западной Европе, где уроженец, скажем, северной части Германии с огромным трудом понимает баварца, живущего всего лишь в нескольких сотнях километров южнее. И это при огромной территории, на которой живут русские, и исторически слабых экономических и культурных связях между отдельными регионами. Немаловажно, что и богослужение велось на непонятном населению церковнославянском языке, то есть не являлось фактором, стабилизирующим язык. Что связывало людей, живших на огромных пространствах в соседстве с другими народами, в единую языковую общность, не совсем понятно.

Мы рассмотрели понятия языка и диалекта. Существуют ли еще какие-нибудь языковые формы? Да, существуют, и весьма своеобразные, правда, почти все они развивались далеко от Европы, но связаны с европейскими языками. Это, в частности, так называемые пиджины — смешанные языки, стихийно возникавшие при контактах европейцев с народами Африки и Азии в эпоху колониальных захватов. Пиджины обслуживали в основном торговые надобности. В их образовании принимали участие один из европейских языков, на котором говорили пришельцы, и один или несколько языков аборигенов. Этимология слова *пиджин* не ясна. По одной из версий — это искаженное произношение английского слова *business* [би́знис] на одном из англо-китайских пиджинов. Если это действительно так, то этимология подчеркивает деловую, торговую направленность этих языков. Об устройстве Вселенной на них не поговоришь: словарный запас редко превышал 1000–1500 слов, а грамматика была крайне упрощена и стремилась к предельной аналитичности. Зная историю колониальных захватов, можно назвать ряд европейских языков в исторической последовательности, образовавших большинство пиджинов. Это: португальский, испанский, английский, французский и, под закат эпохи колонизации, немецкий.

Надо сказать, что термин *lingua franca*, означающий в наше время язык международного общения в какой-либо области человеческой деятельности, изначально был названием довольно

примитивного пиджина, сложившегося в Средние века в ходе общения европейских и восточных купцов. (Франками на Ближнем и Среднем Востоке огулом называли всех европейцев.) И состоял он из смеси итальянских, турецких, испанских, арабских, греческих и персидских слов.

На основе русского языка образовалось только два пиджина: руссонорск (русско-норвежский) и так называемый кяхтинский язык (русско-китайский). Последний интересен тем, что при его формировании не происходило грамматического упрощения ни одного из двух языков. Обычно лексика использовалась русская, хотя и в искаженной форме, а грамматика — китайская. Видимо, кяхтинский язык формировался не без участия профессиональных лингвистов, то есть не вполне стихийным путем.

Что происходило с пиджинами дальше? Большинство из них вымерло по окончании колониальной эпохи или даже ранее, если исчезала коммерческая мотивация, которая их порождала. Но некоторые ждала долгая и интересная судьба.

Все, наверное, помнят песню со словами «Стройная креолка цвета шоколада…», а вот кто такие эти креолки и креолы, представляют себе очень смутно. Что-то связанное с Латинской Америкой, метисами или мулатами. Действительно, это слово имеет, по крайней мере, пять значений и научным термином не является. Нет в мире народа, называющегося креолами. А вот креольские языки есть, и их довольно много по сию пору. Это бывшие пиджины, ставшие родным языком для части населения колоний, многие из которых впоследствии обрели независимость.

Само слово *креольский* означает в переводе с романских языков, которые первыми стали образовывать пиджины, «выращенный», то есть в какой-то мере искусственный. Как происходила креолизация пиджинов изучено плохо, но можно представить себе, например, положение черных рабов на плантациях Южной, а затем и Северной Америки. Эти люди принадлежали к разным африканским народам, и общаться между собой им приходилось на том же языке, что и со своими хозяевами, то есть на пиджине. У них рождались дети, в том числе и от белых рабовладельцев, которые уже ни одного языка, кроме пиджина, не знали. Этим и завершалась креолизация пиджинов. Часто этот процесс сопровождался обогащением лексики за счет соответствующего европейского языка для обозначения понятий и выражения мыслей, выходящих за пределы примитивного делового общения, тем более что рабов обращали в христианство, не слишком, правда, заботясь об их истинном благочестии, но язык принятая религия все-таки обогащала.

Некоторые креольские языки после обретения колониями независимости получили статус государственных. Интересен пример Гаити, одной из первых в мире колоний, добившихся независимости (от Франции). Тем более что одно из слов местного креольского языка (на основе, естественно, французского), а именно *тонтон-макут* стало интернациональным. Так называли сотрудников местной тайной полиции при диктаторе Дювалье. (Читайте великолепный роман Грэма Грина «Комедианты».) Так вот, с самого начала государственным языком был объявлен французский. Правители этой несчастной страны 150 лет делали вид, что их голодное и неграмотное население говорит на языке Корнеля и Мольера. Только сравнительно недавно была воспринята реальность и креольский признан вторым государственным, на котором до сих пор говорит подавляющее большинство жителей. Приведу в качестве примера упрощенной орфографии, характерной для креольских языков (приближение к фонетическому принципу правописания) написание названия государства Гаити по-французски и по-креольски: *République d'Haïti* [рэпублúк даитú] и *Republik d Ayti*. Французские школьники-двоечники были бы довольны такой орфографией.

Во многих странах, где одним из государственных языков числится местный креольский, отношение к нему в обществе становится все более пренебрежительным. Идет процесс своеобразной декреолизации, то есть лексического и грамматического обогащения креольского языка в направлении его сближения с литературным языком бывших колонизаторов.

В заключение главы отмечу еще одну интересную языковую форму. Это этнолект. В отличие от диалекта это территориальный вариант языка, развивающийся независимо от языка-оригинала в силу политической самостоятельности и/или географической удаленности. Можно предполагать, что в результате декреолизации креольские языки превратятся в этнолекты испанского, португальского и т. д. Типичные примеры этнолектов: американский английский, австралийский английский, бразильский португальский.

Языковой взаимообмен

Заимствование слов из других языков — постоянный процесс почти для любого языка. Кое-кого из читателей, быть может, смутит большое количество заимствованных слов в русском языке, явно или косвенно упоминаемых в этой книге. Что же

тогда русское, родное? Некоторым даже кажется, что большое количество заимствований есть показатель несамостоятельности языка, а то и всей культуры страны. Отнюдь нет — это показатель интенсивности контактов и культурного обмена с разными народами. Хотя, конечно, потоки словесных заимствований редко уравновешивают друг друга. Слова в основном перетекают из более развитых стран-языков в менее развитые, но готовые воспринять новое и, возможно, более прогрессивные.

Так было с обогащением древнеанглийского языка французскими словами, в результате чего появился новый могучий язык, на основе которого выросла не менее могучая и разнообразная культура. Однако, отбросив утешительные резоны, следует признать, что исторически европейская культура во всех ее проявлениях, от способов обработки пахотной земли до науки и парфюмерии, в пределах Европы растекалась с запада (от Франции) на восток (до России). И по этому же градиенту в основном текли и слова, эти культурные явления обозначающие. Это реальность, в самих языках зафиксированная. А фиксация в языке — это едва ли не самое надежное историческое свидетельство, особенно, если происходит массово.

Для собственного удобства введем термины. Язык, из которого заимствуется слово, мы будем называть языком-донором, поставляющим языковой материал, а язык, осуществляющий заимствование, приобретающий новое слово, фразеологизм (устойчивое словосочетание) или синтаксическую конструкцию, будем называть языком-потребителем. Предупреждаю, что это отнюдь не научная терминология, а всего лишь общепонятные слова, которые будут использоваться в этой книге.

Почти у каждого из нас существует интуитивный, то есть трудно формализуемый образ «типичного» немецкого, французского, испанского и так далее языков. Относительно новое заимствование интуитивно и распознается. *Жалюзи* — это явно из французского, а *штепсель* «пахнет» по-немецки. Такие заимствования принято называть иностранными словами, их включают в соответствующие словари.

Со временем заимствованные слова обживаются в языке-потребителе, меняются под его звуковой строй, ассимилируются (уподобляются словам нового языка-хозяина) и становятся неотличимы от исконных. Кто сейчас узнает в общеславянском слове *хлеб* древнегерманское заимствование? Такие ассимилированные слова называют усвоенными (как правило, в древности) заимствованиями.

Отдельно можно говорить о фонде так называемых

интернациональных слов, которые звучат (с поправкой на звуковой строй языка) и пишутся (с поправкой на его орфографию) приблизительно одинаково в большинстве европейских языков. В подавляющем большинстве — это слова из древнегреческого и латинского языков, двух народов, заложивших основы того, что мы сейчас называем европейской культурой, которая, впрочем, давно вышла за пределы своего континента. Цивилизационный вклад Греции, Рима и иных государств и народов, некогда процветавших в Средиземноморье (слова их языков дошли до нас опять же через греческий и латынь), колоссален. Недаром некоторые историки называют западную культуру средиземноморской.

Интернациональные слова — это хорошее подспорье для нас при изучении иностранных языков и источник вдохновительного ощущения цивилизационного единства с Западом. В разные эпохи в пополнении интернационального фонда участвовали и другие языки, представлявшие страны, достигавшие высокого развития. Так, например, в позднем Средневековье в число европейских интернационализмов вошло большое количество слов арабского происхождения: от адмирала и алкоголя до алгебры с алгоритмом. Заметили, что многие слова начинаются на ал(ь)? Естественно, ведь это арабский артикль.

В настоящее время главным источником пополнения фонда интернациональных слов является, конечно, английский язык, точнее — английский язык в его американском варианте. Англицизмы проникают во все сферы жизни, от науки до ро́ковой музыки. В русский попадают не только слова, но и синтаксические конструкции, свойственные английскому, как, например, *интернет-провайдер*. Типично английская конструкция. По-русски было бы: интернетовый провайдер или провайдер интернета, но и то, и другое, во-первых, длинно, а во-вторых, неуклюже. Процесс этот неостановим, но, возможно, его стоит регулировать, как это делается во многих странах, где общественность и государство проявляют озабоченность состоянием национального языка.

Но вернемся к самому процессу заимствования. Всего в русском языке существует четыре способа заимствования слов из других языков: транслитерация, транскрипция, калькирование и заимствование на слух, или, как его еще называют, изустное заимствование. Однако все четыре способа применяются только для заимствования из языков, пользующихся латинским алфавитом, а для других — три, так как традиции транслитерации для языков с иными, чем латинский, алфавитами в русской письменности не сложилось по причине, которая вскоре

станет вам ясной. Следует заметить, что четыре способа заимствования можно разбить на две группы. Первая — это явные заимствования (транслитерация и транскрипция), так как полученные этими способами слова воспринимаются носителями языка-потребителя как явно иноязычные. Транскрипцию и транслитерацию часто путают, так что будьте внимательны при чтении соответствующих разделов. Вторую группу, а именно неявные заимствования, образуют слова, полученные калькированием и заимствованием на слух; в этих случаях новые слова воспринимаются как русские по форме и звучанию, может быть, только поначалу непривычные, как всякий неологизм (языковое новшество). Итак, рассмотрим все четыре.

Транслитерация

Транслитерация (дословно — перебуквление) — процесс чисто формальной замены букв (литер) в слове, записанном латинским алфавитом, русскими буквами по определенным правилам и без учета его реального произношения в языке-доноре. В российской традиции — это произношение букв латинского алфавита в том виде, как оно сложилось в так называемой средневековой или поздней латыни, которая использовалась в Европе до XVIII века как средство межнационального общения образованных людей. То есть при транслитерации к словам языков, пользующихся латинской графикой, подходят так, как если бы это были латинские слова. Так что если бы английские слова *jeans* и *jazz* были транслитерированы на русский, а не транскрибированы, то мы бы сейчас носили не джинсы, а еансы и слушали бы не джаз, а язз.

Транслитерация была широко распространена в XVIII веке. Так, французский мыслитель Дидро (*Diderot*) именовался в России Дидеротом, то есть особенности французского произношения его фамилии полностью игнорировались. С начала XIX века транслитерация выходит из моды, что, видимо, связано с падением значения латинского языка как языка международного общения.

Транскрипция

Транскрипция (дословно — переписывание) — ведущая ныне форма заимствования в большинстве языков, которым приходится преодолевать алфавитный барьер. Имеются в виду те случаи,

когда язык-донор и язык-потребитель используют разные системы графики, например, на основе кириллицы и на основе латиницы. В русском транскрипция почти полностью вытеснила транслитерацию.

Транскрипция означает передачу звучания иноязычного слова средствами языка-потребителя, заимствующего это слово. Разумеется, точная передача звучания возможна лишь в редких случаях, поэтому транскрибирование при заимствовании принято называть практической транскрипцией в отличие от транскрипции научной, лингвистической (смотри ниже), при которой происходит точная передача звучания. При транскрипции часто также происходит подгонка нового слова под морфологию принимающего языка. Например, английское слово *boots* [бу: тс] («ботинки») было заимствовано с прибавлением русского окончания множественного числа *ы*: бутсы.

С XIX века транскрипция стала в русском языке одной из главных форм заимствования (в настоящее время едва ли не единственной). Уже упоминавшийся Дидерот (*Diderot*) превратился в Дидро в соответствии с французским произношением его фамилии. А вот живший приблизительно в то же время *Jean-Paul Marat* [жа(н)поль мара́] так и остался транслитерированным Маратом, не дождавшись транскрипции в Мара. Примеров непоследовательного применения немало. Имя британского писателя

Walter Scott еще в начале XIX века подвергалось транслитерации — Вальтер Скотт (что сохраняется по традиции поныне), а вот последующие англосаксонские Вальтеры уже именовались Уолтерами, то есть с учетом английского произношения. Сохранилась до сих пор традиция именовать августейших особ прошлого и глав католической церкви либо на старорусский манер, например *Иоаннами*, либо так, как сложилось к началу XVIII века, времени становления русской исторической науки, например, французский король *Henri IV* [а(н)ри́ ка́тр] именуется не Анри, а Генрихом Четвертым (на немецкий манер, поскольку немецкий язык тогда был более известен в России).

Изучающие иностранные языки часто называют транскрипцией ее частный случай, а именно, запись звучания слова с помощью специальных знаков искусственного фонетического алфавита, созданного учеными-языковедами. С помощью этого алфавита (в нем сотни, если не тысячи знаков и их комбинаций) можно передать звучание слов любого языка по принципу «как слышаца так и пишаца», то есть между звуками и знаками существует взаимно однозначное соответствие,

недостижимое в реальных системах письменности, сложившихся естественным путем.

Я решил отказаться в этой книге от передачи звучания иноязычных слов знаками международного фонетического алфавита. Во-первых, он далеко не всем известен, а во-вторых, его довольно часто меняют на своих конгрессах лингвисты-фонологи, добивающиеся все большей точности звукопередачи, так что известная вам система международной транскрипции может оказаться устарелой, да и все равно знать все ее знаки невозможно. Вместо этого в книге будет использоваться передача иноязычных звуков русскими буквами с некоторыми оговорками и дополнениями, о которых речь пойдет отдельно. Сейчас сообщу только, что эта упрощенная транскрипция заключена в квадратные скобки, ударный слог обозначается обычно, знаком (), а долгие гласные отмечены знаком долготы, двоеточием (:), например: jeans [джи: нз], *Liebe* [ли́:бэ].

Калькирование

Построение калек (копий) иноязычных слов доступно только грамотному человеку, искушенному в морфологии как языка-донора, так и языка-потребителя. Калькирование знакомо чертежникам и инженерам, использовавшим до изобретения ксерокса примитивный способ копирования чертежей через полупрозрачную бумагу, на которой прорисовывались все линии оригинала.

Калькирование в лингвистике подобно тому, что ранее делали чертежники: иноязычное слово воспроизводится на языке-потребителе путем его поэлементного перевода. Как вы, видимо, помните, любое слово, по крайней мере, в индоевропейских языках состоит обязательно из корня, к которому спереди и сзади могут прикрепляться особые словообразовательные элементы, аффиксы. Те, что присоединяются спереди, зовут префиксами (приставками), а те, что сзади — суффиксами.

Так вот, смысловое значение имеют не только корни, что обеспечивает относительное смысловое единство однокоренных слов, но и аффиксы, хотя и в меньшей степени (их вообще численно гораздо меньше, чем корней). Так, русский суффикс *-(н)ость,* как правило, входит в состав слов, обозначающих отвлеченные понятия или качества предметов, явлений: *государственность, ясность* и т. п. Русская приставка *в-*, обозначает движение внутрь или нахождение внутри чего-либо в прямом или переносном смысле: *въезд, включение* и т. п.

Аналогично дело обстоит и в других европейских языках.

Это открывает возможность поэлементного (префикс — корень — суффикс) перевода слова с одного языка на другой. Результат этой операции и принято называть в лингвистике калькой (языковой копией).

Словообразовательные элементы подобны деталям детского конструктора — из них можно образовать все слова, существование которых допускает данный язык. Если компьютер составит слова из этих элементов, перебрав все комбинации, мы увидим, что большинство вариантов — виртуальные лингвистические объекты, то есть таких слов нет, но, возможно, они когда-нибудь обретут жизнь, заменив какое-нибудь «надоевшее» слово (такое в истории языка тоже случается) или обозначив какой-нибудь предмет или явление, ныне еще не существующее.

Рассмотрим процесс транскрипции на примерах. Если мы калькируем греческое слово *про-грамма* на латынь, получится *пре-скрип-ция* (с р. английское *prescription*): греческий префикс *про-* заменяется на соответствующий ему латинский *пре-*, а греческий корень *-грамм-* на латинский *-скрип(т)-*. Для пущей латинскости добавляется суффикс *-ция*, обозначающий некий процесс или его результат. Продолжим калькирование, на сей раз с латыни на русский: *пре- — пред-, -скрип- — -пис-, -ция — -ание*. В итоге получается слово предписание. Когда мы пишем программу для компьютера, мы предписываем ему, что он должен делать с вводимыми данными.

Разберем еще один пример. В XIX веке в русском языке появился неологизм (языковое новшество), слово *мировоззрение*. Сейчас это слово звучит вполне привычно для русского уха. Однако изначально это калька с немецкого *Weltanschauung* [вэ́льтаншау: нг]: *Welt — мир, an* — префикс, в данном случае близкий к *воз-*, *schau* — второй корень как в словах *смотреть, зрить,* а суффикс *-ung*, характерный для абстрактных существительных, подобен русскому *-ение*. В итоге — новое слово *мировоззрение*.

Калькирование — очень распространенный способ неявного заимствования иностранных слов. Неявного оттого, что в результате получается вроде бы «родное» слово, которое потенциально присутствовало в языке и ранее.

Кроме лексических калек встречаются фразеологические, когда дословно переводится иноязычный фразеологизм, то есть устойчивое словосочетание: французское *présence d'esprit* [прэза́(н)с дэспри́] прижилось в русском языке как *присутствие духа*, которое можно сохранять и терять. Наибольшее количество

такого рода калек вошли в русский язык из французского. Некоторые современники Пушкина упрекали его в том, что в своей прозе он пишет не по-русски, злоупотребляя французскими фразеологическими кальками. Интересно, что нынешний читатель большинство этих калек не замечает, воспринимая как исконно русские обороты речи, они прижились.

Еще более тонкий вид заимствования, близкий калькированию, — передача из одного языка в другой переносных (метафорических) значений слов. Так, французский глагол *toucher* [тушэ́] (ср. с английским *to touch*) кроме прямого значения — «трогать, прикасаться» имеет переносное значение — «задевать (чувства), волновать, производить эмоциональное впечатление». С XVIII века такое же переносное значение имеет и русский глагол *трогать*.

Не всегда калькирование производилось корректно, особенно в XVIII веке, в начале эпохи интенсивного калькирования слов из европейских языков, когда еще не выработалась строгость, необходимая для этого тонкого процесса. Русское слово *приставка* — пример безграмотного калькирования, вообще характерного, бог весть почему, для русской грамматической терминологии: *приставка* должна быть по своему смыслу калькой с латинского термина *префикс*, однако правильной калькой была бы *представка*, то есть то, что ставится перед корнем. А вот *приставка* — это как раз адекватная калька с термина *аффикс*, обозначающего оба вида словообразовательных элементов: и префиксы, ставящиеся перед корнем, и суффиксы, ставящиеся после него. Поэтому я стараюсь избегать слова *приставка*, заменяя его более точным термином *префикс*.

Заимствование на слух

В отличие от предыдущих трех видов заимствование на слух осуществлялось в пределах не письменной, а разговорной речи и людьми не знакомыми с языком-донором, а часто даже неграмотными, не знающими письменности родного языка. Письменная фиксация слов, заимствованных на слух, осуществлялась уже после того, как они входили в разговорный (народный) язык. Для этого вида заимствований необходим непосредственный контакт носителей разных языков. Обычно это было общение русских мастеровых, моряков, солдат с иностранцами — мастерами, управляющими имений, архитекторами, флотскими и армейскими командирами. Иностранные специалисты приезжали в Россию в XVIII веке да и

позже в большом количестве. Среди слов, заимствованных на слух, много профессионализмов (слов, употребляющихся почти исключительно представителями той или иной профессии) — названий инструментов, рабочих приемов, технологий.

При заимствовании на слух иноязычное слово обычно искажается до неузнаваемости, подгоняясь под фонетику принимающего языка. Рассмотрим пример: существовала на флоте английская команда *Ring the bell* [ринг зэ бэл] — «Позвони в (корабельный) колокол». Русские матросы переиначили ее не только фонетически, но и грамматически, получилось «в рынду бей». Впоследствии корабельный колокол стали называть рындой. Так образовался новый (в данном случае флотский) профессионализм. Не знаю, можно ли считать слово *рында* заимствованием из английского, в котором, естественно, никаких похожих слов нет.

Еще пара примеров заимствований на слух. Слово *шаромыжник* — от французского *cher ami* [шер ами́] — «дорогой друг». Это обращение русские крестьяне слышали от замерзающих наполеоновских солдат, клянчивших у них еду зимой 1812 года. Слово *противень* — от немецкого *Bratpfanne* [бра́тпфанэ] — «сковорода». Большинство подобных слов мы воспринимаем как исконно русские.

Все четыре формы заимствования сосуществуют в развивающемся языке, но в каждую эпоху одна из них преобладает. В первой половине XIX века, когда создавался язык науки и философии, вновь преобладало калькирование, на сей раз с европейских национальных языков, и очень многие русские слова, обозначающие отвлеченные (абстрактные) понятия, — это кальки с соответствующих немецких и французских слов, многие из которых, в свою очередь, либо по происхождению латинские, либо, в случае немецкого языка, — кальки с латинских слов. В настоящее время, когда заимствование идет преимущественно из английского языка, господствует транскрипция, а о калькировании почему-то забыли.

Рассмотрим в качестве упражнения, как могло бы происходить заимствование нужного в современной торговой жизни английского слова *promotion*. Транслитерация выглядит как *промоция* или *промоцион*, транскрипция — *промоушн*, а калька — *продвижение*. Недостаток кальки в том, что она требует добавочного пояснительного слова (*продвижение* товара), видимо, поэтому закрепился вариант *промоушн*, хотя «облик» у этого слова неприятный. Еще один пример, с заимствованием французского слова *engagement*. Транслитерация выглядела бы как

энгагемент, то есть слово прочитано, как если бы оно было латинским; транскрипция (в пределах возможностей русского языка) звучала бы как *ангажман*. Однако был выбран промежуточный вариант — *ангажемент*. Как видите, и транскрипция, и транслитерация не всегда применяются последовательно, обычно в результате явного заимствования появляется некий гибрид транслитерации и транскрипции. Большую роль здесь играют традиции заимствования, часто имеющие совершенно иррациональный характер. Это касается также и передачи иноязычных имен собственных. Так, немецкие имена и фамилии передаются довольно точно, но буквосочетания *ei* (произносится [ай]) и *eu* (произносится [ой]) почему-то упорно записываются как *ей/эй*. В результате Айнштайна (*Einstein*) и Фройда (*Freud*) мы назовем Эйнштейном и Фрейдом.

Основное правило при образовании новых слов (терминов, названий технических устройств) таково: словообразовательные элементы должны происходить из одного языка, смешение французского с нижегородским и даже греческого с латынью считается дурным тоном. Но правило это знает немало исключений и в научной лексике, и в обыденном языке. В лексически эклектичном английском языке многие латинские приставки окончательно натурализовались и слова вроде *dislike* или *remake*, то есть сочетания латинских приставок и германских корней никого не удивляют, и воспринимаются эти слова как «родные».

Забавны так называемые полукальки, когда один из корней двухкорневого иностранного слова калькируется, а другой корень транскрибируется. Слово *светофор* должно было бы превратиться по правилам либо в *фосфор* (транскрипция), либо в *светоносец* (полная калька), а *телевидение* — либо в *телевизия* (как в польском языке), либо в *дальновидение* (как в немецком — *Fernsehen* [фэ́рнзэ: н]). Интересно, что в слове *телевизор* калькирования не произошло.

Заимствоваться могут не только отдельные слова и устойчивые словосочетания (фразеологизмы), но даже отдельные грамматические формы. Например, вопрос *Что вы имеете сказать?* явно устроен не по-русски. Это грамматическая калька (не лексическая — ведь все слова в ней русские) с какого-нибудь романо-германского или польского языка. На любом из этих языков соответствующая грамматическая конструкция звучит естественно.

Разные языки с разной степенью бережности относятся к заимствованным словам и транскрипции иноязычных имен собственных, стремясь к максимальной точности передачи их

звучания, либо пренебрегая ею в угоду легкости произношения. Рассмотрим в качестве примера произнесение имени Христа в разных языках. Большинство удовлетворилось латинским написанием его имени *Jesus*, но произносят в соответствии с правилами чтения своего языка: немцы — [е́зус], хотя бы как в латыни, а англичане и французы совсем далеко от латинского оригинала: [джи́зас] и [жэзю́] соответственно. И только русские, напрягая речевой орган непривычным двойным [и], произносят имя Иисуса максимально близко к древнееврейскому оригиналу. Вообще русскому языку свойственно довольно бережное отношение к передаче реального звучания заимствованных в виде транскрипции слов.

В заключение приведу список терминов русской филологии, обозначающих словесные, фразеологические или грамматические заимствования из разных языков. Напоминаю, что филология в отличие от лингвистики занимается не общими вопросами языкознания, а функционированием конкретного языка и литературой, им порожденной.

Знакомство с этим списком — не пустая трата времени на знакомство со специальной, не нужной на практике терминологией. Это, по сути, список языков, оказавших наибольшее лексическое влияние на русский. Среди терминов вы узнаете знакомые, например, англицизм, но не найдете венгеризма, ведь венгерский язык снабдил русский недостаточным количеством слов, чтобы ради них заводить специальный термин. А вот в словацкой филологии обязательно есть что-то вроде венгеризмов. Это я могу предположить, зная, что нынешняя Словакия долгое время пребывала под венгерской короной.

Итак, вот этот список.

Англицизм — из английского языка.

Арабизм — из арабского языка, часто через посредство тюркских или европейских языков. Разумеется, арабский язык не входит в тематику этой книги. В давние времена он был очень и очень влиятельным, в том числе и в Европе. Вплоть до эпохи Возрождения арабская культура превосходила европейскую.

Галлицизм — из французского языка. Термин происходит от древнелатинского названия нынешней территории Франции — Gallia по имени кельтского народа, галлов, который позже, смешавшись с германскими племенами, дал начало французскому этносу. От названия одного из этих племен, франки, произошло новолатинское имя страны — Francia.

Германизм — из немецкого языка.

Грецизм — из древнегреческого языка, часто через посредство латыни и западноевропейских языков. Некоторая часть грецизмов, в основном церковной лексики, заимствована из византийского греческого, который уже несколько отошел от классического образца.

Латинизм — из латыни, или впрямую, или, что чаще, через посредничество какого-нибудь европейского языка.

Полонизм — из польского языка. Термин восходит к латинскому названию Польши — Polonia.

Славянизм — не из любого славянского языка, как можно было бы подумать (впрочем, такой широкий термин не имел бы смысла), а только и именно из церковнославянского (один из диалектов древнеболгарского).

Тюркизм — из какого-либо тюркского языка.

Древние языки Европы

Их было много, но только языки двух народов окончательно сформировали европейскую цивилизацию — это древнегреческий и латынь. Их изучение продолжается до сих пор, соответствующий раздел языкознания называется классической (то есть по-латыни образцовой) филологией. Классические филологи занимаются не только античным периодом, но и греческим языком Византийской империи и богатейшей литературой, созданной в этом государстве, и так называемой средневековой латынью, бывшей lingua franca для образованных людей Европы на протяжении многих столетий.

Древнегреческий язык

Этот мертвый язык до сих пор имеет колоссальное значение для европейской — или шире — так называемой западной цивилизации. Ее иногда еще называют средиземноморской (по происхождению), хотя сейчас в средиземноморскую цивилизацию входят и обе Америки, и Австралия, и даже отчасти Япония и некоторые другие азиатские и африканские страны. Россия и русская культура также составляют часть средиземноморской культуры.

Все главные государственные, социальные и культурные институты стран западной цивилизации были «придуманы» в Древней Греции: наука, искусство, театр, демократия, основные направления философской мысли, существующие до сих пор, нормы правильного мышления — логика, европейская медицинская традиция и т. д. Древнегреческий язык сложился приблизительно за 1500 лет до н. э. Он ненамного моложе китайского. Это единственный индоевропейский язык, имеющий такую древнюю документированную по письменным памятникам историю. Среди современных языков у него нет родственников, хотя они, конечно, были в древности, но не сохранились до наших дней.

Поражает воображение тот факт, что слов древнегреческого языка, на котором говорили неграмотные пастухи и землепашцы более 2000 лет назад, нам до сих пор хватает для создания новых слов, причем интернационализмов, для обозначения разнообразных новинок в технической и социальной сфере. Приведу примеры из последних десятилетий: *магнитофон, гомофобия, геликоптер, нанотехнологии.*

Современный греческий, или новогреческий, — прямой потомок древнегреческого — имеет незначительное влияние на другие языки, поэтому, когда в дальнейшем будет упоминаться греческий язык, греческое влияние и тому подобное, речь будет идти о древнегреческом языке либо о влиянии византийской культуры (греческий был государственным языком в Византийской империи) главным образом на Восточную и Южную Европу.

На русский язык греческое влияние обрушивалось дважды. Первый раз — это было прямое влияние греческого языка и культуры Византии, под присмотром и при участии которой, происходила христианизация Руси, великая культурная революция, процесс, продолжавшийся многие века. Транскрибированием и в форме калек было заимствовано из

греческого огромное количество слов, имеющих отношение к богослужению, богословию, философии, политике и другим областям жизни. Второй раз греческое влияние осуществлялось опосредованно, через заимствование слов европейских языков, начавшееся еще в допетровские времена, то есть греческие корни на сей раз приходили (и приходят до сих пор) в русский язык после их переработки в латыни и далее — в «живых» европейских языках.

Латинский язык
Lingua latina

Рим покорил Средиземноморье силой своей государственной организации и военной мощью. Народ, претендующий на создание империи, имеет шансы на успех только в том случае, если он способен обогащать свою культуру за счет усвоения разнообразных культурных достижений народов, входящих в зону его влияния. Римляне таким качеством обладали в полной мере. В особенности это проявилось в отношении богатейшей греческой культуры. Когда во II веке до н. э. римляне распространили свой государственный контроль на Пелопоннес, они были потрясены разнообразием и утонченностью культуры завоеванного народа и ясно осознали свою отсталость во многих областях.

В ближайшие столетия знание греческого языка стало обязательным для римской аристократии, ведь по-латыни о таких сложных вещах, как искусство, философия, — а тогда под философией (любомудрием) разумелась наука вообще, — ни говорить, ни писать было невозможно, поскольку слов нужных не было. Со временем латынь приспособили для выражения абстрактных мыслей и описания сложных вещей путем обогащения своего языка множеством греческих заимствований. Это перетекание лексики шло отчасти с помощью калькирования, но главным образом в форме прямого заимствования. Причем латинянам пришлось ввести в свой алфавит дополнительные буквы и устойчивые буквосочетания для максимально точной передачи звучания греческих слов. Полагаю, в этом проявилось то глубочайшее почтение, которое римляне испытывали к греческому языку и культуре. Эти буквы и буквосочетания сохранились позже в европейских языках, использующих латинский алфавит (точнее, новолатинский с добавлением еще двух букв *j, u*, а позднее и *w*), и с разной степенью достоверности (в разных языках) служат индикаторами греческого происхождения слова, в написании которого они используются. Наиболее последовательно это прослеживается в английском языке.

Количество заимствованных греческих слов так велико, что латынь Средних веков и Нового времени, когда она была языком международного общения образованных людей, с полным правом можно называть греко-латынью. И уж конечно, таковой можно считать так называемую латинскую номенклатуру, до сих пор используемую во многих областях знания, в частности в

биологии, медицине, фармацевтике, геологии и других науках. В терминологии этих областей знания греческих корней в латинском написании, пожалуй, даже больше, чем собственно латинских.

Латынь называют мертвым языком. Это не совсем верно. Возможно, она умирает, но умирает уже добрых 1500 лет. С тех пор как латынь перестала быть родным языком кого бы то ни было из людей, она еще долгое время была языком международного общения образованных европейцев вплоть до начала XIX века. За это время было «изобретено» множество новых слов, отсутствовавших в классической латыни, либо старым словам было придано новое значение, например, латинское слово эволюция (развитие) после приобрело специальное значение, обозначающее историческое развитие органического мира. Это ли не признак живого, развивающегося (эволюционирующего) языка! Томас Мор, Эразм Роттердамский, Исаак Ньютон писали свои труды по-латыни. Лишь в Новое время национальные языки развились до такой степени, что стало возможно появление отдельных научных и философских трудов на французском, немецком, английском языках.

До недавнего времени латынь была обязательным языком католического богослужения, то есть большинство христиан (католиков на свете более миллиарда) воспринимали литургию именно на этом языке. И сегодня изучают латынь: весьма основательно — на теологических факультетах, особенно католических университетов, и поверхностно — будущие медики, фармацевты и юристы (римское право до сих пор является основой западной юридической системы). По разным оценкам, в мире насчитывается не менее 2 миллионов человек, владеющих этим «мертвым» языком. Больше, чем эстонским или ирландским. На латынь переведена мировая классика, издаются журналы с новыми литературными произведениями на этом языке. Я вполне могу себе представить двух католических священников, обсуждающих какие-то житейские дела на этом «мертвом» языке.

Читаем по-латыни

Умение читать по-латыни полезно по нескольким причинам. Во-первых, это позволяет правильно читать греко-латинскую международную терминологию, используемую во многих отраслях знания. Во-вторых, вы не спасуете перед устойчивыми латинскими выражениями, которые во всех европейских языках принято употреблять без перевода, и если и не поймете их, то

хотя бы правильно прочитаете: *quantum satis* — «сколько угодно» (дословно — «в насыщающем количестве»); *in vitro* — «биологический эксперимент, проведенный вне живого тела» (дословно — «в стекле, в пробирке»); *cui prodest* — «кому выгодно» (один из принципов юридического расследования); *post hoc, ergo propter hoc* — «после этого, значит вследствие этого» (распространенная ошибка житейской логики) и множество других. В-третьих, это необходимо для освоения письменности большинства европейских языков, пользующихся латинской графикой.

Итак, мы убедились, что латинский язык просто необходим — и сам по себе, и в непосредственной связи с разными европейскими языками. Поэтому правила чтения по-латыни надо вызубрить, если, конечно, вы их еще не знаете. В математике и естественных науках переменные величины, да и константы тоже, с незапамятных времен принято обозначать латинскими буквами.

Вот он, латинский алфавит из 25 букв, без введенной позднее буквы *w*, которую у нас называют то по-немецки «вэ», то по-французски «дубльвэ» (двойное вэ). Этот алфавит принято называть новолатинским, так как в античные времена римляне обходились без еще двух букв — *j* и *u*. Вместо них использовались *i* и *v* соответственно.

Начертание	Название	Произношение
A, a	а	а
B, b	бэ	б
C, c	цэ	ц/к
D, d	дэ	д
E, e	э	э
F, f	эф	ф
G, g	гэ	г
H, h	ха	г^{х}
I, i	и	и
J, j	йот (йота)	й
K, k	ка	к
L, l	эль	ль
M, m	эм	м
N, n	эн	н
O, o	о	о
P, p	пэ	п
Q, q	ку	кв
R, r	эр	р
S, s	эс	с/з
T, t	тэ	т/ц
U, u	у	у
V, v	вэ	в
X, x	икс	кс/гз
Y, y	ипсилон	и
Z, z	зэт	з

Базовые правила чтения латинских букв надо знать твердо. В дальнейшем, знакомясь с национальными алфавитами, мы будем рассматривать только то, что отличается от латинского стандарта (иное чтение латинских букв, дополнительные буквы и буквосочетания); если же какая-то буква не упоминается, то это по умолчанию означает, что она читается как в латинском языке. Это закон.

А теперь о частных особенностях чтения латинских слов, которые не имеют универсального характера, относятся только к латыни как языку и на которые не распространяется сформулированный закон.

Согласные звуки

Три «проблемные» буквы — *c, s, t* — имеют по два варианта чтения в зависимости от соседних букв:

c — перед i, *e, y,* а также перед буквосочетаниями *ae* и *oe* читается как [ц], в остальных случаях (в том числе перед согласными) — [к]: *cito* [цито] — «срочно» (знакомо нам по надписям на рецептах), *cuprum* — «медь»;

s — между гласными и рядом с согласными m и n читается как [з], в остальных случаях — [с]: *Rosa, plasma*;

t — как [т], за исключением *ti* перед гласной; если перед *ti* нет *s* или *x*, тогда *ti* произносится как [ци]: *tertia* — «треть».

Буквосочетание *ch* обозначает звук [х]. В латинском языке такого звука не было (был придыхательный [h], как в английском или немецком). Римляне ввели *ch* специально для передачи соответствующего греческого звука в словах, заимствованных из этого языка. Были введены еще буквосочетания *ph, th* и *rh* для обозначения греческих придыхательных [п], [т] и [р], которые, впрочем, произносились как непридыхательные [ф], [т] и [р] соответственно. В некоторых европейских языках (как, например, в английском) эти буквосочетания в греческих заимствованиях сохранились, но в большинстве других заменены просто на *f, t, r* соответственно.

Буквы *x, y, z* также появились специально для написания греческих слов. Буква *x* соответствует греческой букве «кси» и читается либо [кс], либо [гз], если располагается между гласными. Буква *y*, называемая «и псилон» (по-гречески — «голая и»), обозначает особый греческий звук, хотя обычно произносится как [и]; в русской традиции эту букву принято называть по-французски *i greque* [игрэ́к] («греческая и»), но с неправильным ударением [игрек]. Буква *z* соответствует греческой букве «дзета» и всегда читается как [з]. Интересно, что эти три буквы есть в алфавитах не всех европейских языков, пользующихся латинской графикой. Если же они имеются в наличии, то часто сохраняют по наследству от латыни функцию передачи иноязычных слов — всегда или только в транскрипциях с языков, пользующихся иной графикой. Так, буква *y* [ўай] в английском языке используется для передачи русского звука [ы].

Гласные звуки

Буквосочетание *ae* (как и буква *e*) обозначает звук [э]. Буква *c* перед *ae* читается как [ц]. Имя собственное *Caesar* [цэ́зар] стало и нарицательным, которое в русском языке, будучи заимствовано в разное время и из разных языков, присутствует в четырех формах:

цезарь, кесарь, царь, кайзер. Другие примеры с *ae*: *phaenomenon* [фэно́мэнон], *Europaeus* [эуро́пэус].

Буквосочетание *oe* обозначает звук, который во французском языке передается буквосочетанием *eu*, а в немецком, венгерском и турецком — буквой *ö*. В русском языке подобного звука нет, и приходится передавать его буквой ё. Получится почти то, что надо, если вам удастся не смягчать предшествующую согласную: *amoeba* [амёба]. Перед *oe* (как и перед *ae*) латинская *c* читается [ц], например: *coelum* [цёлюм] («небо»).

А что делать, если надо передать раздельное звучание буквосочетаний *аэ* и *оэ*? Тогда над второй буквой ставится диакритический знак диереза (или трема) — горизонтальное двоеточие, как над русской *ё*: *aër* [аэр] (а не [эр]), *poëta* [поэ́та] (а не [пёта]).

В дифтонгах *au* [ау] и *eu* [эу] второй компонент произносится приблизительно в два раза короче, близко к [в]: *Augustus* [ауґу́стус], *Europa* [эуро́па].

Вопрос со словесным ударением — довольно сложный. Следует запомнить самое простое, самое общее: ударение в словах падает либо на второй, либо на третий слог от конца.

Алфавиты на основе латинской графики

Большинство европейских языков пользуются различными вариантами латинской графики. Естественным образом вместе с латинским языком приняли ее романские народы, с принятием христианства — германские народы. Церковный раскол на так называемую Западную и Восточную церкви приостановил частично экспансию латинского алфавита — многие православные народы были одарены специально разработанным для них византийскими миссионерами алфавитом — так называемой кириллицей. В настоящее время вариантами кириллицы пользуются многие южнославянские и все восточнославянские народы. Православные греки остались при своем исконном алфавите.

Далее латиница и кириллица продолжили свое распространение среди народов, не имевших ранее своей письменности, а также среди мусульманских народов, говоривших на тюркских языках. Ранее они пользовались арабским письмом, которое плохо подходило для передачи тюркской фонетики, но сохранялось вследствие религиозной традиции.

Любопытно, что в Советском Союзе до 1939 года, когда

тюркские языки перевели на кириллицу, они (узбекский, туркменский и др.) пользовались латинской графикой, как и в Турции того времени (с 1928 года), и коммунистических империалистов и русификаторов это нисколько не смущало. Однако когда несколько лет назад правительство Татарстана сделало робкую попытку перевести татарский язык на латинскую графику, это вызвало форменную истерику в Государственной думе, расценившей это как проявление сепаратизма. Русскому языку тоже не помешало бы обзавестись параллельной латинской графикой как, например, в сербскохорватском.

Все европейские алфавиты на основе латинской графики можно условно разделить на две группы: «старые» алфавиты, складывавшиеся веками и бесконтрольно, и «молодые», сложившиеся за короткое время, зачастую не без участия профессиональных языковедов-просветителей. К первой группе относятся языки «старых» в культурном отношении народов, давно имеющих свои государственные образования (необязательно общенациональные). Это французский, английский, немецкий, итальянский, испанский, польский и некоторые другие. Их орфография менялась постепенно, самым прихотливым образом, отчасти (но только отчасти) следуя изменениям в звуковом строе языка.

«Молодые» алфавиты сложились в эпоху национального самоосознания народов, не имевших прежде государственности (финны, литовцы и др.) или на долгое время ее утративших (как, например, сербы или чехи). Этот процесс протекал в основном в течение XIX века. «Молодые» алфавиты в отличие от большинства «старых» отличаются большей регулярностью в передаче звуков соответствующего языка и тем самым легче для освоения.

Далее мы рассмотрим отдельные буквы алфавитов на основе латинского, условно разделив их на три группы: «хорошие» — те, которые в большинстве алфавитов читаются как в латинском, «плохие» — имеющие много вариантов произношения, и «дополнительные» — буквы, снабженные дополнительными значками, которых изначально не было в латинском алфавите.

«Хорошие» буквы

«Хорошими» будем называть те буквы латинского алфавита, которые в большинстве европейских языков всегда читаются, причем одинаково, и так, как в латыни. Разумеется, об английском языке мы вообще упоминать не будем, так как в письменности этого языка «хороших» букв, то есть читающихся всегда одинаково, очень мало: *b, d, f, j, n, v, z,* а среди обозначающих гласные звуки их нет вовсе. Вот и весь список для

английского.

Ниже приводятся буквы, которые с натяжкой можно считать «хорошими» в ареале европейских языков. Во французском, однако, большинство согласных на конце слова не читаются. Имея в виду этот факт, упоминать о нем каждый раз не будем.

Aa Звук [а] в европейских языках образует большое многообразие, для русского уха плохо различимое.

Bb Проблемы возникают в испанском— произносится близко к русскому [в] между гласными.

Dd Надежная буква, хотя соответствующий звук не всегда такой звонкий, как в русском.

Ee Близок к русскому [э]. Во французском без диакритических знаков обычно не читается.

Ff Проявляет похвальное постоянство, во всех языках читается, и читается одинаково, как заповедано латинской традицией.

Ii В турецком обозначает звук, близкий к русскому [ы].

Kk Постоянен. В романских языках встречается обычно в заимствованных словах — традиция, идущая от латыни.

Ll В подавляющем большинстве европейских языков произносится как среднее по мягкости между русскими [л] и [ль].

Mm Похвальное постоянство.

Nn То же можно сказать и о звуке, обозначаемом этой буквой.

Oo Произношение во многих языках довольно сильно отличается от русского [о], что, впрочем, для русского уха трудноуловимо.

Pp Различия в произношении для русского уха неуловимы.

Rr Произношение также довольно разнообразно в различных языках, но для русского человека звучит как русское [р].

Uu Всегда [у], кроме французского, где обозначает другой звук.

Vv Всегда [в], кроме немецкого, в котором отображает звук [ф] в незаимствованных, то есть исконно немецких словах.

«Плохие» буквы

«Плохими», ненадежными буквами мы будем условно называть те латинские буквы (без диакритических, дополнительных знаков), которые в разных языках читаются по-разному, а вдобавок и в пределах одного языка могут иметь разное чтение, а то и не читаются вовсе. Таких букв немало. Они осложняют овладение письменностью языка, в частности, создавая путаницу тем, что в разных языках читаются по-разному. Однако некоторые не вполне отчетливые закономерности в их чтении все же можно уловить. Часть этих закономерностей

продолжает традицию латинской орфографии. Вот этими-то не вполне отчетливыми закономерностями, облегчающими знакомство с незнакомыми системами письменности, мы сейчас и займемся.

Буквы *k, x, y, z* были введены в латинский алфавит для передачи греческих слов, то есть изначально были как бы необязательными. Отзвуки этого мы наблюдаем (хотя, конечно, и не в полной мере и в трансформированном виде) во многих европейских языках, особенно в романских, где буква *k* излишняя и используется только в заимствованных словах.

Xx Это вообще недоразумение, без которого многие алфавиты прекрасно обходятся.

Yy Для нее каждый язык подыскивает что-нибудь свое, разброс здесь довольно велик, хотя большинство этих звуков более или менее близки к [и]. Эта буква часто используется для транскрипции иноязычных звуков, похожих на [и], например русского *ы*.

Zz Часто обозначает звук [з], хотя и не во всех языках.

Cc Как вы помните, в латинском языке эта буква читается как [ц] перед гласными *i, e, y,* (а также *ae* и *oe*) и как [к] перед остальными, в том числе перед всеми согласными. Буква с может читаться по-разному в разных языках, но закономерность, заданная латынью, сохраняется, по крайней мере, в романо-германских языках: перед *e, y, i,* как [ц] (немецкий), [с] (французский и английский), [ч] (итальянский) или глухой щелевой звук (испанский). В остальных положениях только как [к]. В западнославянских языках *c* — хорошая буква, потому что всегда читается как [ц]. Буква с охотно используется почти во всех европейских языках в буквосочетаниях для звуков, отсутствовавших в латыни. Впрочем, начало этому положили именно латиняне, введя буквосочетание *ch* специально для обозначения греческого [х].

Gg В латинском языке имелся один вариант прочтения — [г]. Однако в языках, развившихся на его основе, эта буква проиобрела два варианта чтения, причем по тому же правилу, что мы имели в случае с буквой *c*. А именно, перед теми же буквами *e, y, i* читается необычно: [ж] (французский и португальский), [х] (испанский), [дьжь] (итальянский и английский), [й] (шведский) во всех остальных случаях — честное [г].

Jj В классическом латинском алфавите эта буква вовсе отсутствовала. Ее чтение в разных европейских языках подчиняется любопытному правилу. Если буква *g* имеет в данном языке два варианта произношения, то *j* всегда произносится как «неправильный» вариант *g*: в испанском всегда [х], в английском

всегда [дьжь], во французском и португальском всегда [ж]. Если же *g* имеет в языке только один вариант чтения [г] (многие германские и славянские языки), то буква *j* произносится как русское [й] либо перед гласной обозначает его йотированность (см. с. 64[Йотирование разбирается в главе "Русский язык"]). Вот одна из определенных закономерностей.

Hh У этой буквы в романских языках несчастливая судьба — она попросту никогда не читается, а используется как служебная для изменения чтения основной буквы. Например, в португальском *h* обозначает мягкость произношения буквы n: *nh* — [нь], а в итальянском позволяет читать с перед *i* и *e* как [к]: *che* [кэ]. А вот в германских и некоторых славянских, пользующихся латинской графикой, обозначает тот же звук, что и в латыни, — придыхательное [х] (близкое к украинскому или южнорусскому [г]), которое изучающие немецкий или английский языки бессовестно произносят как обычное русское [х]: [хэв], [хабэн], — один из трудноустранимых элементов русского акцента.

Дополнительные буквы и буквосочетания

Поначалу в большинстве стран Европы тексты на основных национальных языках записывались буквами латинского алфавита. Однако не все звуки можно было ими передать. Постепенно в пределах формирующихся национальных алфавитов появлялись и закреплялись письменной традицией особые дополнительные буквы и букво сочетания для передачи тех звуков, которые в латыни отсутствовали. Процесс это был весьма длительный и в большинстве языков завершился приблизительно к началу XIX века.

В течение следующего столетия происходило возрождение или становление литературных языков народов либо обретавших государственную независимость, либо проявлявших тягу к культурной автономии в пределах империй. Алфавиты этих языков часто складывались не долгим естественным и весьма прихотливым путем, а в результате деятельности группы образованных носителей языка; зачастую алфавиты были результатом индивидуального творчества профессиональных просветителей-лингвистов, работавших подобно легендарным Кириллу и Мефодию. Например, сербский лингвист Вук Караджич создал исключительно простой для изучения алфавит для сербскохорватского языка сразу в двух вариантах — на основе латыни и кириллицы, причем для обоих вариантов существует соответствие между буквами и звуками, чего в алфавитах, складывавшихся естественным путем, не наблюдается.

Вообще можно сказать (конечно, со многими оговорками),

что чем моложе алфавит, тем он более логично выстроен и легок для освоения. В старых алфавитах, особенно пренебрегавших реформами правописания (яркий пример — английский язык), накапливается большое число несоответствий между письменной традицией и изменившимся произношением звуков и слов, что делает освоение правописания трудным не только для иностранцев, но и для носителей языка.

Дополнительными буквами национальных алфавитов мы будем называть те, в которых используются так называемые диакритические (что значит различительные) знаки, то есть дополнительные графические значки, отличающие дополнительные буквы от основных. Они могут находиться над буквой, под ней, изредка — встраиваться в середину буквы.

Это надстрочные крючки: чешское *ž* — [ж], тильды: испанское *ñ* — [нь], подстрочные лапки: турецкое *ş* — [ш], одна надстрочная точка: польское *ż* — [ж], две стоящие рядом надстрочные точки (диерезы): немецкое *ä* — [э]. Кстати, этот диакритический знак — один из немногих, использовавшихся в позднелатинской письменности для обозначения раздельности произношения гласных: *poëtica* [поэтика] («поэтический»). Без двух точек слово произносилось бы [пётика]. Знак диереза (лат. *puncta diaereseos*) часто называется иначе: трема (лат. *trēma*).

Самый распространенный диакритический знак — акут. Название происходит от латинского *acutis* — «острый», имеется в виду, что эта наклонная черта над буквой образует острый угол с линией, параллельной строке. В противоположность ему гравис (*gravis* — «тупой») образует тупой угол — это гораздо менее распространенный диакритический знак (встречается в итальянском и французском).

В русском языке акут обозначает ударный слог. Кстати говоря, отсутствие этого знака на клавиатуре персональных компьютеров, как мне кажется, одна из причин падения культуры устной речи: люди не знают, как делать ударение в незнакомых словах. В испанском и португальском акут также обозначает ударный слог, причем его употребление на письме обязательно в словах, в которых нарушаются правила постановки ударения, существующие в этих языках, а таких слов в них немало. Чрезвычайно удобная вещь для иностранцев, изучающих эти языки. Во французском акут обозначает, что отмеченная им буква *e* произносится, хотя по правилам, по своему положению она этого недостойна: *café* [кафэ́]. Наконец, в чешском, словацком и венгерском акут обозначает долготу гласного, над которым он проставлен.

В качестве дополнительных букв можно рассматривать и так

называемые лигатуры (по-латыни — связки), представляющие собой слитное написание двух букв, которое передает один звук. Встречаются они относительно редко, в качестве примера можно привести французскую *œ*, сербскохорватскую *љ*, есть лигатуры и в других алфавитах.

Мы рассмотрели только некоторые примеры диакритических знаков и лигатур. Кто интересуется полным списком, может в меню программы Microsoft Word нажать последовательно «Вставка», а затем «Символ…» и полюбоваться на немыслимое многообразие диакритики (совокупность диакритических знаков) вместе с буквами, которым они приданы.

Теперь об устойчивых буквосочетаниях, передающих звуки, отсутствовавшие в латинском языке. Некоторые языки тяготеют к введению дополнительных букв с диакритическими знаками, другие — к использованию устойчивых буквосочетаний, наконец, для третьих характерно сочетание обоих способов.

Устойчивые буквосочетания появились еще в латинском алфавите для обозначения греческих звуков в заимствованных из этого языка словах, отсутствовавших в латыни. Это: *ph* — греческое придыхательное [п], *th* — придыхательное [т], *rh* — придыхательное [р], ch — [х].

В большинстве языков устойчивые буквосочетания состоят не более чем из двух букв; например, *ch* в немецком, польском и чешском так же, как в латыни, обозначает звук [х], в английском и испанском — [ч], а во французском и португальском — [ш]. В немецком же число букв в устойчивом сочетании достигает четырех: *tsch* — [ч], как, например, в названии самого языка: *Deutsch* [дойч].

Русский язык

Прежде чем браться за знакомство с европейскими языками, нам следует поговорить о своем родном языке — русском. Как мне кажется, один из недостатков преподавания русского языка в нашей стране — это то, что оно начинается слишком рано и заканчивается фактически к 14 годам, когда интеллект ученика только начинает работать в полной мере. В результате все знания по русскому языку — это свод запомненных, но не осмысленных «правил» орфографии и грамматики. Иностранный, один из европейских языков, появляется в учебной программе позднее, но преподавание двух языковых предметов совершенно не связано между собой.

Русский язык входит в восточнославянскую группу славянских языков. В последние две сотни лет — самый значительный из славянских языков и по числу говорящих, и по своей литературе, и по лексическому влиянию на языки соседей.

Влияние русского языка вначале определялось политическим могуществом Российской империи, а во второй половине XIX века также необыкновенным расцветом русской художественной литературы и бурным развитием науки. Советский Союз после Второй мировой войны раздвинул границы влияния русского языка за счет так называемых стран социалистического лагеря. Русский был обязательным школьным предметом в большинстве этих стран, хотя и преподавался ненамного лучше, чем иностранные языки в большинстве советских школ.

Образовывал русский язык когда-то и так называемые пиджины (смешанные языки) на окраинах империи, ныне исчезнувшие. Зафиксированы, по крайней мере, два: руссонорск, на котором поморы общались с норвежцами, и кяхтинский язык (через город Кяхту шла торговля между Россией и Китаем), использовавший искаженную русскую лексику и китайскую грамматику. Знаменитая фраза «моя твоя понимай нету» — это не искаженный русский, а «нормативный» кяхтинский язык, его изучали китайские купцы и чиновники, имевшие дело с Россией, причем в их «зачетках» он значился как русский язык.

Русский в настоящее время — это не только государственный язык России, он пока остается языком межнационального общения на постсоветском пространстве, а также распространен в Монголии. Азербайджанцы общаются по-русски с грузинами, молдаване с казахами, таджики с узбеками, и я даже подозреваю, что латыши с эстонцами делают это. Однако со временем русский язык, по-видимому, потеряет статус языка межнационального

общения, уже сейчас молодежь на постсоветском пространстве за пределами России в большинстве (en masse [а(н)ма́с], как сказали бы еще в XIX веке) не знает русского.

На протяжении своей истории русский язык испытал влияние многих других языков, что проявлялось не только в виде обогащения словарного запаса, но даже в изменениях в грамматике и фонетике. Перечислим лишь главные источники влияния, или, как мы их будем называть, языки-доноры.

С X века, со времени христианизации Руси, начался приток огромного числа греческих слов в виде калек и транскриптов, что обеспечило создание языка богословия, и отчасти первичного языка науки. С этого же времени начинается влияние на русский так называемого церковнославянского языка. Последний является одним из диалектов древнеболгарского, произвольно выбранным византийскими миссионерами в качестве языка богослужения новообращенных славян. Именно под этот язык разрабатывали свою азбуку Кирилл и Мефодий. В живом виде, в разговорной форме этого языка уже давно не существует, но подобно латыни он продолжает жить в литургии. Последний крупный массив слов из церковнославянского пришел в русский в XVIII веке, когда складывался язык светской литературы и поэзии.

«Апостол» (1564), первая печатная книга просветителя Ивана Фёдорова (около 1510–1583)

В период вхождения Руси в состав Золотой Орды и позже происходило массовое заимствование из тюркских языков слов, обозначающих оружие, предметы быта (*сундук*), еду, съедобные растения, пришедшие с Востока (*арбуз*), одежду (*кафтан*, *халат*). Кстати, об арбузе: поразительная вещь — не существует русских

и, кажется, вообще славянских слов, имеющих начальную букву *а*. Все они (*абажур*, *арбуз* и др.) — заимствованные. Слов, обозначающих отвлеченные понятия, среди тюркизмов почти не было, если не считать таковым, например, деньги — тоже тюркское слово.

После обретения Русью самостоятельности с XVI века начинается приток заимствований из Европы, в основном через посредство польского языка. Польша того времени в союзе с Литвой была одним из крупнейших европейских государств. Знание польского языка было распространено среди образованных русских бояр вплоть до петровских времен, когда начался закат польского государства. Через польский язык пришло немало слов латинского, французского и немецкого происхождения, обозначавших реалии европейского быта, а также некоторые категории светской (небогословской) философии. Заимствование происходило тем легче, что эти слова уже прошли фонетическую обработку в родственном славянском языке.

Наконец, в петровские времена, с началом вестернизации России (уподобления Западу), в русский язык хлынул поток прямых (уже без посредничества польского) заимствований из западноевропейских языков вместе с множеством иностранных инженеров, военных, ремесленников, корабелов, архитекторов и прочих специалистов. Тогда же началось заимствование иностранных слов «на слух» русскими людьми, часто неграмотными. Среди языков-доноров лидировали голландский, немецкий, французский и английский (уже тогда становившийся lingua franca моряков).

«Поликарпов букварь» (XVIII век). Называют по имени автора — русского писателя, переводчика, издателя Ф. П. Поликарпова-

Орлова (около 1670–1731)

Знаменитый букварь Симеона Полоцкого (1679 год)

До XVIII века параллельно с русским языком существовал за пределами Российского государства так называемый западнорусский письменный язык, бывший, по сути, государственным (канцелярским) языком Великого княжества Литовского, части Польши (Галиции) и Молдавии. Исчезнув по политическим причинам (экспансия Российского государства), он, тем не менее, оказал значительное влияние на становление белорусского и украинского языков.

Литературный русский язык в его нынешнем виде сложился в первой половине XIX века трудом не только русских писателей и поэтов, но, может быть, главным образом переводчиков и авторов научных книг и статей. Почему-то когда говорят о литературном языке, обычно имеют в виду язык беллетристики, художественной литературы и поэзии. А ведь под литературным понимается вообще письменный язык, дающий возможность писать о чем угодно, создавать тексты на любые темы. Фарси, древний язык персов, бывший государственным языком этой страны, имел чрезвычайно развитую поэтическую традицию, но я сомневаюсь, что на этот язык можно было адекватно перевести «Происхождение видов» Чарлза Дарвина в год выхода этой книги (1859-й). Попробовали бы вы написать статью по своей специальности, пользуясь лексикой и синтаксисом русского языка, скажем, образца 1800 года. Слов бы не нашли не только для обозначения понятий, но и, взяв соответствующие им иностранные, не знали бы, как связать их в осмысленные предложения.

Слова из европейских языков, в первую очередь немецкого, во вторую французского и в некоторой мере английского, в этот период заимствовались и впрямую (через транскрипцию или транслитерацию), или на слух (через разговорную речь), или путем калькирования, то есть с использованием всех способов заимствования, что есть несомненный признак высокой интенсивности этого процесса. Очень ответственный процесс, который в нашей стране никогда не был под государственным контролем.

В результате появилось также множество неуклюжих калек и неологизмов с темным содержанием. Почему-то их особенно много в грамматической терминологии: все эти склонения, подлежащие, сказуемые, наречия, спряжения, которыми уже не одно столетие мучают русских детей.

В грамматических терминах даже встречаются явно ошибочные кальки, о них уже упоминалось выше. Так, *приставка* и *префикс* считаются синонимами, но это не так. *Приставка* — это чистая калька с латинского *аффикс* («приставленное, прикрепленное» — к корню). Аффикс имеет два вида: префикс — «представка», прикрепленная к корню спереди (то, что неправильно называется приставкой), и суффикс — «послеставка», прикрепленная к корню сзади. *Подлежащее* — неуклюжая калька с латинского *subjectus* (субъект). Откуда взялось слово *дополнение* вместо латинского *objectus* (объект; калька с этого слова — предмет) и что оно дополняет, — бог весть.

Тем не менее процесс создания полноценного русского литературного языка к середине XIX века завершился, а к его концу была создана не только великая художественная литература (чрезвычайно прославившая и возвысившая Россию в мире), но и великолепная традиция языка естественных наук. Чтение трудов русских биологов, географов, физиологов, психиатров того времени доставляет не только интеллектуальное, но и эстетическое наслаждение.

Особенности русской фонетики

Особенности фонетики родного языка редко осознаются их носителями. Причин две: во-первых, они воспринимаются как нечто естественное, едва ли не природное; во-вторых, люди, особенно те, кто не читает ни на одном из иностранных языков, склонны отождествлять звуки родного языка с буквами его алфавита. Наверное, приходилось слышать: «Он/она не

произносит букву эр». В дальнейшем, как и раньше, я буду обозначать звуки только русскими буквами, взятыми в квадратные скобки: *у* — это русская буква, а [у] — это соответствующий звук. Взаимно однозначного соответствия звука и буквы в русском языке не существует. Для примера посмотрим, какие звуки может обозначать в русской письменности буква *е*. В начале слова — это йотированное [э]: *ель* — [йэль]. Йотированными звуками называются некоторые гласные, которые в латинской транскрипции имеют букву «йот» — *j*, соответствующую русской букве *й*. Чтобы убедиться, что в слове *ель* действительно звучит [э], произнесите слово *ель* максимально долго: *йэ-э-эль*. В ударном слоге после согласного буква *е* обозначает звук [э], одновременно смягчая предшествующий согласный звук: *мера* — [мьэ́ра]. И наконец, в безударном слоге получается невнятное [э], которое в последнее время стало произноситься как невнятное [и]: *верблюд* — [вьирбльу́т]. А мы еще жалуемся на английскую орфографию!

Как видите, чтобы уяснить себе звуковой строй родного языка, требуются специальные усилия. В этом плане очень полезно сравнение с другими языками. Ничто так ярко не демонстрирует родную фонетику, как наш акцент, когда мы говорим на иностранном языке.

Попробуем осознать особенности русской фонетики, отталкиваясь от ошибок произношения, которые делают русскоязычные люди, говоря на европейских языках, и заодно сделаем попытку хотя бы отчасти исправить свой акцент, ведь некоторые его характерные моменты зависят только от исходного языка (русский в нашем случае), а не от иностранного языка, на котором мы пытаемся говорить. Есть также и неуниверсальные особенности акцента, связанные с языковым строем конкретного иностранного языка, в произнесении слов которого этот акцент реализуется. Частный акцент, как правило, обуславливается наличием в иностранном языке звуков, не свойственных родному. Так, например, русские, говоря по-английски, склонны произносить вместо чуждого им глухого щелевого звука (как в слове *thank*) то [т], то [с], то [ф]. Мы, конечно, не ставим здесь задачу избавиться от акцента вовсе. Для этого требуется окружение носителей языка, но кое-какие моменты русского акцента, а именно универсальные, не зависящие от специфики конкретного иностранного языка, можно поставить под сознательный контроль, для чего требуется знание особенностей звукового строя родного языка.

Мягкие и твердые согласные

Мягкость и твердость согласных как характеристика произношения существует в основном только в славянских языках и как раз образует основу того, что в Западной Европе называют славянским акцентом. В германских языках мягких согласных нет вовсе, а в романских мягкий вариант произношения есть только у звука [н] в испанском и французском и очень мягкое [ль] в испанском и итальянском. Большинство германо-романских согласных для русского уха слышатся чем-то средним между русскими мягким и твердым вариантами, но наше речевое восприятие, настроенное с детства на наличие твердости или мягкости этих звуков, зачастую «подгоняет» их под тот или иной вариант.

Интересно в этом плане рассмотреть, как мы воспринимаем грузинский акцент, а некоторые пытаются его воспроизвести, рассказывая так называемые грузинские анекдоты. В этом языке нет ни мягких, ни твердых согласных, поэтому нам кажется, что мягкие звуки грузины произносят твердо, а твердые мягко. На самом деле они все произносят с одинаковой (средней) степенью мягкости/твердости, но русское речевое восприятие, улавливая в произнесении каждого отдельного согласного ошибку, доводит ее до крайности: «Скажи парол и прахады». То есть не просто немягкие [ль] и [дь], а твердые [л] и [д].

Какими средствами отображается мягкость согласного в русской письменности? Таких средств три.

Во-первых, это специальная буква *ь*. Во-вторых, йотированные гласные *е* [йэ], *я* [йа], *ю* [йу], *ё* [йо], если не стоят в начале слова или перед *ь*, теряют свою йотированность, но зато определяют мягкость предшествующего согласного: *нежный* (мягкое [н]), *мягкий* (мягкое [м]) и т. д. Наконец, это буква *ы*, которая также смягчает предшествующую согласную: *пить* (мягкое [п]). Буква ы обозначает, по мнению многих филологов, тот же звук [и], но не смягчающий предшествующий согласный. Впрочем, утверждение это спорное. Произнесем слово пить долго: *пи-ы-ыть*. Или же все-таки: *пи-и-ить*?

Оглушение звонких согласных в конце слова или перед глухими согласными

В русском языке нет слов славянского происхождения, в написании которых была бы буква *ф*, однако звук [ф] довольно распространен благодаря тому, что так произносится буква *в*, соседствующая с глухими согласными или стоящая в конце слова. *Вторник* — [фто́рник]; *автор* — [а́фтар]; *Владислав* — [владисла́ф] и т. д.

То же самое происходит и с другими звонкими согласными.

Это обстоятельство создает большие трудности при освоении языков, в которых оглушения звонких не происходит (по крайней мере, на конце слова), в частности, это английский и французский.

Озвончение глухих согласных перед звонкими

Предыдущая закономерность дополняется противоположным явлением: глухие согласные озвончаются перед звонкими (в том числе на стыке слов при быстрой речи): *просьба* [про́зьба], *женитьба* [жэни́дьба].

Можно рискнуть сформулировать общий закон ассимиляции (уподобления) звуков по параметру звонкость/глухота: при встрече двух согласных в слове или на стыке слов звонкость или глухость первой определяется характером (звонкостью или глухостью) второй согласной: *град* [грат] *падает*; *град* [град] *закончился*.

Окказиональные звуки

Иногда на стыке слов (при оказии, при случае) в быстрой речи в русском языке обнаруживаются звуки, в общем-то, не свойственные его фонетическому строю. То есть звуковое богатство языка гораздо больше, чем кажется человеку, привыкшему отождествлять звуки и буквы. Приведу несколько примеров окказиональных, случайных звуков:

Звук [дьжь], как в английском *jet*, возникает на стыке конечного [ч] и начального звонкого согласного следующего слова, например, во фразе *ключ забыл*. Произнесите ее быстро-слитно и получите искомый звук, свойственный английскому, итальянскому и польскому языкам.

Звонкий звук [дз] появляется на стыке конечного [ц] и начального звонкого звука следующего слова, например, во фразе *отец добыл* — получается звук, свойственный, в частности, польскому и итальянскому языкам.

Свойственный многим европейским языкам особый гласный звук, доставляющий немалые трудности, в частности, изучающим английский язык (в словах *bad, can* и т. д.), можно встретить окказионально и в русской речи. Он встречается изображенным буквой *я* между двумя мягкими согласными. Произнесите слово *пять* без смягчения звуков [п] и [т], и у вас получится нужный для английского звук.

Ударение

Русское ударение состоит из двух компонентов. Во-первых, это существенное удлинение произношения ударного слога: в

полтора-два раза. Во-вторых, это гораздо большая громкость ударного слога (динамическое или силовое ударение). Из-за очень сильного динамического ударения в русском языке многие безударные гласные (кроме *и, ы, э, у, ю*) произносятся крайне неотчетливо

(одна из немногих особенностей, сближающих русский язык с английским): *самовар* [самава́:р], *сыровар* [сырава́:р]. Русские-то свои слова узнают, а вот итальянец может и не узнать свое *congresso* [конгрэ́ссо] в звучащем с русским акцентом слове — [кангре́:са].

В других языках могут использоваться другие способы выделения «главного» слога, то есть ударения. Самый древний способ ударения у индоевропейских языков — это повышение тона ударной гласной, притом что громче она не произносится. Тоническое ударение было свойственно и латыни, и древнерусскому языку. Сейчас, читая «Слово о полку Игореве» или античные латинские тексты, мы заменяем «штатное» тоническое ударение на привычное нам динамическое (силовое). Динамическое ударение вытеснило тоническое в большинстве европейских языков, но в некоторых (шведский, итальянский, украинский, сербскохорватский, литовский и др.) его элементы остались.

В русском языке различаются три положения, в которых может находиться гласный звук, каждое из которых влияет на его произношение:

Гласный под ударением — произносится так, как пишется. Это долгий и сильный звук. В слове он такой один.

Предударный гласный — по сравнению с гласным звучит тише и не так отчетливо, то есть его звучание несколько редуцируется.

Безударный гласный — звучит совсем кратко и невнятно, особенно после мягких согласных, все гласные кроме [у] превращаются в звук, обозначаемый в международной фонетической системе знаком *ə* и называемый еврейским словом *schwa* [шэва́], что значит «ничто». Что *самовар*, что *сыровар* — первая гласная звучит практически одинаково. А ведь в большинстве иных европейских языков редукция безударных гласных выражена гораздо меньше, а то и вовсе отсутствует. Таким образом, одним из существенных компонентов русского акцента является невнятность произношения безударных гласных. Звук, обозначаемый знаком *schwa*, является, пожалуй, самым распространенным гласным в быстрой русской речи.

Для избавления от акцента, основанного на особенностях нашего ударения, мы должны научиться не растягивать ударный

слог и редуцировать (ослаблять) ударение, что, в свою очередь, приводит к большей отчетливости безударных гласных. Надо и следить за собой, и тренироваться. Для начала можно использовать такой прием: произносить иностранные слова медленно, делая ударения на каждом слоге, затем выговаривать слово все быстрее, сохраняя полученный рисунок произношения и переходя к нужному ударению, ослабленному по сравнению с русским.

Сонорные согласные

В заключение — об особом классе звуков, который сочетает свойства гласных (произносимых голосом) и согласных (шумовых). В европейских языках, в том числе и в русском, — это [р], [л], [м] и [н]. Эти согласные могут быть произнесены отдельно от какого бы то ни было сопровождающего их гласного звука. Особенно легко это удается с первыми двумя, которые в некоторых языках (например, чешский, словацкий, сербскохорватский) могут даже образовывать слоги. Иногда слогообразование на основе сонорного согласного происходит и в других европейских языках, и русский не исключение: *кремль* [кремэль], то есть между звуками [м] и [ль] появляется дополнительная гласная, формирующая еще один слог.

Английская транскрипция русских слов

В качестве своеобразного приложения к главе о русском языке я привожу правила записи русских слов в английской транскрипции в виде таблицы соответствия русских и латинских букв английского алфавита с примерами записи в английской транскрипции имен и фамилий знаменитых русских людей. Побудила меня к этому невероятная путаница, царящая в этом вопросе, когда наши соотечественники пытаются воспользоваться латинским алфавитом для передачи русского текста, считая, что они передают его в английской транскрипции. Особенно это свойственно так называемому транслиту, который никому в голову не приходит хоть как-то упорядочить.

Неопределенность усугубляется еще и тем, что в англоязычном мире до сих пор не сложилось общепринятой системы передачи звучания русских слов, даже имен собственных, средствами своего алфавита. Приводимые ниже соответствия являются лишь наиболее распространенными, но не единственными. Они могут различаться и в разных англоязычных странах. Есть Великобритания, есть США, а есть еще и Канада,

Австралия и Новая Зеландия и прочие территории, где люди в большинстве говорят по-английски, где выходят газеты и книги, а в них как-то надо передавать русские фамилии и названия русских городов, среди которых есть чрезвычайно замысловатые.

Аа Здесь все просто: используется английская *Aa*.

Бб Тоже несложно: используется английская *Bb*.

Вв Для передачи используется английская *Vv*.

Гг Для передачи используется *Gg* или *gu*, если следующие гласные — *e, i, y*: *Gamov*, но *Guilarov*.

Дд Для передачи используется английская *Dd*.

Ее Для передачи используется Ее, но в начале слова, после гласного и после разделительного ь или ъ — *ye: Veresayev; Yevgueniy Oneguin; Prokofyev*.

Ёё Передается как *yo*: *Serguey Korolyov*.

Жж Передается как *zh*: *Zhukov*.

Зз Для передачи используется *Zz* (даже между гласными) по традиции, идущей от латыни, отображать этой буквой греческий (иноязычный) звук [з]: *Zamyatin*.

Ии Для передачи используется английская *Ii*.

Йй Для передачи используется английская *Yy* (та же буква используется вместо русской ы после согласной), так же передается и йотированность гласного: *Yurskiy*, *Valeriy* (часто в упрощенной форме: *Yursky*, *Valery*).

Кк Для передачи используется *Kk* по традиции, идущей от латыни, обозначать этой буквой звук [к] в греческих (шире — иноязычных) словах.

Лл Для передачи используется английская *Ll*.

Мм Для передачи используется английская *Mm*.

Нн Для передачи используется английская *Nn*.

Оо Для передачи используется английская *Oo*.

Пп Для передачи используется английская *Pp*.

Рр Для передачи используется английская *Rr*.

Сс Для передачи используется английская *Ss*.

Тт Для передачи используется английская *Tt*.

Уу Для передачи используется английская *Uu*.

Фф Для передачи используется английская *Ff*.

Хх Передается как *kh*: *Khazanov*.

Цц Передается как *ts*: *Grishkovets*, *Yeltsyn*.

Чч Передается как *ch*: *Pyotr Ilyich Chaykovskiy*.

Шш Передается как *sh*: *Shishkin*.

Щщ Передается как *shch*: *Nikita Khrushchov*.

Ъъ Никак не отображается, просто идущие за ним гласные становятся йотированными. В настоящее время ъ мы пишем только там, где надо отделить приставку от корня, одну основу

слова от другой, и там, где в нерусских словах надо показать, что следующие буквы *е, ё, ю, я* надо читать как йотированные.

Ыы Для передачи используется *Yy* (эта же буква — и для передачи *й*): *Bykovskiy*, *Rykov*.

Ьь Для передачи используется апостроф (’). Знак взят из Международной системы фонетической транскрипции и не всем носителям английского языка в этой функции понятен, поэтому мягкость согласного часто игнорируется: *Kirill Yes’kov/Yeskov*. Если буква ь выполняет роль разделительного знака, то идущая за ним гласная становится йотированной, что отображается латинской у: *Prokofyev*.

Ээ Для передачи используется английская *Ee*.

Юю Передается как *yu*: *Yuriy, Zyuganov*.

Яя Передается как *ya*: *Yakovlev, Yalta, Bryansk*.

Как видите, мы сэкономили 4 латинские буквы: *c, j, q, x*. Для передачи 32 букв русского алфавита оказалось достаточно 22 букв латинского. Можно пользоваться обычной латинской раскладкой клавиатуры без дополнительных букв, а сэкономленные буквы использовать в иноязычных словах. Возможно, в не таком уж далеком будущем русский язык перейдет на алфавит на основе латинской графики. Преимущества и недостатки такого перехода нужно обсуждать. Я думаю, достоинства перевесят — чего стоит хотя бы единая раскладка клавиатуры компьютера! То есть не самая, может быть, важная причина, но очевидная в прямом значении этого слова — находится у большинства из нас перед глазами почти каждый день. В 1920-х годах уже существовал проект перевода русской письменности на латинскую графику, было разработано три варианта нового русского алфавита, причем все они использовали дополнительные буквы с диакритическими знаками. В дальнейшем о реализации проекта забыли, как мне кажется, закономерно с возрождением элементов имперской дореволюционной идеологии. Но многие языки народов СССР (в частности тюркские, пользовавшиеся арабским письмом) успели перевести на латинскую графику, что рассматривалось как подготовка к переводу на нее русской письменности. В конце 1930-х годов этим языкам еще раз поменяли графику, на сей раз ввели алфавиты на основе кириллицы.

Зададимся вопросом, можно ли считать, что нами была выше представлена полноценная русская азбука на основе латинского алфавита? Как ни странно — да. Надо только доработать вопрос с обозначением мягкости согласных, но это не трудно, тем более что у нас в запасе еще четыре не использованные латинские буквы.

Некоторые слова в предложенном нами выше параллельном алфавите, правда, будут выглядеть несколько неуклюже, но от правил они не отступают и, следовательно, позволяют адекватно прочесть слово. Например, слово *товарный* будет писаться *tovarnyy*: первая *у*, идущая после согласной, передает *ы*, а вторая *у* — по приведенным выше правилам — *й*, так что все штатно.

Кому окончание *-уу* кажется некрасивым, напоминаю, что у нас в запасе есть еще буква *j*. Мы ее можем запустить на место *й* и для обозначения йотированности, как это делается во многих славянских языках.

Единственная пара русских букв, которые не будут в предложенном алфавите различаться, — это *е* и *э*, обозначающие соответственно мягкость и твердость предшествующих им согласных, но ведь у нас в запасе еще 4 сэкономленные латинские буквы. Пусть русскую *э* после согласных (она довольно редкая, и только в иноязычных словах) передает буквосочетание *je*. А можно и вовсе пренебречь этим обстоятельством. Можно еще упростить написание (ведь мы теперь не ориентируемся на англоговорящего пользователя), изъяв буквосочетание *gu*, — пусть *g* всегда читается как [г]. Конструирование алфавитов вообще увлекательное занятие.

Романские языки

Языки, которые принято называть романскими, возникли как производные латыни после распада Римской империи. (*Roma* — Рим.) Правда, не на всей ее бывшей территории, а только там, где власть Рима была крепка, а латынь стала языком, по крайней мере, местной элиты. В Британии, например, латынь не прижилась, хотя и повлияла на формирование лексики будущего английского языка. Разумеется, та латынь, на которой говорили в провинциях, была весьма далека от образцов, созданных Горацием, Цицероном и другими авторами, чье творчество изучают на кафедрах классической филологии. Это была скорее латынь простолюдинов, к тому же на произношение сильно влияла фонетика местных языков, вытесняемых латынью.

Долгое время романские языки не имели письменности — писали образованные люди по латыни. Когда же в позднем Средневековье стали появляться тексты на национальных языках, бывшую латынь было не узнать — так разошлись ее ветви на испанский, французский, португальский, итальянский и румынский языки.

Из трех грамматических родов, имевшихся в латыни, в большинстве романских языков осталось два: мужской и женский. Зато появилась новая часть речи — артикль, выражающий важную для романо-германских языков грамматическую категорию определенности/неопределенности существительного. Впрочем, славянские языки (кроме болгарского) без этой части речи как-то обходятся.

В целом развитие романских языков (от синтетической по своему характеру латыни) шло по линии нарастания аналитичности: упразднение падежных окончаний существительных и личных окончаний глаголов, усложнение системы служебных глаголов и т. д. Функцию отмерших падежей взяли на себя предлоги, некоторые из которых похожи во всех романских языках. Так, встретив в любом романском тексте, от французского до португальского, короткое слово, начинающееся на [d], можете предполагать, что это предлог, выполняющий функцию родительного (притяжательного) падежа: *de, da, della, du* и т. д. Аналогичный предлог в английском — *of*.

Все романские языки пользуются, естественно, латинским алфавитом, точнее новолатинским с добавочными буквами *v* и *j*, а также с еще одной буквой — *w*, появившейся уже в Средние века; впрочем, в романских языках она используется только в заимствованных словах. Буква *h* используется лишь в

буквосочетаниях для изменения чтения других букв, а сама никогда не произносится. В разной мере используются многочисленные диакритические знаки (особенно их много во французском алфавите), в частности, для обозначения звуков, которых в латыни не было.

Некоторые романские языки унаследовали от латыни обыкновение ставить относительные прилагательные (обозначают принадлежность существительного к некоторому классу объектов и поэтому не имеют степеней сравнения) после существительного, а качественные (обозначают некоторое качество существительного и могут иметь степени сравнения) — перед ним. Среди славянских языков это свойственно только польскому. А в большинстве языков соблюдается правило, согласно которому, если при одном существительном встречаются два и более прилагательных, то сначала идет качественное, — относительное как бы сильнее притягивается существительным: хороший (качественное) электронный (относительное) прибор (существительное).

Романские народы, кроме изначально православных румын, не претерпели подобно германским церковной реформации и в своем подавляющем большинстве сохранили верность папскому престолу, распространив католическую веру на Латинскую Америку и многие страны Африки и Азии, в разное время бывшие под их колониальным господством.

Итальянский язык
Italiano

Язык итальянцев — прямой потомок латыни и признанный фонетический красавец. Почти всеми европейцами (особенно германцами и славянами) итальянская речь воспринимается как исключительно благозвучная.

Основы благозвучия таковы:

простота гласных — почти полное отсутствие дифтонгов и тем более трифтонгов (всяческих *эй, ай, иэ, ауэ* и др.), которыми изобилуют германские и отчасти славянские языки;

отсутствие йотированных гласных, вообще набор гласных невелик, и произносятся они просто и отчетливо;

большинство слов заканчиваются на гласный звук;

редкость стечения согласных, всех этих германо-славянских *стр*, *штр* и *пр*., например, не *директор*, а *direttore* [дирэттóрэ];

слабость выдыхательного (силового) ударения, из-за чего безударные слоги проговариваются отчетливо, и наличие легкого тонического ударения (то есть ударная гласная произносится выше, чем безударные), придающего речи певучесть.

Итальянский текст по тем же причинам идеально подходит для пения. Неудивительно, что вплоть до XVIII века оперы во всей Европе писались на итальянском языке — немецкий или английский считались неподходящими по звучанию даже самими носителями этих языков. Итальянский до XIX века был lingua franca европейских музыкантов, что навсегда отразилось в музыкальной терминологии — в большинстве своем это итальянские слова, даже не прошедшие фонетической адаптации, она оказывалась ненужной — ведь в итальянском почти нет звуков, которые бы отсутствовали в других языках.

У итальянцев была своя великая эпоха — это XIII–XV века, когда в итальянских городах-государствах происходило бурное развитие ремесел, торговли, искусств, науки и политической мысли, всего того, что получило название Возрождения и постепенно распространилось на многие государства Европы. Под Возрождением первоначально мыслилось возрождение культуры и отчасти жизненных ценностей античной Европы: Греции и Рима, отвергнутых Средневековьем как языческие. Впрочем, эти процессы были, конечно, гораздо шире. Однако государственная раздробленность Италии тормозила экономическое и политическое развитие страны, и к XVII веку Италия

превратилась в экономического карлика, поставлявшего всей Европе отменных музыкантов, инженеров, художников, корабелов и прочих высококлассных специалистов, не находивших применения на родине.

Единая Италия, молодое европейское государство, появилась лишь в середине XIX века. Итальянцы опоздали к колониальному разделу мира, успев забрать себе лишь несколько владений в Африке.

Культурные и торговые связи итальянцев с русскими землями появились еще в XIV веке через генуэзские колонии в Крыму. Итальянские архитекторы строили обе российские столицы. Во Вторую мировую мы воевали. Итальянские войска дошли до Сталинграда, где в большинстве и сдались в плен. Впрочем, воинственность никогда не была свойственна этому народу, что вызывало сильное раздражение у фашистских государственных деятелей, мечтавших возродить древнеримский имперский дух.

Читаем по-итальянски

В итальянском языке появились звуки, отсутствовавшие в классической латыни: [дьжь], [ш], [ц] (по мнению многих филологов, этот звук отсутствовал в классической латыни). Произошли также некоторые закономерные замены одного звука на другой. Так, звук [ль] в корне превратился в [и]: *Bianchi* [биа́нки] — Бианки (русский натуралист и писатель итальянского происхождения), по-итальянски *bianco* — «белый» (ср. со словом *бланк* — «белый», незаполненный формуляр); *Fiorenze* [фиорэ́нце] — Флоренция (ср. со словом *флора*).

Итальянский язык имеет регулярную орфографию, позволяющую даже малознакомому с языком не только свободно читать (не обязательно, конечно, понимая), но и при некоторой сноровке даже записывать слова на слух, чему способствует исключительная фонетическая внятность языка. В современном итальянском, как и в большинстве романских языков, осталось два грамматических рода, мужской и женский, и появились соответствующие им артикли (неопределенные и определенные): *uno — il* и *una — la*.

Алфавит простой. Это исходный латинский алфавит без введенных еще в античное время букв *k, x, y,* которые использовались только в словах греческого происхождения, и без букв *j* и *w*, появившихся в более позднее время. Все эти буквы, присутствуя в алфавите, употребляются только в заимствованных, иноязычных словах и латинизмах (аналог в русском языке —

заимствования из церковнославянского).

Есть два диакритических надстрочных знака: акут и гравис. Они появляются только в ударных слогах (обычно в последнем) и обозначают несущественные для нас различия в произношении. Обычно ударение падает на предпоследний слог, за исключением ударения на последний слог при наличии суффикса *-ita*, который соответствует английскому *-ity*, то есть это суффикс абстрактных существительных, например, *felicita* [фэличита́] — «счастье». Следовательно, если нет диакритических знаков и мы не видим на конце слова *-ita*, то ударение делается на предпоследний слог.

Все гласные читаются как в латыни, с согласными дело обстоит сложнее, так как в современном итальянском появились согласные звуки, в латыни отсутствовавшие: [ш], [ч], [дж] (как в английском).

Буква *c* в тех положениях, когда в латыни ее положено произносить как [ц], то есть перед *e, i* (буква *y* в итальянских словах отсутствует), читается как [ч]: *citta* [читта́] — «город» (ср. английское *city*); *uno duce* [уно ду́че] — «вождь», с определенным артиклем — *il duce* [иль ду́че]. Если после *ci* следует гласная, то *i* не читается: *ciao* [ча́о] — «привет», «пока». С такой же ролью буквы *i* мы встретимся ниже, то есть она не читается перед гласными, но обеспечивает нужное чтение предшествующего согласного.

Вторая, проблемная во многих романо-германских языках, буква *g* перед *e, i* читается как мягкое [дж] в точности как в английском: *Giovanni* [джёва́нни] — Джованни (распространенное итальянское имя, аналог русского Иван); *Giulio Cesare* [джю́лио чеза́рэ] — Юлий Цезарь (в итальянском произношении).

Возможно, вы обратили внимание, что двойные согласные я передаю в транскрипции двумя буквами. Это связано с редкой среди европейских языков особенностью итальянского произношения: двойные согласные и читаются сдвоенно: [дирэтто́рэ], [джёва́нни]. Сдвоенное *tt* обычно свидетельствует, что когда-то первая *t* была другим звуком: *Vittorio* [витто́рио], ср. *Виктор*.

Как сделать, чтобы *c* и *g* перед *e, i* читались, несмотря на эти гласные как [к] и [г]? Для этого используется «безработная» буква *h*, которая по отдельности никаких звуков не обозначает: *spaghetti* [спаге́тти] — «веревки», «спагетти» (с р. *шпагат*); *perché* [пэркэ́] — «почему, зачем»; *scherzo* [скэ́рдзо] — «скерцо», дословно «шутка»; *ghetto* [гэ́тто] — «литейный цех», слово вошло во все европейские языки, так как на территории заброшенной литейки в Венеции располагалось первое в Европе еврейское гетто.

Буква *g* подобно *h* используется как служебная

(непроизносимая в буквосочетаниях *gl* [лль], *gn* [ннь]) для смягчения и удвоения следующего за ней согласного (во втором случае — совпадение с французским): *bigletteria* [бильлетт*э́*риа] — «кассовый зал» (в аэропорту, на вокзале); *signora* [синньо́ра] — «госпожа».

Буквосочетание *sc* перед *e, i* произносится как [ш]: *scienza* [ш*э́*нца] — «наука», «знание» (ср. с английским science); *Brescia* [Бр*э́*ша] — славный город в Италии; *il pesce* [п*э́*шэ] — «рыба» (с определенным артиклем).

Буква *z* обычно читается [ц], но перед *a, o* озвончается, и получается [дз]: *Zappi* [дза́ппи], *Mazoni* [мадзо́ни] — распространенные итальянские фамилии. *Stazione centrale* [стацио́нэ чентра́ле] — «центральный вокзал», относительные прилагательные, как и в латыни, ставятся после существительного.

Буква *s* произносится как [з] не только между гласными, но и в позиции между гласным и звонким согласным и наоборот и даже просто перед звонким согласным: *sbieco* [збъе́ко] — «кривой».

Французский язык
Français

Самый влиятельный из романских языков на протяжении многих столетий. С конца XVI до середины XIX века был lingua franca образованных европейцев, вытесняя постепенно академическую латынь. Язык науки, философии, дипломатии, юриспруденции. Французская литература и поэзия, которую читала вся образованная Европа, оказывала огромное влияние на более молодые литературные языки. Вплоть до середины XX века оставался языком дипломатии и международной почты. Все международные договоры переводились на французский, причем именно этот текст считался основным. Дворянское сословие многих стран Европы, в том числе и России, нередко использовало французский в качестве языка повседневного общения — супруги ругались друг с другом на французском языке, возможно, это позволяло держать себя в рамках относительного достоинства.

Влияние французского языка на соседей огромно. С английским языком разговор вообще особый — это чуть ли не наполовину бывший старофранцузский (см. главу об английском), но и в немецком, русском, турецком и других языках количество калек с французского и прямых заимствований очень велико.

В настоящее время по-французски говорят, конечно, во Франции, а еще в части Канады, в Бельгии и Швейцарии, в некоторых странах Африки, где он имеет статус, по крайней мере, одного из государственных языков; французский язык также сохранился в употреблении образованных слоев многих стран — бывших колоний Франции. Международная организация, в сокращенном варианте именуемая «La francopho nie» [ля фра(н)кофони́], чрезвычайно активно продвигает французский язык и культуру во многих странах, особенно в тех, что были затронуты в прошлом французским культурным и политическим влиянием. Забегая вперед, скажу, что (н) в транскрипции не произносится, а обозначает, что предыдущий гласный — носовой. Произнести его легко — этот самый [н] после гласного выдувайте не через рот, а через нос, и все у вас получится.

Французы в XX веке, видимо, психологически не могли смириться с тем, что великая эпоха их страны в прошлом. Почти всем крупным французским колониям в 1940–1960-х годах пришлось воевать за свою независимость — чего стоили хотя бы

вьетнамская (это еще до появления там американцев) и алжирская войны. Британцы уходили из своих колоний сами — вдоволь навоевались во Вторую мировую, а французам как будто требовалась компенсация за национальный позор 1940–1944 годов.

Современное французское государство прилагает отчаянные усилия в борьбе за чистоту языка, в основном изводя английские заимствования. Так, издаются законы, запрещающие публичное употребление английских слов без надобности, когда имеется французский эквивалент, то есть почти всегда. Трудно представить себе подобное у нас: чтобы за слово «имидж» вместо «образ» можно было нарваться на крупный штраф. По крайней мере, правительство добилось того, что французы «мало знают иностранный язык» (об английском) по сравнению с другими неанглоязычными народами Европы.

С тех времен, когда французский был языком дворянской элиты, в сознании россиян закрепилось представление о нем как о языке изящного, благородного звучания. А в память о прошлом величии французской науки остался обычай называть латинские буквы, использующиеся в математических, физических и химических обозначениях, по-французски: *h* — «аш», *g* — «жэ», *j* — «жи», кроме *c*, которая произносится по-латыни — «цэ». Кстати, выбор букв для обозначений не случаен: *h* — первая буква французского слова со значением «высота»; *g*, обозначающая ускорение свободного падения, — от «гравитации»; *v* — первая буква слова со значением «скорость» (ср. английское *velocity*); *t* — первая буква французского слова *temps* [та(н)] — «время»; и т. д.

Французский язык до сих пор является основой психиатрической номенклатуры, так как именно во Франции в середине XIX века сложилась психиатрия современного образца. Затем центр психиатрической мысли переместился в немецкоязычные страны, но номенклатура основных симптомов и синдромов осталась во многом французской. Некоторые из этих терминов даже проникли в разговорную речь, например, *déjà vu* [дэжа́ вю́] — восприятие субъектом новых зрительных впечатлений как уже бывших в его опыте, дословно «уже виденное».

Читаем по-французски

Кратко сообщить о французском правописании — очень сложная задача, потому что в этом языке количество правил чтения (даже в сравнении с английским) все-таки велико, да и

разных исключений немало.

Есть и другая, уже принципиальная трудность в освоении французской грамоты. По-испански или, скажем, по-фински вы можете обучиться читать, совершенно не зная языка, — диктором на радио вас с такими знаниями не возьмут, но вы сможете прочитать почти каждое слово. С французским такой номер не проходит. Научиться читать по-французски в полной мере нельзя без изучения грамматики, так как многие буквосочетания читаются по-разному в зависимости от того, в какой части речи они употреблены.

Отпугивает начинающего также ненормальное количество букв с диакритическими знаками), с буквами, обозначающими гласные звуки: *à, â, é, è, ê, ë, î, ï, ô, û, ù, ü, ÿ,* да еще *ø* и лигатура (связка двух букв, двоебуквие) *œ*; есть также буква *ç*. Кроме того, произнесение конечных звуков слова зависит от того, начинается ли следующее слово с гласного или согласного звука, — французской речи свойственно слитное произнесение слов смысловыми блоками, причем ударение падает на последний слог последнего слова. Разумеется, нам не удастся в кратком очерке научиться читать по-французски — мы освоим только некоторые, наиболее важные, а может быть, честнее сказать, наиболее легкие особенности французского правописания.

Согласные звуки

Начнем с того, что в конце слова почти все согласные не читаются, исключение составляют только *c* (произносится на конце слова как [к]), *f, l, r,* да и то *r* иногда все равно не читается (это зависит от части речи, в которой *r* употребляется). Более того, часто не читаются и конечные буквосочетания из двух согласных: *Renault* [рэно́] — известная автомобильная фирма. Множественное число существительных, как и в английском, обычно образуется добавлением конечной *s* (есть много исключений). Но ведь она не произносится! Число существительного на слух можно определить только по артиклю, притом что для русского уха произношение артиклей *le* (определенный мужского рода) и *les* (определенный множественного числа) без специальной тренировки практически не различимо.

Вообще согласных звуков, аналогов которым не было бы в русском, французский язык не имеет (если бы еще все буквы читались!), кроме все того же полумягкого [л], среднего по звучанию между русскими звуками [л] и [ль], свойственного большинству романо-германских языков. Однако двойное *ll* после *i* превращается в звук, похожий на русский [й]: *Marseille* [марсэ́й]

— Марсель; *bouteille* [бутэ́й] — «бутыль, бутылка»; *Versailles* [вэрса́й] — Версаль. Это правило имеет немало исключений.

Латинская *c* перед *e, i, y* читается как [с], в остальных случаях как [к]. Если нужно это правило преодолеть, то есть читать как [с] после *a, o, u,* к букве *c* добавляется лапка — *ç*: *français* [фра(н)сэ́] — «французский». Обратите внимание, что *n* не читается, но делает предыдущую гласную носовой, в данном случае в [а(н)]. В открытом слоге *n* будет читаться: *Poutine* [пути́н] — Путин. Если конечную *e* снять, будет *Poutin* [путэ́(н)].

Буква *h*, как и положено в романском языке, не читается никогда, но входит в буквосочетание *ch*, которое всегда обозначает звук, похожий на русский [ш]. Он часто соответствует звуку [к] в исходном латинском слове: *chat* [ша] — «кошка», по-латыни *catus*, по-английски *cat*; *château* [шато́] — «замок». Крышечка над буквой *a* напоминает, что когда-то после нее писалась *s*, сравните с английским *castle* от латинского *castellum*; отсюда же, кстати, польский *костёл*.

Буквосочетание *gn*, как и в итальянском, передает звук [нь]: *Champagne* [ша(н)па́нь] — Шампань, французская провинция и одноименное шипучее вино.

Буква *g* перед *e, i, y* читается как мягкое [ж]: *George* [жорж] — французский вариант имени Георгий. В иных случаях звучит [г]: *grille* [грий] — «решетка, гриль». Если правило чтения [ж] надо обойти, добавляется нечитаемая в данном случае буква *u*: *guerre* [гэ: р] — «война».

Буква *q*, одиночная или в сочетании с *u*, всегда передает звук [к]: *classique* [клясси́к] — «классический, образцовый» (*-que* — распространенное окончание прилагательных);

Верная и безотказная буква *j* (называется «жи») всегда читается и обозначает мягкий [ж]: *Jacques* [жак] — Жак, французский вариант имени Яков.

Французский язык не выносит начального буквосочетания *st*, который так распространен в исходной латыни. Из-за этого многие интернационально распространенные слова трудно узнать: *État* [эта́] — «государство», сравните с английским *state*, русским *штат*: *étude* [этю́д] — «этюд», подготовительный вариант (набросок) живописного или фотографического произведения или учебная работа в этой области, сравните с английским *to study*, русским *штудировать*.

Гласные звуки

Начнем с одной из самых затейливых букв: *e, é, è, ê, ë*. С любым диакритическим знаком *e* читается всегда как [э], некоторые из нюансов произношения для нас несущественны: *café*

[кафэ́] — «кофе», «кафе»; Тот же звук передается буквосочетанием *ai*: *maison* [мэзо́(н)] — «дом». Еще примеры с буквой *e*: *chevalier* [швальé] — «кавалер», «рыцарь», «всадник»; *maréchal* [марэша́ль] — «маршал».

Итак, буква *e* читается только при наличии диакритического знака, однако в конце слова, «чистая» *e* хотя и не читается, но влияет на чтение предыдущего согласного, как и в английском: *François* [фра(н)суа́] — французский вариант имени Франц, *Françoise* [фра(н)суа́з] — Франсуаза, женский вариант имени Франсуа. Вообще, конечное *e* часто является признаком женского рода прилагательного: *haut* [о] — «высокий», *haute* [от] — «высокая». Как вы уже поняли, *au* читается как [о]. Между прочим, *eau* — «вода» тоже читается как [о]: *eau de Cologne* [одэколо́нь] — «одеколон», дословно «кёльнская вода». Предлог *de*, существующий в романских языках во множестве модификаций, к счастью, сохраняющих начальное *d*, соответствует английскому предлогу *of* и отчасти русскому родительному падежу.

Звук [о] передается буквой *o*, если после нее не идут согласные *n* или *m*, придающие «носоватость», и буквосочетанием *au*: *saucisson* [сосисо́(н)] — «колбаса», «сосиска».

Звук [у] передается только одним способом, буквосочетанием *ou*; *Koutouzoff* [кутузо́ф] — Кутузов, известный во Франции русский военачальник. Обратите внимание, что используется буква *к*, а не *с*, что вообще характерно для передачи заимствованных слов и экзотических фамилий. Традиция идет еще с древнеримских времен, когда *к* использовалась исключительно в греческих словах и именах. Одиночная же буква *u* обозначает звук, похожий на тот, что в немецком, венгерском и турецком языках обозначается буквой *ü*. Попробуйте произнести русское слово тюль, не смягчая т, тогда у вас должно получиться то, что надо: *la lune* [ля лю́н] — «луна».

Следующий непривычный для нас звук мы будем обозначать буквой *ë*, однако имея в виду, что в отличие от русского *ë* он не йотированный. В немецком, турецком и венгерском языках этот звук обозначается буквой *ö*. Этот звук передается двумя способами: *eu* и лигатурой (двоебуквием) *œ*: *chauffeur* [шофёр] — «водитель».

Буквосочетания *oi* и *oy* обозначают что-то вроде русского [уа] с очень кратким [у], подобным английскому [w]: *Valois* [валуа́] — Валуа, королевская династия во Франции; *trois* [труа́] — «три»; *voyage* [вуая́:ж] — «путешествие, вояж».

Чтобы «разбить» сочетания двух гласных и заставить их читаться так, как в латыни, используется диакритический знак

диереза, или трема (горизонтальное двоеточие), над вторым гласным: *égoïsme* [эгои́зм] — «эгоизм», *Noël* [ноэ́ль] — Рождество, *maïs* [маи́с] — «маис, кукуруза» (как видите, конечное *s* может читаться в заимствованных словах).

И, наконец, об украшении французской фонетики, о носовых гласных, обеспечивающих пресловутый «прононс». Кстати говоря, носовые гласные существовали и в русском языке приблизительно до XVI века, и в других славянских языках, но в современных сохранились только в польском. Носовой гласный во французском возникает, если после гласных *a, o, e, i, u* следуют неудвоенные согласные *n* или *m*. В противном случае носовой гласной не получается: *grammaire* [грамэ́:р] — «грамматика». Второе условие назальности (носовости) — отсутствие вслед за этими согласными какой-либо гласной, даже непроизносимой: *une* [юн] — неопределенный артикль женского рода ([ю] в транскрипции произносится без йотированности).

Всего существуют четыре носовых звука: [а(н)] — *an, am, en, em*; [о(н)] — *on, om*; [э(н)] — *in, im*; [ё(н)] — *un, um*. Например:

[а(н)]: *enfant* [а(н)фа́(н)] — «ребенок», сравните с латинским словом *infantilis* [инфанти́лис] — «детский, инфантильный»; *Henri* [а(н)ри́] — Анри, французский вариант имени Генрих; *empire* [а(н)пи́р] — «империя».

[о(н)]: *chanson* [ша(н)со́(н)] — «песня»; *nom* [но(н)] — «имя», сравните английское *name*.

[э(н)]: *impossible* [э(н)поси́бль] — «невозможный»; *ingéneur* [э(н)жэнёр] — «инженер».

[ё(н)]: *parfum* [парфё(н)] — «духи».

Теперь об одной своеобразной особенности французской письменности и, соответственно, произношения, которая отражает стремление этого языка к благозвучию, а именно о сокращении коротких слов, местоимений, предлогов, артиклей перед словами, начинающимися с гласной. Эти короткие слова, как правило, имеют конечную — читающуюся, так как она единственная — гласную е. Перед гласной она выпадает из произношения, а на письме заменяется апострофом (верхней запятой). Примеры:

le (определенный артикль мужского рода) + *hôtel* = *l'hôtel* [лётэ́ль] — «гостиница»;

de (предлог, соответствующий родительному падежу, приставка к дворянской фамилии) + *Artagnan* (фамилия, название владения) = *d'Artagnan* [дартаньа́(н)] — д'Артаньян;

ce (указательное местоимение это) + *est* («есть») = *c'est* [сэ] — «это есть» (английское *it is*, немецкое *das ist* и т. д.): *c'est la vie* [сэляви́] — «это жизнь», «такова жизнь».

Среди диакритических знаков французской письменности один кажется совсем бессмысленным, так как не оказывает ни малейшего влияния на произношение. Это «домик», встречающийся над буквами *o, a* и *e: ô, â, ê*. Для французских школьников, должно быть, это дополнительное мучение, но нам, образованным иностранцам, иногда они могут помочь в идентификации незнакомого французского слова. Дело в том, что французский язык дальше других романских ушел от латинской лексической первоосновы, изменилось не только произношение, но и написание слов. Однако в некоторых случаях совестливые французы хотя бы оставляли знаки, свидетельствующие о собственном своеволии. Эти самые «домики» означают, что когда-то после этих букв следовала еще одна буква, как правило, s, впоследствии пропущенная: *Côte d'Ivoire* [котдивуа́р] — Берег Слоновой Кости, или, как с недавнего времени требует себя называть по-русски эта страна, — Кот-д'Ивуар. Обратим внимание на слово *côte*, достаточно добавить пропущенное *s* перед *t*, как все становится ясно — это же почти всем известный «берег»: английское *coast*, испано-итальнское *costa*, немецкое *Küste*. Еще примеры: *château* [шато́] — «дворец, замок»; (ср. с английским castle); *forêt* [форэ́] — «лес» (ср. с английским forest).

Испанский язык
Español

Испания — одна из богатых римских провинций, усвоившая язык Рима. В семье европейских народов испанцы, как и их соседи по Пиренейскому полуострову португальцы, занимают особое место, обусловленное огромным влиянием, испытанным со стороны арабской культуры. В VIII веке большинство испанских земель всего лишь за несколько лет было завоевано так называемыми маврами, которых мы, не вдаваясь в историко-этнографические тонкости, будем считать арабами (точнее, носителями мусульманской культуры).

Испанская нация складывалась в процессе Реконкисты (то есть отвоевания Пиренейского полуострова у арабов), которая продолжалась много столетий. В испанской культуре множество элементов, от кухни до танцев и архитектуры, заимствованы у арабов в те времена. Надо сказать, что до эпохи европейского Возрождения арабская культура превосходила европейскую, как говорится, по всем статьям. Даже мореходное искусство, позволившее испанцам и португальцам инициировать эпоху великих географических открытий, перевернувшую представления европейцев о мире, было во многом заимствовано у арабов. Много арабских заимствований и в самом испанском языке. Да и внешность современных обитателей Пиренейского полуострова — это во многом арабское наследие, или, может быть, правильнее сказать, наследственность.

Испания весьма возвысилась в конце XV века, а, приобретя гигантские заморские колонии (большая часть Америки), до конца XVIII века была одним из крупнейших игроков в европейской политике. Владения испанской короны в лучшие годы простирались на восток Европы до Нидерландов (вспомним истории о Тиле Уленшпигеле). Далее последовал экономический упадок страны, который многие историки связывают именно с эксплуатацией колоний (американское золото погубило собственные производительные силы страны). С начала XIX века Испания постепенно утрачивает свои американские владения, которые по примеру североамериканцев вознамерились добиться независимости.

Долгое время Испания в социально-политическом и культурном отношении была отсталым государством (западные задворки Европы), что обусловило малое влияние испанского языка в этот период. Ранее испанцы обогатили европейские языки

множеством слов, вывезенных из заморских колоний и обозначавших тамошние реалии вроде томатов и аксолотлей (это из языка индейцев-ацтеков). В последние десятилетия международное значение испанского языка неуклонно возрастает за счет роста экономической и политической мощи испаноязычных латиноамериканских стран, а также своеобразной литературы, сформировавшейся на этом континенте.

По-испански сейчас говорят не только в Испании, большей части Латинской Америки (в Бразилии и еще некоторых маленьких странах это самый распространенный второй язык), а также на Филиппинах (вспоминается испанский король Филипп!), но и в США — огромное число недавних иммигрантов из латиноамериканских стран. Они туго ассимилируются, с трудом обучаются английскому и во многом сохраняют свою культурную идентичность. Поговаривают даже о возможности введения в США второго государственного языка — испанского.

Испания время от времени становилась модной в России. Так было в XIX веке, когда сложился миф об испанцах как о людях страсти, а испанское было синонимом романтического. В середине 1930-х годов во время гражданской войны в Испании Советский Союз оказывал разнообразную, в том числе военную, помощь республике в борьбе с мятежниками генерала Франко. В это время все испанское было чрезвычайно популярно среди советской молодежи. Ждали появления чего-то вроде Испанской Советской Социалистической Республики. Ждали напрасно. Однако через четверть века эти ожидания сбылись в виде социалистической Кубы. Увлечение советских людей Кубой и ее молодыми бородатыми лидерами (так не похожими на советских партийных руководителей) было последним приступом революционной романтики дряхлеющей советской идеологии. Знаменательно, что этот последний приступ романтики был связан с испаноязычной страной.

Влияние испанской лексики на русский язык невелико — в прямом контакте мы с ними никогда не были, даже не воевали, если не считать испанской добровольческой «Голубой дивизии», действовавшей во время Второй мировой войны на Ленинградском фронте. Воевали они недолго и вовремя убрались отогреваться в солнечную Испанию. Почти все заимствования из испанского пришли к нам опосредованно — через другие европейские языки.

Следует сказать, что Español [эспаньóль], переводимое как испанский язык, — это официальное, но отнюдь не общепринятое название. В Испании до сих пор не сложился единый общенациональный язык, и в разных провинциях говорят на

довольно сильно различающихся диалектах, носители некоторых из которых считают их самостоятельными языками. Особенно это относится к Каталонии (со столицей в Барселоне), где очень сильны сепаратистские настроения. Самостоятельным языком каталанский считают не только каталонцы, но и большинство лингвистов, позиции его весьма сильны: существует пресса, художественная литература. Жители провинций предпочитают называть государственный испанский кастильским языком, castellano [кастэлья́но или кастэя́но] — это диалект центральной области страны, Кастилии, со столицей в Мадриде. Как обычно бывало в истории европейских стран, государственный язык складывался на основе «столичного диалекта».

Читаем по-испански

Испанская орфография очень регулярна, а чтение не требует никаких знаний грамматики (не то, что во французском). Впрочем, не обольщайтесь, ниже приводится несколько упрощенное произношение испанских звуков. На самом деле звуковой строй довольно далек от русской фонетики.

Есть два грамматических рода, как и в большинстве романских языков, причем грамматический род сохраняется в артиклях множественного числа (это уже испанская особенность): мужской род: *uno, el — los*; женский род: *una, la — las*.

Ударение силового типа падает на предпоследний слог, если слово оканчивается на гласную или буквы *n* и *s*. Если слово оканчивается на любую другую согласную, ударение падает на последний слог. Существует немало исключений из этого правила, но любезные испанцы в таких случаях обозначают ударение акутом: *José* — Хосе, Иосиф по-нашему. Между прочим, вовсе не Хозе, так как *s* между гласными в испанском в отличие от многих других языков не озвончается, звука [з] у них нет вообще. С каким ударением произносить имя и фамилию Симона Боливара, в испанском написании ясно сразу: *Simón Bolívar* [симо́н боли́вар] — и имя, и фамилия произносятся не по общим правилам постановки ударения.

В испанском имеется очень интересная и, как мне кажется, удобная особенность пунктуации: вопросительный и восклицательный знаки ставятся не только после предложения, но и перед ним. Причем перед предложением они даются в перевернутом виде. Это было бы неплохо перенять русской пунктуации, особенно в отношении вопросительных предложений. Ведь в русском языке общее вопросительное

предложение, то есть не имеющее вопросительного местоимения и относящееся к истинности всего высказывания, отличается от повествовательного только интонацией в речи, а на письме только вопросительным знаком. Пока при чтении до него взглядом не дойдешь, непонятно, идет ли речь о вопросе или утверждении.

Согласные звуки

Среди согласных есть два мягких звука: *ll* — очень мягкое [ль], как *gl* в итальянском, и *ñ* — [нь], как *gn* во французском и итальянском. Двойное *ll* обозначает настолько мягкое [ль], что оно иногда вокализуется в [й]: Mallorca [мальо́рка] — раньше по-русски писали Мальорка, а теперь — Майорка, испанский остров в Средиземном море.

Для вящего удобства изучающих язык иностранцев одушевленные существительные мужского рода часто заканчиваются на *-o*, а женского рода на *-a*: *el niño* [эльни́ньо] — «малыш», *la niña* [ляни́ньа] — «малышка». Эти два испанских слова вошли в международную научную лексику для обозначения до сих пор непонятных атмосферно-океанических явлений в водах к западу от Перу, оказывающих влияние на погоду всей планеты.

Буква c перед *i, e* читается как английский щелевой звук в слове *thank*, так же читается и буква *z*. Испанский — единственный язык среди негерманских, где этот звук встречается. Впрочем, если вы будете вместо него произносить [с], вас поймут — это считается допустимым вариантом произношения, свойственным многим провинциям Испании и странам Латинской Америки.

Следующая «проблемная» буква — *g*. Перед *i, e* она читается как [х], так же произносится и буква *j*, которая, как и во французском, португальском и английском, следует в своем произношении за вторым вариантом чтения *g*: *Argentina* [архэнти́на] — Аргентина, *Los Ángeles* [лёс а́нхэлес] — дословно «ангелы», ныне название этого города произносится на английский манер — Лос-Анджелес; *Juan* — Хуан, испанский вариант Ивана. Чтобы перед *i, e* все-таки передать звук [г], после *g* добавляется *u*: *Miguel* [мигэ́ль] — Мигель, испанский вариант имени Михаил; *guerilla* [гэрильа] — «партизанская война», дословно «войнушка», слово, вошедшее во многие языки мира после отчаянного сопротивления, оказанного испанскими «незаконными вооруженными формированиями», когда войска наполеоновской Франции вторглись в их страну.

Буква *h*, как и положено в романских языках, не читается никогда, однако она входит в буквосочетание *ch*, которое

обозначает звук [ч]: *gazpacho* [гаспа́чо] — «гаспачо», испанская тюря, вошедшая в моду по всему миру.

Буквосочетание *qu*, как и во французском, всегда читается как [к]: *reconquista* [рэконки́ста] — «реконкиста», освобождение Пиренейского полуострова от арабского владычества, дословно «отвоевание».

Необычно произносится звук, обозначаемый буквой *b*, особенно между гласными: получается нечто среднее между русскими [б] и [в]. В русской транскрипции традиционно передается буквой *в*. Гавана от *La Habana* [ава́на], Кордова от *Córdoba* [ко́рдова]. Не все благополучно и со звуками, передающимися буквой *d* и двойным *rr*, но это уже тонкости.

Испанский язык не выносит начального буквосочетания *st* (как и французский), чтобы справиться с ним, приходится добавлять букву *e*: *estado* [эста́до] — «государство», (ср. с английским *state*). В романах Юлиана Семенова Штирлица во время его пребывания в Испании местные именовали сеньор Эстирлисо. Ни [ш], ни [ц] настоящие испанцы произнести не могут.

Трудности возникают также с чтением буквы *x*. Стандартное чтение — [кс], а перед согласными может читаться [с]: *extranjero* [эстранхе́ро] — «иностранец». Наконец, в некоторых именах собственных эта своенравная буква может произноситься на старый манер как [х]. В староиспанском эта буква читалась как [х], но затем была вытеснена буквой *j*: *México* превратилось в *Méjico*, а *Texas* — в *Tejas*.

Заимствованные слова в испанском очень быстро приспосабливаются под местную фонетику и теряют иноземный вид, лишь иногда сохраняя буквы — индикаторы иноязычного происхождения: *w* и *k*. Уподоблению испанскому подвергаются даже аббревиатуры: CD-ROM моментально превратился в *cederrón*, вполне по-испански выглядящее слово.

Гласные звуки

Гласные *a, e, i, o, u* произносятся как в латыни, а их долгота или краткость, как и в русском, не имеет смысло-различительной функции, то есть все гласные произносятся с одинаковой долготой.

Многочисленные испанские дифтонги (двойные гласные) типа *ai, eu, ue* и т. п. также читаются, как написано. Имеются и трифтонги (тройные гласные), с которыми тоже никаких проблем не возникает: *Uruguay* [уругуа́й] — Уругвай, страна в Южной Америке.

Буква *y* обозначает звук, близкий русскому [й], перед гласной

— выражает ее (этой гласной) йотированность, впрочем, ту же самую функцию иногда выполняет буква *i*: *Iago* [я́го] — Яго, испанский вариант Якова. Именем святого Иакова названо множество городов в испано-язычном мире, поэтому в названии принято обозначать государственную или даже региональную принадлежность: *Santiago de Chile* [сантья́го дэ чи́ле] — Сантьяго (столица Чили).

Португальский язык
Português

Lusitania — латинское название древнеримской провинции, приблизительно совпадающей по своей территории с современной Португалией, самой западной страной Европы. Португальцев ныне всего 10 миллионов, а на португальском говорят около 220 миллионов — не только в Европе, но и в Южной Америке (одна Бразилия — уже больше половины говорящих по-португальски), в Африке, в Азии. Этот факт — бесспорное свидетельство того, что и у маленькой Португалии была великая эпоха.

С начала XV века именно Португалия, не самая могучая страна, едва освободившись от арабского владычества, совершила ряд великих географических открытий и принялась за создание собственной колониальной империи. В этом португальцам здорово помогло знакомство с арабским кораблестроением и навигацией. На два века Португалия сделалась великой морской державой, у которой, впрочем, вскоре появилась мощная соперница — Испания. В XVI веке португальский стал lingua franca почти по всему побережью Африки и большой части Азии, а в местные языки проникло множество португальских слов, обозначающих всяческие блага европейской цивилизации. Большинство всемирно известных португальцев — это мореходы, завоеватели и купцы той поры. Часто и то, и другое, и третье.

В эпоху колониального могущества португальский язык образовал огромное количество пиджинов (смешанных языков) по всему миру. Многие из них превратились в креольские языки, то есть из пиджинов как языков общения между двумя народами превратились в естественные языки, на которых, как правило, говорила часть местного населения земель (в Америке, Африке, Азии), подвергшихся португальской колонизации. Почти все креольские языки вымерли, заместившись литературным португальским, некоторые же существуют до сих пор.

Креольские языки, естественно, возникали на основе не только португальского, но и языков других колониальных держав, прежде всего испанского, французского и английского, однако португальцы в этом деле были первыми.

Португалия постепенно утрачивала экономическое, культурное, а следовательно, и языковое влияние на соседей, но ухитрилась сохранить колониальную империю дольше своих более удачливых соперников: Гоа (португальская колония в

Индии) утрачена в 1961 году в результате короткой войны с Индией (португальцы практически не сопротивлялись), африканские колонии Ангола и Мозамбик получили независимость только после демократической революции в самой Португалии, так называемой «революции гвоздик» в 1975 году.

В целом незначительно влияние португальского на европейские языки, в том числе и на русский (непосредственных контактов с Россией никогда не было) — слишком рано началась и была непродолжительной их великая эпоха, а соседи — одни испанцы с родственным языком. Тем не менее очень многие слова из азиатских, индейских и африканских языков, обозначающих всякую природную и культурную экзотику, пришли в европейские языки из португальского: ананас, мандарин (в обоих значениях — начальник и фрукт), катана, батат и др.

Португальцы тем еще знамениты, что, добравшись в XVI веке до Японии, были первыми, кому удалось частично преодолеть недоверие властей этой страны и наладить с ней монопольную торговлю. В результате этих связей в японский язык проникло немало португальских слов, а всех европейцев японцы еще долго называли португальцами.

Читаем по-португальски

Португальский язык очень близок к испанскому, но его орфография весьма сложна, а графика изобилует дополнительными буквами. Потому ознакомимся с правилами чтения только в общих чертах. Необходимо также сказать, что при всей близости языков, звуковой строй их весьма различен, хотя родственное слово почти всегда можно узнать, если ознакомиться с правилами закономерных чередований звуков.

Дело затрудняется еще и тем, что на нынешний момент существует два варианта правописания: собственно португальский и бразильский, причем второй несколько проще и ближе к реальному произношению слов, по крайней мере — произношению, свойственному бразильцам.

В 2008 году в Португалии была проведена реформа правописания, которая использовала многое из бразильского варианта. Пожалуй, это единственный случай, когда бывшая метрополия следует в развитии орфографии своего языка тенденциям, формирующимся в бывшей колонии.

Фонетика португальского языка чрезвычайно богата: 9 чистых гласных, 5 носовых гласных (как во французском и польском языках), 10 дифтонгов (двойных гласных), 5 носовых дифтонгов и

25 согласных. Устрашающий список, пока не принялся за дело изучения языка — потом все утрясется по нужным полкам.

Язык изобилует шипящими звуками [ж] и [ш]. Как [ж] произносится буква *g* перед *e* и *i*, а также *j*, как и положено по выведенному нами выше правилу соответствия чтения этой буквы «второму» варианту чтения *g*. Звук [ш] обозначается буквосочетанием *ch*, а также во многих случаях буквой *s*.

Конечное o обозначает звук [у], а конечный *e* — звук [и]: *Rio de Janeiro* [ри́у ди жанэ́йру] — по-русски традиционно Рио-де-Жанейро. Есть и мягкие согласные, как и положено романскому языку: [нь] и [ль], мягкость обозначается буквой, которая в романских языках не произносится — это *h*.

Ударение — динамическое, но слабее, чем в русском языке, что, впрочем, обычно почти для всех европейских языков. Ударение регулярное, то есть подчиняется определенным правилам, но эти правила весьма многочисленны и имеют множество исключений. Скажу лишь, что падает оно на последний или предпоследний слоги, в зависимости от последней буквы в слове (именно буквы, а не звука). В случае отступления от правил ударный слог обозначается акутом. Но если в слове присутствует буква с диакритическим знаком тильда (обозначает носовые гласные), например, *ã*, то ударение падает на этот слог.

Это лишь некоторые вступительные замечания к изучению португальского правописания. В заключение хотел бы порекомендовать читателю, решившемуся взяться за изучение этого красивого и перспективного языка, для начала решить, какой из его вариантов: собственно португальский или бразильский португальский — он выбирает для себя в качестве основного. Как уже было отмечено выше, это довольно сильно разошедшиеся языки — этнолекты.

Румынский язык
Limba română

Наиболее архаичный из романских языков, грамматически он ближе к латыни, чем его западные собратья по языковой группе, что отражено даже в самом его названии. Из семи падежей латыни сохранились пять (в других романских языках косвенные падежи исчезли), «выжил» также средний род существительных, отсутствующий в большинстве современных романских языков. Тем не менее появились артикли, которые в отличие от всех романо-германских языков идут не перед словом, а прикрепляются к словам сзади.

Лексика румынского языка приняла в свой состав огромное количество заимствований из греческого (византийское влияние), турецкого, венгерского, немецкого и славянских языков. Румыния, как бывшая провинция Византийской империи, — страна православной культуры. Это обстоятельство, помимо географической удаленности, резко отделяет ее от прочих романских стран, строго католических. Однако национальная элита всегда тосковала по романским культурным центрам — Франции и Италии.

В XIX веке в рамках формирования общерумынского литературного языка проходил интересный процесс романизации языка, напоминающий процессы, происходившие в то же время во многих других европейских языках «второго ряда», переживавших культурное возрождение. Была произведена последовательная замена многих славянских, немецких и прочих неромanских заимствований на заимствования «правильные», из родственных языков, а именно из итальянского и французского. Еще ранее румыны распростились с кириллицей, которой пользовались столетиями, и перешли на латинскую письменность, взяв за основу итальянское правописание с добавочными буквами. Главные из них *ţ* — [ц] и *ş* — [ш]. Буква *j* обозначает звук [ж], как во французском. Диакритические знаки над гласными фиксируют некоторые малосущественные для нас особенности их произношения.

В настоящее время на румынском языке говорят около 30 миллионов человек, включая население Молдавии; молдавский язык считается большинством лингвистов диалектом румынского.

Западногерманские языки

Германские языки — это языки народов Северной и Центральной Европы. Выделяют три подгруппы: восточногерманские, северогерманские и западногерманские.

На восточногерманских языках говорили представители союза германских племен, сложившегося где-то на севере Европы в начале I тысячелетия н. э. Именовались они готами, всего было несколько родственных племен и, соответственно, языков, которые почти полностью вымерли около 1000 лет назад. Так как готы больше не появятся на страницах этой книги, стоит сказать здесь о них несколько слов.

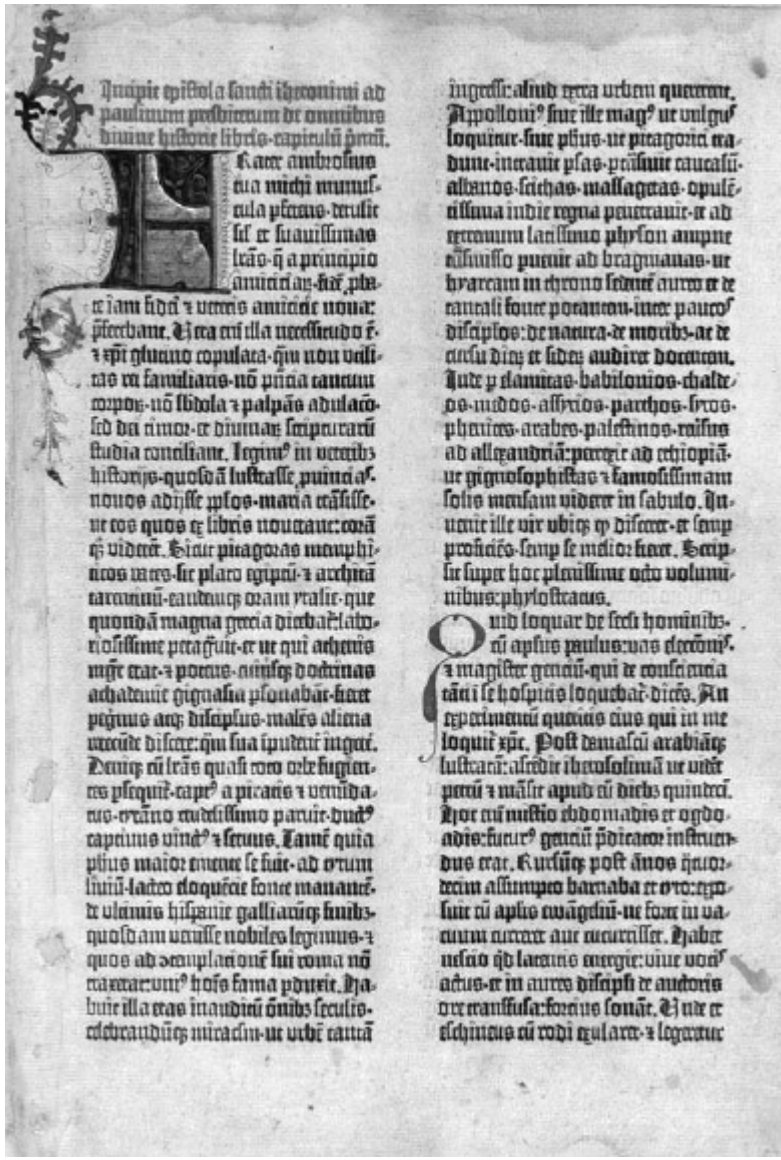
Ни одного языка восточногерманской группы не сохранилось, хотя в форме заимствований готские слова до сих пор живут во многих языках Европы, в том числе и в славянских.

Поэт Сергей Михалков в одном из своих стихотворений для детей приводит такую странную мотивировку патриотизма советских людей в годы Великой Отечественной войны: «Не потерпит наш народ, чтобы русский хлеб душистый назывался словом *брот*». Автор был, видимо, не слишком силен в этимологии (науке о происхождении слов). Ведь по иронии судьбы, общеславянское слово *хлеб* восходит к готскому *hlaifs*, в современных германских языках этого корня нет. Да и слово *брот* пролезло-таки в русский язык еще до Михалкова: стоит русский хлеб душистый намазать маслом, как он тотчас же превращается в бутерброд (дословно «хлеб с маслом»).

Ни один народ Европы не тянуло к странствиям так, как готов, даже на фоне эпохи Великого переселения народов, притом что, естественно, они ведь не были степняками-кочевниками, которых немало в ту пору приходило в Европу с востока. Исходив за несколько веков I тысячелетия н. э. почти всю Европу, готы основывали иногда по пути более или менее жизнеспособные королевства. В разное время они существовали на огромном пространстве, от Пиренейского полуострова до Балкан и современной территории Украины. Побывали они и в современной Франции, и в Крыму, грабили Рим, сыграв немалую роль в окончательном падении Римской империи. После принятия христианства (первыми из германских племен) заимели свой алфавит, составленный на основе греческого, никакого отношения к так называемому готическому шрифту он не имеет. Был даже осуществлен перевод Библии на готский язык. С VIII века начинается их упадок, и вскоре готы как этнос исчезают. Когда мы говорим об исчезновении какого-либо народа, это не

значит, что все они умерли или были истреблены. Исчезновение этноса означает его ассимиляцию более могущественными или жизнеспособными соседями, в состав которых исчезающий народ вливается, постепенно утрачивая свой язык и обычаи.

Однако жизнь этнонима (слово, обозначающее какой-либо этнос) «готы» продолжалась и судьба его весьма интересна. Готов крепко запомнили в Италии; всякого гота воспринимали как варвара, то есть носителя чужой и низшей культуры. Деятели эпохи Возрождения, возвысив искусство античности и взяв его за образец, современное им искусство, сложившееся в Средневековье, обозвали готическим, то есть варварским. Так до нас дошло обозначение стиля в архитектуре и искусстве — готическое, то есть попросту варварское, предшествующее стилю эпохи Возрождения, а также своеобразного шрифта — готического (кстати, очень удобного при письме гусиными перьями), в противоположность возрождавшемуся шрифту, который использовался в античном Риме. Готический шрифт, тем не менее, продержался в некоторых странах довольно долго. Так, в Германии он был отменен только в 1918 году, с падением Второго рейха, а затем восстановлен на время существования Третьего (нацистского) рейха.



Образец готического шрифта — страница Гутенберговой Библии, первопечатного издания, предпринятого в Майнце в начале 1450-х годов Иоганном Гутенбергом и служащего точкой отсчета истории книгопечатания в Европе

Вспоминали готов и по другим поводам. Например, Гитлер всерьез планировал, захватив СССР, присоединить Крым к рейху в виде колонии «Готенланд» и использовать его в качестве «всегерманской здравницы», так как там когда-то существовала довольно многочисленная готская община (последние упоминания о ней относятся к XVIII веку); такое вот своеобразное

возвращение «исконных земель».

В конце XX века появилась молодежная субкультура, адепты которой ни с того ни с сего именуют себя готами. Любители расследовать приключения слов могут заняться связью этих мрачных молодых людей с древним народом-странником.

Ну а мы теперь обратимся к живым германским языкам, вполне процветающим.

Северогерманские, или скандинавские: шведский, норвежский, датский, исландский, фаррерский (жители Фаррерских островов, к северу от Британии).

Западногерманские: немецкий, английский, нидерландский и два дочерних языка: идиш (от немецкого) и африкаанс (от нидерландского).

Со скандинавскими языками мы ознакомимся поверхностно, не пытаясь научиться на них читать. Причины: относительно малый вклад, по крайней мере, по сравнению со своими западногерманскими собратьями, в лексику европейских языков (кроме значительного вклада в английский во время бесчисленных завоеваний в былые времена) и интернациональный словарный фонд, а также сложность звукового строя этих языков. А вот западногерманскими займемся как следует. На них говорят на разных континентах около полумиллиарда человек, большинство приходится, конечно, на английский.

Английский язык
English

Этот западногерманский язык после Второй мировой войны стал господствующим в мире. Уже в XIX веке английский был lingua franca мореходов, и это понятно: Британия — владычица морей. После Первой мировой войны в Европе утвердилось экономическое и политическое влияние Североамериканских Соединенных Штатов, а после Второй мировой эта держава утвердила и свое военное присутствие в Европе. Французский язык перестал быть обязательным международным языком дипломатии, и его во многом вытеснил английский, который так же быстро занял место немецкого в качестве основного для естественных наук. Сейчас трудно представить, что в 1920-х годах некоторые англоязычные физики и химики, желая опубликовать свои статьи в престижном научном журнале, переводили их на немецкий.

То, что английский стал в минувшем веке признанным языком науки и даже (во многом) техники, подтверждает одно «эпохальное» явление. Если раньше, независимо от языка-носителя, авторы по древней традиции старались для новых терминов или обозначений технических устройств использовать словообразовательные элементы древнегреческого или латыни, то теперь они именуются просто по-английски. Достаточно проследить историю разработок ускорителей элементарных частиц. Ушли в прошлое «греко-латинские» циклотроны, синхрофазотроны и им подобные устаревшие ускорители. Ускорители современного типа называются уже по-английски: коллайдерами (столкновителями), хотя само это английское слово и ведет свою историю от латинского языка.

Если дело так пойдет и дальше, то вскоре английский станет глобальным языком. Таковым он уже является во многих областях, в том числе и в бытовом общении представителей разных народов. На каком еще языке общаться норвежцу с японцем, встретившимся в Париже? Мир глобализуется — ему нужен общий язык. Англичане шутят, что самым распространенным языком в мире является Broken English (ломаный английский), которым в мире «владеет» количество людей, превышающее численность населения Китая.

В России английский вошел в моду в среде дворян только в начале XIX века в форме англомании, подражании быту, одежде и развлечениям англичан. Однако до конца века в стандартный

набор иностранных языков образованного человека входили только немецкий и французский. Только к концу XIX века английский утвердился в среде образованных русских, однако в советское время знание этого языка, так же как и прочих иностранных языков (дольше всех держался немецкий), пришло в упадок. Причины очевидны: изоляция СССР, отсутствие личных контактов с иностранцами, зарубежной прессы и литературы в свободной продаже. После падения Советского Союза в новой России английский стал самым популярным иностранным языком, а в русский язык хлынул поток англицизмов не только в виде слов, но и грамматических оборотов. Интересно, что в современном русском языке заимствование слов ведется почти исключительно в виде транскрипции, все остальные виды заимствования практически не встречаются, кроме, может быть, «заимствования на слух» в молодежном и профессиональном жаргонах.

Английский славится тем, что слова — короткие и многозначные. Малая длина английских слов будет наглядна, если положить рядом какую-нибудь русскую книгу и ее перевод на английский — вторая книга окажется заметно тоньше. Многозначность слов обусловливается той особенностью английской грамматики, что почти каждое слово может существовать без морфологических изменений в виде нескольких частей речи: *a dog* — «собака» (существительное); *to dog* — «выслеживать» (глагол); *dog fur* — «собачий мех» (прилагательное).

Еще одна из особенностей английского языка — исключительное лексическое богатство. Природа его в том, что английская лексика — это, по сути, результат слияния словесных массивов двух языков: старофранцузского и древнеанглийского, имеющего германское происхождение. Чтобы понять это явление, придется обратиться к истории Англии, южной части нынешней Великобритании.

Древнеанглийский период
Old English
С середины V века до 1066 года

История англичан как нации начинается с середины V века, с завоевания острова германскими племенами англов, саксов и ютов. Они покорили, частично истребив, коренные кельтские племена, уступавшие им по уровню культурного развития. Слов от кельтов в английском почти не осталось, хотя некоторые из этих немногих вошли в международную лексику, в том числе и в

русский язык: клан, плед и виски.

До германцев Британия в течение 400 лет входила в состав Римской империи в качестве одной из самых удаленных провинций. От этого времени осталось большое количество английских топонимов с элементами *-chester* и *-caster* от латинского *castrum* — «военный лагерь» (как известно, римский военный лагерь, даже временный, отличался от города разве что идеальной планировкой), а также *-port* от латинского *portus* — «порт, гавань».

Многие латинские слова англосаксы (ютами как-то принято пренебрегать из-за их относительной малочисленности) усвоили еще на континенте, находясь в контакте с Римом.

Далее до XI века следуют бесчисленные набеги и завоевания. Британию не завоевывал только ленивый, а ленивых среди соседей древних англичан не было. Оттого в английском много слов из датского, древненорвежского и других германских языков в том виде, в каком они существовали в то время. В древнеанглийский период начался отход языка от синтетической модели, свойственной древнегерманским языкам, и постепенный переход к аналитической.

Среднеанглийский период
Middle English
С 1066 года до конца XV века

Конец длинной череде завоеваний и набегов положили норманны, которые завоевали Англию так крепко, что больше уже на остров никого не пускали. И вообще с тех пор нога иноземного захватчика на английскую землю не ступала, хотя в разное время это порывались сделать и испанцы, и французы, и немцы.

Кто же они такие, эти норманны (дословно «северные люди», что сущая правда). Да все те же пресловутые викинги, то есть скандинавы, которым не сиделось на их холодном и бедном природными ресурсами полуострове, захватившие северо-западную часть современной Франции и усвоившие местный язык (старофранцузский) и культуру, которая превосходила их собственную. Довольно обычное дело в те времена — менее культурный завоеватель покорялся обаянию культуры завоеванного народа и постепенно растворялся в ней, оставляя после себя в лучшем случае только имя. Сколько раз такое происходило в Китае за его историю. Или пример с завоеванием славянских племен на Балканах кочевниками булгарами (болгарами), от которых вскоре ничего кроме имени не осталось. По иронии судьбы, часть населения норманнского государства

составляли потомки кельтских племен, бежавших за столетия до этого от нашествия германских племен англосаксов. Все-таки германцы их достали, хотя и в другом месте. Они и сейчас там живут, по-русски именуются бретонцами, а некоторые даже продолжают говорить на бретонском языке.

HERE BEGINNETH THE TALES OF CANTER-
BURY AND FIRST THE PROLOGUE THEREOF

WHAT Aprille with his shoures soote
The droughte of March hath perced to the roote,
And bathed every veyne in swich licour,
Of which vertu engendred is the flour;
Whan Zephirus eek with his sweete breeth
Inspired hath in every holt and heeth

The tendre croppes, and the yonge sonne
Hath in the Ram his halfe cours yronne,
And smale fowles maken melodye,
That slepen al the nyght with open eye,
So priketh hem nature in hir corages:
Thanne longen folk to goon on pilgrimages,
And palmeres for to seken straunge strondes,
To ferne halwes, kowthe in sondry londes;
And specially, from every shires ende
Of Engeloud, to Caunterbury they wende,
The hooly blisful martir for to seke,
That hem hath holpen whan that they were seeke.

BIFEL that in that seson on a day,
In Southwerk at the Tabard as I lay,
Redy to wenden on my pilgrymage
To Caunterbury with ful devout corage,
At nyght were come into that hostelrye
Wel nyne and twenty in a compaignye,
Of sondry folk, by aventure yfalle
In felawshipe, and pilgrimes were they alle,
That toward Caunterbury wolden ryde.

Страница из книги «Кентерберийские рассказы» (публикация XV века), написанной английским поэтом, основоположником общеанглийского литературного языка Джеффри Чосером (1340–1400)

Возвысившись в культурном и окрепнув в военном отношении, норманны сделали то, что в то время делали все, — захватили Англию. Далось им это не без труда, однако после знаменитой битвы при Гастингсе (1066 год) их владычество распространилось на все бывшие германские королевства. Государственным языком стал французский (точнее его диалект — норманно-французский), а норманны стали правящей элитой нового государства. Однако их было слишком мало, значительная часть мелких и даже средних землевладений осталась в руках англосаксов.

Далее начинается интереснейший процесс постепенного смешения норманно-французского с древнеанглийским, который шел параллельно росту политического значения англосаксов. Процесс этот занял несколько веков.

Названия домашних животных имеют германское происхождение, ибо их разведением были заняты англосаксы: *ox* — «бык», *calf* — «теленок», *sheep* — «овца», *pig* — «свинья». А вот мясо соответствующих животных носит французские названия, данные людьми, которые его едят: *beef* — «говядина», *veal* — «телятина», *mutton* — «баранина», *pork* — «свинина». Никакой политический памфлет не выявит с большей выразительностью неравенство, чем это лексическое явление, зафиксированное в языке.

В грамматике происходили разительные перемены, связанные с постепенной утратой падежных окончаний у существительных и личных окончаний у глаголов. Таким образом, английский из синтетического языка, каковыми были все древнегерманские, превращался в язык аналитический. По сути, история Middle English — это процесс постепенного слияния древнеанглийского с языком завоевателей, параллельно с полной утратой древнеанглийским синтетического строя.

Столетиями шел медленный процесс обогащения древнеанглийского языка норманно-французскими словами. Многие слова в современном английском как бы продублированы, причем французский вариант имеет более «торжественный», книжный характер, например, германское *to come in* — «входить» и французское *to enter* — «вступать». Почти все слова, имеющие отношение к управлению государством, юриспруденции, армии, изящным искусствам, пришли из французского. Показательно, что названия простых ремесел — германского происхождения, а слова, имеющие отношение к торговле и промышленности, — французские. По мере обогащения английского языка он постепенно вытесняет французский — сначала из судопроизводства, и, наконец,

наступает год 1483-й, когда парламентские законы начинают издаваться на английском языке. Английский язык наконец-то становится государственным.

Новоанглийский период
New English

Это период с конца XV века и до наших дней. Завершается процесс перехода языка к аналитическому строю. Идет дальнейшее изменение и обогащение лексики в основном за счет латыни и современного тому времени французского языка, ведь норманно-французский фонд уже исчерпан. Франция — форпост культуры того времени. Изменения, прошедшие за новоанглийский период, весьма значительны. Современный англичанин практически не понимает текстов Шекспира, хотя тот писал на языке, называемом новоанглийским.

С XIX века начался, по сути, новый период в развитии английского языка, который, однако, официальной историей не выделяется. Он связан с начавшимся обособлением многочисленных колоний, освоенных британской короной к концу XVIII века. Вместе с этим обособлением и постепенной утратой власти британской короны над ними происходит и языковое обособление. Колонии постепенно или в результате революционных войн, как в части Северной Америки, обретают независимость от метрополии, и там неизбежно формируются свои этнолекты — варианты английского языка, носителями которого стали другие народы. Этнолекты, все дальше отходящие от британской языковой нормы. В настоящее время многие лингвисты считают, что American English по количеству лексических, грамматических и даже некоторых орфографических изменений, отличающих его от British English, уже «заслуживает» выделения в качестве самостоятельного языка западногерманской группы. То же поговаривают, хотя и с меньшим энтузиазмом, и о канадском и австралийском вариантах английского языка.

Читаем по-английски

Как я уже предупреждал, учиться читать по-английски мы не будем (на это не хватило бы всего объема книги), а только ознакомимся с некоторыми особенностями правописания этого языка. Английская орфография по своей сложности и непредсказуемости не имеет себе равных среди языков, использующих латинский алфавит.

Главных причин две:

уже отмеченное смешение двух разнородных языковых массивов, имевших разную орфографию;

англичане в своем гордом консерватизме ни разу не проводили последовательной реформы правописания, то есть произношение слов, как в любом живом языке, за сотни лет кардинально изменилось, а их написание осталось прежним.

В английском алфавите 26 букв, если не считать буквой непроизносимый знак апостроф, который может существенно менять значение слова (все три варианта написания в приведенном ниже примере произносятся одинаково): *sisters* — «сёстры»; *sister's* — «сестры, принадлежащий сестре»; *sisters'* — «сестёр, принадлежащий сёстрам». Диакритических знаков нет вовсе — редкий случай среди языков, использующих латинскую графику. Исключение составляют относительно недавние заимствования, в основном из французского, в написании которых сохраняется орфография языка-донора: *café* [кафэ́й] — «кафе, кофейня».

Старые заимствования из французского в норманнский период происходили чисто формально — заимствовалось написание слова, а читать его начинали по правилам английского языка. Так, например, французское название нечитаемой в этом языке буквы *h* — *ache* [аш], в английском же название буквы сохранило французское написание, но произносится по-английски — [эйч].

Английский язык с его неупорядоченной орфографией плохо приспособлен для транскрипции заимствованных слов, в частности имен собственных неевропейских языков. Также отсутствуют устоявшиеся традиции в этой области. Привожу из англоязычной Википедии начало статьи о нашем Прокофьеве»: «Sergei Sergeyevich Prokofiev. Alternative transliterations of his name include Sergey or Serge, and *Prokofief*, *Prokofieff*, or *Prokofyev*». И этот недостаток присущ языку, неотвратимо становящемуся мировым! Как бы то ни было, знание английского языка уже стало absolute must, чем бы вы ни занимались.

Немецкий язык
Deutsch

До XVIII века немцами называли всех пришельцев из Западной Европы (западнее Польши с ее понятным в то время для образованных русских языком). Считается, что слово немец происходит от слова немой, то есть не умеющий (понятно) говорить. Примечательно, что выходцев с Востока, тем более своих правителей и/или соотечественников по Золотой Орде русские немыми (непонятно говорящими) не называли.

Те, кого мы, а также прочие славянские народы сейчас называем немцами, в XVII веке именовались по-русски, определенности ради, цесарскими немцами, то есть кайзеровскими, от латинского *Caesar* — Цезарь, подданными Священной Римской империи. Было когда-то такое рыхлое государственное образование, объединявшее большинство немецкоязычных земель.

Немцы среди великих народов Европы имеют одну характерную особенность исторической судьбы — это народ эмигрантов. По крайней мере, были таковыми на протяжении многих веков. Я, конечно, имею в виду не миллионы немцев, уехавших в Северную Америку — итальянцев или поляков понаехало в штаты немногим меньше, — а переселение немцев на восток Европы. Немцы столетиями переселялись на восток по отрицательному градиенту развития европейской культуры (в сторону ее меньшей укорененности), исполняя роль ее носителей и распространителей (по-немецки «культуртрегер»). Подобное происходило в восточных пределах Российского государства, где культуртрегерами были русские. Немецкий народ никогда не жил богато, и колонисты поселялись на мало или неэффективно освоенных землях Восточной Европы, вступая с местным населением в тесное взаимодействие, иногда эксплуатируя его и всегда обогащая в культурном отношении. Это и был пресловутый «Drang nach Osten», натиск, продвижение на Восток. А из Западной Европы происходил «Drang nach Westen» — колонизация и заселение Америки и Африки. Германии же путь туда был закрыт могучими западными соседями. Да и самого государства с названием Германия в эпоху интенсивной колонизации заморских земель еще не существовало.

Мы часто забываем, что Германия едва ли не самое молодое из крупных европейских государств, и в 2011 году будет отмечаться всего лишь 140-летие единого германского

государства (Италия объединилась немногим ранее). До того существовали два крупных королевства, Пруссия и Бавария, и множество мелких и мельчайших образований с герцогами, курфюрстами и прочими аристократами во главе.

Несмотря на раздробленность страны, относительное культурное единство сохранялось, как и общий литературный язык, образцом которого считался текст Священного Писания в переводе на немецкий Мартина Лютера. Целых 20 лет (1522–1542) Лютер трудился, урывая время от других дел, и создал один из первых полноценных переводов Библии на национальный язык, сделав Священное Писание доступным народу в полном соответствии со своими идеями реформации церкви.

Благодаря проникновению немецких поселенцев в восточные земли и возвышению культуры, к XIX веку немецкий язык стал lingua franca на огромных просторах Центральной, Восточной и Северной Европы, от Нидерландов до Норвегии, от Венгрии, Чехии и Польши до прибалтийских земель и Финляндии. В этом статусе язык пребывал до 1945 года, небывалого в истории крушения германского государства, фактически потерявшего не только огромную часть своих земель, но и на долгое время политическую самостоятельность (восточная часть, Германская Демократическая Республика, — вплоть до 1990 года).

Утрате немецким языком статуса языка международного общения способствовали еще два обстоятельства: во-первых, крах немецкой науки, который начался с массовой утечки мозгов (и отнюдь не только еврейских) в нацистские времена и усугубился послевоенной разрухой, и, во-вторых, — выселение многих миллионов немцев из стран Восточной Европы, где они жили веками (Чехия, Венгрия, Польша, Восточная Пруссия и многие другие страны) и оказывали языковое влияние на соседние народы.

В царской России также жило большое число немцев, оставивших весьма значительный след в русской истории (не буду уж говорить о национальности государей императоров) и культуре. Назову несколько славных фамилий наугад из двух совершенно разных областей деятельности — биологи и натуралисты: Мензбир, Паллас, Бэр, Шмальгаузен, Мантейфель; мореходы: Крузенштерн, Литке, Белингсгаузен, Эгершельд.

Влияние немецкого языка на русский колоссально, вероятно, наиболее значительно по сравнению со всеми другими иностранными языками в Новое время. В основном оно реализовалось в XIX веке, когда формировались области русского языка, обслуживающие науку, технику, ремесла и философию. Учились в то время многие дворянские сыновья в немецких

университетах. Помните, в «Евгении Онегине» о Ленском: «Он из Германии туманной привез учености плоды»? Туманной чем? Своей малопонятной русским философией. Ничего, следующее поколение русских студентов, среди которых были уже не только дворянские сыновья, разобралось и с немецкой философией, и с математикой, и с естественными науками.

Заимствование происходило в основном путем калькирования трудом многочисленных переводчиков естественнонаучной и философской литературы и самими учеными, изобретавшими новые русские слова зачастую путем кальки со знакомого им со студенческих времен немецкого слова.

Ремесленники, работавшие вместе с немецкими мастерами (от немецкого *Meister* [ма́йстэр]) или, что было чаще, под их началом, усваивали немецкие слова (названия инструментов, рабочих и технологических приемов) на слух, что приводило, конечно, к гораздо большим искажениям исконного слова, чем транскрипция, производимая людьми, знающими немецкий язык. Так, в названии столярного приспособления «стусло» (позволяющего распиливать деревянную заготовку под заданным углом) нелегко узнать соответствующее немецкое слово *Stosslade* [штосладе]. Подобно этому немецкое *Stemmeisen* [штэмайзэн] превратилось в русскую «стамеску».

За немецким языком у русских, тех, кто его не знает, закрепилась репутация языка грубого и неприятного своим звучанием. Разумеется, это последствие послевоенной германофобии. В сотнях книг о войне можно прочесть о каркающей или, в лучшем случае, гортанной немецкой речи. А в фильмах о войне, особенно старых, немцы редко разговаривают — исключительно орут. Пресловутая «гортанность» объясняется своеобразием произнесения слов, начинающихся на *a, e, i, o,* так называемым «твердым приступом». Эти начальные гласные произносятся с большей скоростью нарастания звучания, как если бы вы хотели сказать «ох», но некоторое время сдерживали себя, а потом бы выстрелили готовым звуком [о].

Немецкий акцент при пользовании русским языком обладает интересной особенностью, связанной с тем, что звонкость и глухота согласных, имеющаяся в немецком языке, имеет несколько другую природу, чем в русском. В результате немцы, говоря по-русски, часто путают глухие и звонкие согласные. Это охотно используется писателями для передачи немецкого акцента в русской речи. Так, у Салтыкова-Щедрина не вполне обрусевший чиновник из немцев на потеху своим подчиненным говорит «бупличный» вместо публичный. Немецкий язык несколько легче для освоения русскому человеку, чем какой бы то ни было другой

германский язык, из-за сравнительной близости фонетического и грамматического строя этих языков. Не сравнить с английским или датским.

Читаем по-немецки

Немецкое правописание регулярно реформировалось и продолжает реформироваться, причем союзно во всех странах, имеющих немецкий язык в качестве хотя бы одного из государственных или региональных. В настоящее время это Германия, Австрия, Швейцария, Люксембург, Бельгия, Италия и Лихтенштейн. Всего немецкий в качестве родного языка используют немногим менее 100 миллионов человек. Благодаря продуманной системе правописания научиться читать по-немецки можно за пару дней, если, конечно не заботиться о постановке произношения. Исключений из правил чтения мало. Они касаются только иноязычных (как правило, французских и английских) слов, которые сохраняют полностью или частично то же написание, что и в языке-доноре. Английские слова — в основном недавние заимствования и читаются строго в соответствии с английским произношением. Французские же заимствования гораздо более старые, и их написание часто изменено в соответствии с немецкой орфографией.

В XVIII веке при формировании языка философии и науки немцы активно использовали калькирование греко-латинских и французских слов. Сейчас калькирование как способ заимствования, как и в русском языке, вышло из моды, и английские слова заимствуются без какого-либо изменения написания. Человек, изучивший немецкий язык в 1950-х годах, современную немецкую газету без англо-русского или англо-немецкого словаря не прочтет.

Особо стоит отметить, что реформы правописания не касались имен собственных, в частности фамилий. Так, одна и та же немецкая фамилия Майер (молочник) может иметь два написания, в зависимости от того, была ли она закреплена за предками данного человека до реформы орфографии первой половины XIX века (Meyer) или после (Meier). Или, например, в фамилии Вольфганга Гёте (Goethe), который для немцев — такое же «все», как для нас Пушкин, сохраняется архаичное написание *th* вместо нормативного по новым правилам *t*.

Звонкие согласные, так же как и в русском языке, оглушаются на конце слова или в соседстве с глухими. Ударение (силовое, но без удлинения ударного гласного) в большинстве случаев падает

на первый слог; отступления от этого правила многочисленны, но их распознавание, к сожалению, требует специальных знаний по морфологии немецкого языка. Впрочем, если слово длинное, особенно если с несколькими корнями, кроме главного ударения появляется более слабое добавочное, а то и несколько — иначе ведь и не выговоришь. О длине немецких слов слагаются легенды (смотри, в частности, у Марка Твена), поскольку число корней в словах правилами не ограничено. То, что в других языках выражается длинной цепочкой слов, в немецком может быть передано одним сложным: *Starkstromkurzschluss* [шта́ркштромкурцшлюс] — короткое замыкание в цепи с сильным электротоком.

Необычная особенность немецкой орфографии — все существительные пишутся с заглавной буквы. Обилие заглавных букв придает особый вид печатному тексту — он опознается как немецкий на расстоянии, с которого отдельные слова еще не различимы. Числительные, обозначающие все двузначные числа, пишутся в обратном порядке, сначала количество единиц, а потом десятков: *zweiundvierzig* [цвайунтфи́:рцихь] — «сорок два», дословно «два и сорок». Такая же особенность наблюдается в чешском языке — пример не лексического, а грамматического заимствования.

В немецком алфавите 26 «стандартных» латинских букв и в общем чтение следует правилам латинского языка плюс четыре дополнительные буквы, которые, к счастью, имеют варианты написания, позволяющие обходиться обычной, то есть так называемой «английской» раскладкой клавиатуры: ä — ae, ö — oe, ü — ue, ß — ss.

Согласные звуки

Как и во многих славянских языках, в немецком языке звонкие согласные на конце слова произносятся глухо: *Tag* [та: к] — «день». В основном все читается как в латыни, за исключением некоторых своенравных букв и буквосочетаний.

Так, *s* читается звонко не только между гласными, но и в начале слова перед гласной: *Rose* [ро́зе] — «роза»; *Sage* [загэ] — «сказание» (ср. с русским словом *сага*, обозначающим не всякое сказание, а только северогерманского происхождения). Чтобы избежать озвончения, используется двойная *ss* или равноценная ей буква *ß* (называется «эсцэт»), похожая на греческую бету, введенная, видимо, для того, чтобы мучить немецких школьников и иностранцев, изучающих немецкий язык. Использование этих вариантов (*ss* или *ß*) подчиняется довольно сложным правилам. Впрочем, в последнее время все больше немцев пренебрегают

своей экзотической буквой *ß*.

Перед буквами *p* и *t* в начале слова *s* читается как [ш]: *Spat* — «шпат» (минерал); *Straße/Strasse* [штра́сэ] — «улица».

Буква *h* читается так же, как в латыни и в английском, если стоит перед гласным (в транскрипции будем обозначать этот звук [х*]), однако после гласного она не читается, а служит знаком того, что предыдущий гласный произносится долго: *haben* [х*а́бэн] — «иметь» (конечно, можно сравнить с английским *have*); *Bohr* [бо: р] — «бор» (у дантиста), «бур» (у геолога).

Буквосочетание *ng*, которое мы в транскрипции передаем как [нг], на самом деле произносится — как и в других германских языках, в том числе и в английском — как один звук, подобный гнусавому [н]. Если схватить себя за нос при произнесении [н], то получится то, что надо.

Буквосочетание *ch*, как и в латыни, передает звук [х]: *Bach* [бах] — фамилия нескольких известных композиторов (отца и сыновей); *Buchhalter* [бу хх*альтер] — «бухгалтер», дословно «книгодержатель». Однако, если после *ch* идет *s*, все буквосочетание *chs* произносится как [кс]: *Wechsel* [вэ́ксель] — «обмен», «вексель»; *Wachs* [вакс] — «воск», «вакса». На этом сложности с *ch* не кончаются — после *i*, особенно в конце слова, *ch* произносится приблизительно как очень мягкое [х]: *Licht* [лихьт] — «свет», сравни с английским *light*; *Reich* [райхь] — «империя, царство, рейх»; *Frankreich* [фра́нкрайхь] — «Франция», дословно «царство франков»; *natürlich* [натю́рлихь] — «конечно», «натурально».

В виде такого мягкого [хь] произносится и *g* после *i*, но только в конце слова: *vierzig* [фи́:рцихь] — «сорок».

Буквосочетание *ck*, как и в английском, обозначает двойное *к* и звук [к]: *Stück* [штюк] — «штука, пьеса»; любопытно, что итальянское слово *pezzo* также имеет значения «штука» и «пьеса» — видимо, театрального искусства (ср. английское *piece*, что означает и то и другое).

Звук [ш], отсутствующий в латыни, приходится передавать сочетанием трех букв *sch*: *Schule* [шу́:ле] — «школа» (ср. с английским *school*); *Schlange* [шла́нгэ] — «змея», «шланг».

Звук [ч] также отсутствует в латыни, так что продолжаем наращивать буквосочетание *sch* до *tsch*: *Deutsch* [дойч] — «немецкий язык».

Буквосочетание *tsch* можно еще нарастить буквой *s*, и тогда получится *stsch* [шч], используемое немцами исключительно для передачи русского звука [щ]: *Stschi* [шчи] — «щи».

Буква *t* так же, как в латыни, произносится как [ц] в составе суффикса *-tion*, соответствующего русскому суффиксу *-ция*:

Reformation [рэформацьо́н] — «реформирование».

Буква *c* встречается только в заимствованных словах и читается соответственно правилам языка-донора, обычно это латинские слова, заимствованные без изменения написания: *circa* [ци́рка] — «около, приблизительно»; ср. с русским *цирк* (*circus* по-латыни значит «круг»).

Звук [в] в немецких словах передается буквой *w* (называется «вэ»), а в заимствованных — *v* (называется «фау»). В немецких же словах буква *v* («фау») обозначает звук [ф]. Как отличить заимствованное слово от немецкого? Если оно знакомо нам по русскому языку как заимствованное, то, скорее всего, оно таковым же является и в немецком: *Konserven* [конзэ́рвэн] — «консервы», заимствованное слово; *Vaterland* [фа́тэрлянд] — «отчизна», чисто немецкое. Знакомым с историей Второй мировой войны известны немецкие ракеты Фау, предвестники космических программ в СССР и США. Они получили свое название от первой буквы слова *Vergeltung* [фэргэ́льтунг] — «возмездие» (за англо-американские бомбардировки Германии).

И, наконец, буква *z* (называется «цэт») передает звук [ц]: *Zirkel* [ци́ркэль] — «круг», «циркуль»; *Zirkel* тоже латинское заимствование, но уже обработанное под немецкое произношение (по-латыни писалось *circulus*), поэтому вместо буквы с появляется *z*. Еще примеры с *z*: *Mozart* [мо́царт], *zierlich* [ци́:рлихь] — «жеманный», *Ziegel* [ци́:гэль] — «кирпич».

Гласные звуки

a, e, i, o, u, если поодиночке, всегда читаются как в латыни.

ä — так же, как *e*.

ö — как латинское *oe* или французское *eu*; будем обозначать этот звук в русской транскрипции буквой *ё*, памятуя о том, что предшествующая согласная при этом не смягчается.

ü — как французская *u*, похожа на русское *ю* в безударном слоге слова *люблю* (предшествующая согласная ни в коем случае не смягчается, как это делается перед русской *ю*): *Müller* [мю́лер] — Мюллер, распространенная немецкая фамилия, соответствующая русской Мельников или английской Miller.

ie — долгое [и], например, *Liebe* [ли́:бэ] — «любовь»; обратите внимание на явно общий с русским корень, в английском *love* это не так заметно.

ei — [ай]: *Einstein* [а́йнштайн] — в русской традиционной транскрипции-транслитерации передается как Эйнштейн; *Gastarbeiter* [га́старбайтэр] — «гастарбайтер, иностранный рабочий», дословно «гостящий работник».

eu — [ой], например *Siegmund Freud* [зи́:гмунт фройт] — в

русской традиционной транскрипции Зигмунд Фрейд.

Нидерландский язык Nederlands

Нидерландский язык часто неправильно называют голландским. Голландия, строго говоря, — это лишь одна из провинций (а точнее, две провинции — Голландия Южная и Северная) королевства Нидерланды (Nederland). Путаница усугубляется тем, что раньше нидерландским словом De Nederlanden (множественное число) — Нижние страны по-русски, Pays Bas по-французски, Low Countries по-английски — называли историческую область в нижнем течении Рейна и нескольких других рек. Ныне этот регион, экономически, исторически и культурно тесно связанный конгломерат трех стран, принято называть Бенилюкс — Benelux (Belgie + Nederland + Luxembourg). Впрочем, в русском языке Голландия и Нидерланды — это фактически синонимы, если речь не идет о научных работах.

Так вот, по-нидерландски ныне говорят в Нидерландах и в северной части Бельгии, именуемой Фландрией (жители — фламандцы), которая в силу превратностей исторической судьбы давным-давно оказалась оторвана от Нидерландов. После множества исторических перестановок Фландрия очутилась в составе Бельгийского королевства с момета его образования в 1835 году. Хотя иногда и говорят о фламандском языке, по сути, это тот же нидерландский. Жители же Южной Бельгии, Валлонии, говорят по-французски. Знаменитая фламандская живопись — это, по сути, та же голландская, но созданная мастерами, жившими за пределами голландского государства.

Хотя голландской империи более не существует, нидерландский язык оставил след в языках бывших колоний. Самой крупной из них была нынешняя Индонезия, и в современном индонезийском языке огромное количество заимствований из нидерландского.

Кроме того, нидерландский язык породил дочерний язык — африкаанс (самый юный из германских языков), язык белых колонистов Южной Африки, среди которых преобладали выходцы из Нидерландов. На нем говорит около 6 миллионов человек, и голландский им во многом понятен.

У голландцев была великая эпоха: с конца XVI до приблизительно середины XVIII века. Первая в мире капиталистическая держава. Голландский торговый флот по тоннажу был равен всем флотам остальной Европы. Молодая

буржуазия была жадна не только до материальных ценностей, но и до знаний, и красоты. А какие странные явления наблюдались в финансовой жизни страны! Чего стоит только знаменитая тюльпаномания (до сих пор рассматривается как историческая загадка) середины «золотого» XVII века, когда за луковицу редкого сорта тюльпана можно было купить 2-этажный каменный дом в Амстердаме. Вот она, загадочная нидерландская душа!

Большинство голландцев и фламандцев, упоминающихся в учебниках, — это живописцы и ученые-естествоиспытатели как раз того времени. Именно в этих областях наиболее велик вклад голландцев и фламандцев в мировую культуру. Голландские живописцы ввели в мировую практику такой жанр живописи, как пейзаж. До них никому не приходило в голову, что природа сама по себе может представлять художественную ценность.

Голландофилом был русский царь Петр Первый, предпринявший попытку вестернизации (уподобления Западу) России. Он жил в Голландии и сохранил ее в своей памяти как образец правильного устройства жизни.

Этот уют, чистота вокруг, разумность, предприимчивость и честность обывателей! Впоследствии, уже в конце XIX века, в качестве идеала правильного мироустройства многие русские воспринимали викторианскую Англию, что уже в позднесоветское время ностальгически было воплощено в телесериале о Шерлоке Холмсе, весьма тепло принятом на родине главного героя.

Рубеж XVII и XVIII веков — период интенсивного лексического воздействия голландского языка на русский в основном в области кораблестроения и судовождения (все эти бушприты, мачты, шпангоуты и т. п.), но не только. Впрочем, многие голландские заимствования были позднее вытеснены словами из других языков.

Знание голландской орфографии понадобится нам для правильного чтения фамилий голландских (фламандских) ученых и художников, да и названий фирм. Это немало, учитывая число тех, других и третьих.

Читаем по-нидерландски

Нидерландский язык по своей лексике и грамматике находится как бы посредине между английским и немецким языками. Голландцам одинаково легко осваивать оба языка. А вот англичанам, и особенно немцам, приходится труднее из-за сложного фонетического строя нидерландского языка. Многие гласные и дифтонги иностранцам кажутся неразличимыми. Так,

владеющий немецким языком многое поймет в письменном тексте, но затруднится с его пониманием на слух. Вообще нидерландская орфография непроста, в особенности в передаче гласных звуков. Поэтому освоим мы далеко не все.

Согласные звуки

Большинство согласных звуков передается теми же буквами, что и в латыни. Буквосочетание *ch*, как и в немецком, передает звук «х» (похоже также на звук, передаваемый в нидерландской письменности буквой *g*): *Bosch* [босх] — Босх, живописец так называемого Северного возрождения, оказавший огромное влияние на последующих художников, вплоть до нынешних дней; не путать с немецкой фирмой *Bosch* [бош] — в нидерландском звук [ш] отсутствует, что необычно для западногерманских языков. В конце слова *-isch* произносится как [ис].

К сожалению, многие нидерландские имена собственные транскрибируются на русский по правилам более известного в наших краях немецкого языка. Так, фамилия одного из самых известных голландских художников XX века *Escher* [Эсхэр] закрепилась в русской передаче как Эшер, как если бы он был немцем. Надо сказать, что вообще голландские имена собственные транскрибируются на русский как попало в зависимости от того, мне кажется, на какие имена другого, более известного европейского языка они похожи.

Буквы *v* и *w* произносятся практически одинаково для русского уха — как [в]: *water* [ва́тэр] — «вода».

Буква *j* — [й]: *ja* [я:] — «да», как в немецком.

Гласные звуки

oe — [у]: *boer* [бу: р] — «крестьянин», сравните с немецким *Bauer*.

ie — долгое [и]: *vriend* [ври: нт] — «друг», параллель с английским улавливается.

eu — как соответствующее буквосочетание во французском и немецкое *ö*: *keuken* [кёкэн] — «кухня»; *neus* [нёс] — «нос» ([н] при произнесении [нёс] не смягчать!).

ei/ij — произносятся одинаково, как [эй]: *reist* [рэйст] — «путешествие», сравните с немецким *Reise*; *rijst* [рэйст] — «рис».

au/ou — одинаково, как [оу]: *goud* среднее между [гоуд] и [хоуд] — «золото».

ui — нечто среднее между произношением *ou* и *eu*: *Kuiper* [кёйпэр] — в русской традиции Койпер, астроном, именем которого назван пояс Койпера, есть такой на периферии Солнечной системы.

Ну, я думаю, для первого знакомства с нидерландской орфографией достаточно. Надеюсь, вы поняли, что дело это непростое.

Идиш
Йидиш тайч

В Средние века шел интенсивный процесс переселения западноевропейских евреев в германские земли. Язык идиш сложился чуть ли не в X веке на основе одного из немецких диалектов, но долгие века практически не имел литературной традиции. На нем говорили евреи-ашкеназы (слово происходит от еврейского средневекового названия Германии), начавшие свою миграцию на восток и юго-восток Европы, а через почти 1000 лет принесшие этот язык в Северную Америку.

В ашкеназской среде сложилась уникальная ситуация реального триязычия: идиш для бытового общения со своими, иврит для религиозных нужд и местный национальный язык (едва ли не для большинства к XVIII веку это был польский) для общения с местными иноверцами — гоями. Впрочем, местный язык до XIX века знали далеко не все, так как во многих странах Европы евреи жили в условиях того, что сейчас в политологии называется бурским словом апартеид (раздельность), системы, которая практически исключает повседневное общение представителей народов, живущих на одной территории.

Разумеется, в еврейском рассеянии сложился не один десяток (разговорных в основном) языков на базе языков народов, среди которых жили евреи. Однако ни один из них не сравнялся с идишем по числу говорящих и богатству позднее возникшей литературы. Самый известный после идиша — Ladino (искаженное — «латинский»), язык сефардов, испанских евреев, которые после изгнания их из Испании расселились по всей Османской империи, от Магриба (Северо-Западная Африка) до Греции и Турции.

С XIX века начался процесс ассимиляции европейских евреев и одновременно появления их национального самосознания, в отличие от существовавшего ранее исключительно религиозного самосознания. Молодые евреи (ашкеназы) теперь говорили на правильном немецком, польском, русском, венгерском и других языках и мыслили себя уже не просто евреями, а евреями немецкими, венгерскими и т. д. Эта новая идентичность вызвала у еврейской интеллигенции интерес к своему «национальному» языку йидиш тайч, что на идише значит еврейский немецкий. По-немецки идиш назывался Judisch-Deutsch (или Judendeutsch), позднее стал называться Jiddisch, что было признанием самостоятельности этого языка, приобретшего свою литературу. К

середине XIX века складывается богатый литературный язык на базе того, что еще недавно презрительно называли жаргоном (на основе немецкого). В сравнении с немецким идиш имеет значительно более простую грамматику, что характерно для языков, долгое время развивавшихся только в разговорной форме, а также многими морфологическими упрощениями. Естественно, что, развиваясь в иноязычной среде, идиш впитал большое количество слов из славянских языков, среди которых в основном и жили ашкеназы. Немало слов пришло и из древнееврейского, что можно уподобить обогащению русского языка заимствованиями из церков нославянского.

Расцвет идиша — это начало XX века. В Европе, в том числе в России, и в Северной Америке издаются сотни, если не тысячи газет, журналов. Появляются крупные писатели, книги которых переводятся на европейские языки. Однако доступ к языку неевреям сильно затрудняется тем, что идиш пользуется древнееврейским алфавитом.

Среди языков, на которые идиш оказал некоторое лексическое влияние, — русский и американский английский. В русском это богатый вклад в воровской жаргон, который складывался в конце XIX века в связи с возникновением так называемой организованной преступности в Российской империи. Многие слова из воровского жаргона уже в советскую эпоху вошли в разговорную речь горожан: все эти фрайера (женихи), лохи (дырки) и т. д., проделавшие долгий путь из Западной Германии через идиш и, меняя свое первоначальное значение, в вульгарную русскую речь. В американском языке заимствования из идиша в основном касаются восточноевропейской экзотики: различные бублики, борщи, которые еврейские переселенцы привезли в не избалованную вкусными вещами Северную Америку.

Дальнейшая судьба идиша весьма печальна. Вторая мировая война и геноцид европейских евреев уменьшили число говорящих на нем на миллионы. А затем, с созданием еврейского государства Израиль, начался окончательный закат этого своеобразнейшего языка. Что же, создатели еврейского государства рассудили справедливо, отказавшись от предоставления идишу статуса государственного языка, иначе ашкеназы оказались бы в привилегированном положении по сравнению со своими собратьями, выходцами из других стран мира, например, испанскими или арабскими евреями. Был выбран труднейший путь приспособления иврита (древнееврейского языка), на котором практически никто не говорил более 2000 лет, к потребностям современной эпохи. И

ведь получилось! Вот настоящий культурный, в том числе научный и лингвистический, подвиг. Представьте учебник физики или инструкцию для мобильного телефона на церковнославянском, чтобы оценить масштаб этой культурной акции.

В настоящее время идиш — язык стариков и предмет усилий молодых энтузиастов, силящихся сохранить живой разговорный и письменный язык предков. Это напоминает усилия ирландских интеллектуалов и националистов сохранить свой Gallic (кельтский язык коренного населения Ирландии) перед лицом тотальной экспансии английского языка.

Африкаанс
Afrikaans

Африкаанс, или, как его прежде называли, бурский язык, может рассматриваться как производный от нидерландского, подобно тому как идиш — производный от немецкого. Хотя в Европе на африкаанс не говорят, его можно включить в число европейских по происхождению.

На африкаанс говорят приблизительно 10 миллионов белых и цветных жителей Южно-Африканской Республики и прилегающих стран. Африкаанс — изначально язык белых колонистов, выходцев в основном из Голландии, переселившихся в Южную Африку, которые называли себя бурами от голландского слова *boer* [бу: р] — «крестьянин». Буры сложились в своеобразную нацию, утвердившую свою идентичность в серии войн с Великобританией в конце XIX — начале XX века. Бурам тогда сочувствовало все либеральное человечество. Русская интеллигенция также сильно переживала за ведущих неравную борьбу с могучей Великобританией буров. Война была ими проиграна, но появился новый народ, хотя и не имевший своей государственности.

Бурский язык — самый молодой среди германских языков. Гордые, упрямые и совершенно «неполиткорректные» буры (не хочется даже вспоминать, как они обходились с местным черным населением) были в большинстве своем неграмотными, и литературный язык оформился лишь к началу XX века, когда он уже довольно далеко отошел от материнского, нидерландского, языка, именно отсутствие литературной нормы и способствовало быстрому языковому дрейфу. Государственным он стал только с 1925 года, до этого был английский.

Африкаанс, возможно, в результате того, что долгое время существовал лишь в качестве разговорного, претерпел значительное упрощение морфологии, лишившись напрочь всех личных глагольных и падежных окончаний, превзойдя в этом даже английский, в котором все-таки что-то еще осталось (*I take — he takes*, а также родительный падеж у существительных). Таким образом, африкаанс на сей день — самый аналитический из всех европейских (по происхождению) языков.

Из африкаанс в другие языки, в том числе и русский, пришло слово апартеид (*apartheid*) — дословно «раздельность», способ решения проблемы расового и/или национального сосуществования, при котором представители разных рас

(национальностей), проживая на одной территории, практически не взаимодействуют друг с другом. Такой способ раздельного сосуществования народов реально практиковался, да и сейчас практикуется во многих странах мира. Южная Африка просто была единственным государством, которое проводило в жизнь этот принцип открыто и последовательно, за что подвергалась политическому и экономическому бойкоту со стороны как демократических, так и социалистических стран — редчайший случай во времена холодной войны.

Апартеид как основа государственного устройства, включенная в конституцию Южно-Африканской Республики, был отменен только в 1990 году.

Другое слово, вошедшее в мировые языки, — *trekking* (пришло к нам из английского как *трекинг*) первоначально обозначало миграцию буров по саваннам и полупустыням вместе со стадами скота, а ныне это форма туризма, то, что в советские времена называлось попросту пешим туризмом.

Северогерманские языки

Вильям Похлёбкин, по книгам которого несколько поколений учились правильно варить щи и кашу, будучи специалистом по скандинавской истории, приводит в одной из своих книг шуточный мысленный эксперимент: как бы ответили представители разных национальностей на вопрос «Из чего состоит человек?».

Результаты таковы:

Англичанин: из туловища, головы и четырех конечностей.

Немец: из воды, белков, жиров и углеводов.

Француз: из разума и чувств.

Скандинав: из кожи, крови, мяса, шерсти и костей.

В грозно конкретном ответе скандинава чудится что-то очень древнее, едва ли не доисторическое.

Вклад северогерманских, или скандинавских, народов (датчане традиционно также причисляются к ним) в европейские дела приходится на две эпохи: раннее Средневековье и с XVII до начала XVIII века — военное возвышение Швеции. До XI века жители Дании и всей Скандинавии говорили практически на одном языке, затем началось расхождение.

В средневековой Европе скандинавов (точнее, их бродячую часть, которым не сиделось дома) называли викингами (на Руси — варягами). Пользуясь политическим хаосом, наступившим после развала Римской империи, и отсутствием сильных государств, они плавали вдоль побережья всей Европы, в том числе и средиземноморского, занимаясь торговлей и грабежом, а иногда даже основывали свои колонии-государства на захваченных землях. Кроме того, их экспансия шла и на юго-восток, вплоть до Нижней Волги и Константинополя, и на северо-запад, через море-океан до Исландии и далее до нынешней Канады, где они также основали поселения, правда, до последующего систематического освоения Америки дело не дошло. В то время языки датчан и скандинавов еще не разделились и фактически представляли собой единый язык, пользовавшийся своеобразной письменностью, так называемым руническим письмом.

Дания играла самостоятельную роль в средневековой Северной Европе, одно время даже владела Англией.

Исторические последствия «эпохи викингов», VIII–XI веков, значительны почти для всех стран Европы, но особенно для России и Англии. Многие историки считают, что варяги впрямую или, по крайней мере, косвенно причастны к созданию русской

государственности, да и само название Русь, по всей видимости, имеет скандинавское происхождение. А с Англией было так. Сначала викинги, или, как их еще называли в Европе, норманны, завоевали северо-западную часть нынешней Франции — Нормандию, где они восприняли более высокую местную культуру и местный, старофранцузский, язык. Затем, усилившись, завоевали всю Англию, — то, что уже было до них завоевано их близкими родственниками, племенами англов, саксов и ютов (говоривших на западногерманских языках). Норманны положили начало норманнской династии, объединив слабые и разобщенные германские королевства и сделав старофранцузский язык государственным на несколько столетий.

Вторая эпоха скандинавского могущества началась с неожиданного возвышения Шведского королевства в XVII веке. Благодаря лучшей для того времени военной организации и армии королевство вело успешные захватнические войны по всей Северной и Восточной Европе. Разорили Польшу, захватили Финляндию (шведский до сих пор — один из двух государственных языков этой страны), закрепились почти по всему побережью Балтийского моря, которое в дерзости своей хотели превратить во «внутреннее шведское озеро» — вот так красиво выражались тогдашние геополитики. Завоевания сохранить не удалось, появился сильный соперник — Российская империя, модернизированная при Петре Великом. В серии войн от Нарвы до Полтавы (вот куда добрались шведские пехотинцы!) и позже Швеция утратила все свои завоевания, что можно было констатировать уже в начале XIX века.

После этого шведы затихли и по сию пору занимаются совершенствованием бытовых и социальных условий жизни на своем благословенном полуострове. Их даже не особенно огорчила потеря северной части своей страны, которая в начале XX века стала независимым Норвежским королевством.

Шведский язык
Svenska

На шведском языке говорят около 9 миллионов человек в Швеции и в Южной и Западной Финляндии. Лексическое влияние на другие европейские языки в современную эпоху незначительно. Даже воевать ни с кем уже 200 лет не хотят. Влияние шведской литературы было существенно в период ее расцвета в конце XIX — начале XX века.

Одна из букв шведского алфавита, заглавная Å (обозначает звук, близкий к русскому [о]), прижилась в физике микромира как обозначение меры длины, введенной шведским физиком Ангстремом. По-шведски *Ångström* [о́нгстрём]. Ангстрем — это одна десятая нанометра, или одна десятимиллиардная метра. Единица удобна своей «наглядностью», так как приблизительно равна диаметру атома водорода, то есть самого маленького из возможных атомов. В том, что физики пользуются этой неудобной буквой, как мне кажется, отразилось признание огромного, непропорционального численности народа вклада шведов в мировую науку, в основном в естествознание. Учебники физики, химии, биологии пестрят шведскими фамилиями.

Шведский язык, как, впрочем, и норвежский, имеет сложное ударение, включающее помимо силового и тонический компонент, придающий речи мелодичность. Это создает немалые трудности для иностранцев при овладении шведским языком.

Норвежский язык
Norsk

Норвегия отделилась от Швеции (это было союзное государство — уния) только в 1905 году. В конце XIX — начале XX века норвежцы пережили период чрезвычайно продуктивного национального подъема. Силы нации бывших культурных задворок Европы при этом ушли не в военное строительство, а в искусство, музыку, литературное творчество, полярные исследования. Большинство всемирно известных норвежцев из той поры были заняты в этих областях деятельности. На норвежском сейчас говорят около 5 миллионов человек.

Почти до середины XIX века в качестве литературного языка в Норвегии использовался датский. Зато теперь эта страна имеет целых два литературных языка — *bokmål* [букмол] и *nynorsk* [нюношк], буквосочетание *rs*, как ни странно, передает звук [ш]. Попробуем, зная контекст, перевести эти слова на русский. Предположим, что первое содержит два компонента: *bok* сравним с английским *book* — «книга», а *mål* напоминает русское *молва* и украинское *мова* — «язык, речь». Получается, что *bokmål* — это «книжный язык». В конце концов, мы все индоевропейцы, и даже в далеких друг от друга языках можно найти лексические параллели. Ну а с *nynorsk* дело еще проще: *ny, new, neu, новый*, стало быть, — «новонорвежский».

Существование двух литературных языков — явление, по-видимому, уникальное. Возможно, в свое время не смогли решить, какой группе диалектов отдать предпочтение для кодификации ее в виде литературного языка, и создали два, чтобы никому не было обидно. На обоих языках выходят газеты, книги, вещает радио. Чудно́!

Интересно: несмотря на то, что в русском языке практически нет заимствований из норвежского (только, наверное, *фьорд* и *акула*), с конца XVIII до 20-х годов XX века, когда велась интенсивная торговля между Норвегией и русским Поморьем, существовал смешанный язык (вспомним: такие языки называются пиджинами) руссонорск, на котором общались купцы и моряки обеих стран. Конечно, о смысле жизни на нем поговорить было невозможно, но для практических надобностей его хватало. Это было что-то вроде суржика (смеси русского с украинским) или трасянки (смеси русского с белорусским), но только между гораздо более далекими языками.

Датский язык
Dansk

Датчане единственные из потомков викингов, кто сохранил свои заморские колонии: архипелаг Фареры и изрядный остров Гренландия, который некоторые географы считают материком. Хотя Гренландию датчане колонизировали в XVIII веке, их предки, викинги, имели свои поселения там еще в раннем Средневековье.

Датский язык, на котором говорят около 6 миллионов человек, в том числе фарерцы и некоторое количество эскимосов, чемпион среди северогерманских языков по сложности звукового строя и невнятности произношения. Одних гласных звуков — 26! Шведы и особенно норвежцы могут разбирать датские тексты, но с большим трудом воспринимают устную речь.

Датских заимствований в русском языке практически нет, но мы нечувствительным образом связаны с этим народом тем, что составитель первого толкового словаря русского языка Владимир Даль (Dahl) был датчанином по происхождению.

Исландский язык
Islenska

Самый архаичный из германских языков, и вообще язык с уникальной во многих отношениях судьбой. Всего лишь чуть более 300 тысяч человек говорят на этом языке, но интерес к нему языковедов-германистов огромный, ведь Исландия — это настоящий лингвистический заповедник, в котором сохранился один из германских языков древней поры. Длительная изоляция, в которой существовало население, и точная генеалогия жителей (почти все знают своих предков на столетия назад) дают также уникальные возможности для проведения исследований по генетике человека.

Знаменитые исландские саги представляют собой, по сути, хронологию всех семей (а их никогда не было много), живших на этом острове с момента его освоения викингами. Раннее распространение всеобщей грамотности и эффективный учет населения позволяют практически любому исландцу проследить свою генеалогию вплоть до времен Эйрика Рыжего. Где еще на Земле это возможно!?

Во многих странах существуют общественные движения пуристов (от латинского *puris* — «чистый», сравните с английским *pure*), выступающих за чистоту национального языка и/или против иноязычных заимствований. Однако практически все языки, вопреки увещеваниям пуристов, активно заимствуют чужие слова, особенно для обозначения каких-то новых общественных явлений, научно-технических и прочих новшеств, причем даже ленятся их калькировать и предпочитают прямое заимствование. И только в Исландии мечта пуристов сбылась.

Если попытки русских борцов за чистоту родного языка говорить «мокроступы» вместо «калоши» и «шарокат» вместо «бильярд», воспринимались большинством носителей русского языка как чудачество, то в Исландии пуризм — это без преувеличения национальная идея аж с XVIII века. Ни 500-летнее датское владычество (Исландия обрела независимость лишь в 1918 году), ни англо-американская оккупация во время Второй мировой войны не оставили никаких следов в исландском языке. Поистине уникальное явление! Это при том, что изучение датского и английского языков в школе обязательно.

Как же исландцы именуют автомобиль, телевизор и прочие компьютеры? Профессиональные лингвисты изобретают новые слова на основе словообразовательных элементов родного. При

этом часто используют слова, вышедшие из употребления, даря им новую жизнь. Или идут по пути калькирования.

Посмотрим, как бы это выглядело, если бы происходило в русском языке. Появилось бы что-то вроде «погодоведения» вместо «метеорологии» или «ветрословие» — это уже прямая калька с «метеорологии». «Числоволхв» (это дословная калька с исландского) вместо «компьютера», да и те же «мокроступы» с «шарокатом», чем баловались русские славянофилы, боровшиеся за чистоту родного языка. Ведь и самолет когда-то именовался «аэропланом», но восторжествовало придуманное слово из русских корней. Очень важное обстоятельство, что вышедшие из употребления слова вроде русского «волхв» таким образом могли бы избежать полного вымирания — корневое богатство языка сохранялось бы. Честное слово, хотелось бы чего-нибудь подобного на русской почве!

Фарерский язык
Føroskt

На фарерском говорят жители Фарерских островов (архипелаг к северу от Британии). Их всего 50 000. Язык похож на старонорвежский, а его носители являются подданными датской короны. Как и исландский, он представляет особый интерес для специалистов по истории развития германских языков.

Балтийские языки

Довольно большая группа языков, на которых говорят многие народы Восточной, Южной и части Центральной Европы, — балто-славянские языки. Лингвисты выделяют две подгруппы, что уже видно из названия: языки славянские и их ближайшие родственники — балтийские. Из ныне существующих к последним относятся всего лишь два языка: литовский и латышский. Их соседи эстонцы, связанные с латышами и литовцами во многом общей исторической судьбой, говорят на языке, который вообще не имеет отношения к индоевропейским языкам.

Балтийские языки из-за того, что долгое время существовали почти исключительно в разговорной форме (литературные варианты сложились довольно поздно) и существовали на периферии европейской цивилизации, сохранили многие архаические черты. Некоторые языковеды считают их наиболее близкими (особенно литовский и вымерший прусский) к гипотетическому индоевропейскому праязыку (или протоиндоевропейскому языку), с которого пошло развитие всей индоевропейской семьи языков. Это обстоятельство вызывает к ним пристальный интерес специалистов по сравнительному языкознанию, несмотря на скромный вклад этих языков в мировую культуру.

Различие славянской и балтийской группы языков значительно, что говорит о том, что разошлись они довольно давно. Однако русскому освоить литовский язык несравненно легче, чем, скажем английский.

Славянская подгруппа гораздо более многочисленна и влиятельна. Исторически славянские языки разошлись позже, чем германские, поэтому лексически и грамматически славянские языки сохранили большее сходство между собой. Можно сказать, что русскому гораздо легче понять поляка или серба, не зная их языков, чем немцу в аналогичной ситуации норвежца или датчанина.

В настоящее время принято выделять три подгруппы славянских языков, каждая из которых связана значительным лексическим и грамматическим сходством: восточные (русский, украинский, белорусский), западные (чешский, польский, словацкий) и южные (болгарский, сербскохорватский, словенский, иногда самостоятельным языком считают македонский). Я перечислил только те языки, которые в настоящий момент имеют статус государственных. Есть еще

несколько, имеющих статус языков национальных меньшинств, как лужицкий (сорбский) в Германии или кашубский в Польше, оба относятся к западнославянской подгруппе. На территории бывшей Югославии последние два десятилетия по мере дальнейшего государственного дробления возникают все новые «самопровозглашенные» языки. Это, впрочем, чисто политический процесс, к лингвистике и реальной языковой ситуации отношения не имеющий.

Почти все славянские языки синтетические, то есть отношения между словами выражаются главным образом окончаниями слов, падежными — при склонении существительных и прилагательных и личными — при спряжении глаголов. Интересно, что предлоги, которые при такой организации языка во многих случаях не нужны, обычно наличествуют, что создает дополнительные трудности для иностранцев, изучающих славянские языки. Исключением из общей тенденции синтетичности является болгарский язык, который в немалой степени сдвинулся в сторону аналитичности: отмирают многие падежи (вот теперь предлоги жизненно необходимы!), даже появились артикли, которые, как и в румынском, прикрепляются к слову сзади.

Среди русских, съездивших пару раз в турпоездки в славянские страны, распространено убеждение, что русскому человеку другие славянские языки понятны, дескать, у нас *вода́*, а у них *во́да* — все понятно. Особенно умиляет всеобщность слова *пиво*. Однако относительная взаимопонятность существует лишь внутри подгрупп — восточно-, западно— и южнославянских языков. Разные исторические судьбы, разные религии (православие, католицизм и даже ислам, который исповедуют многие боснийцы) далеко развели славянские народы и их языки. Изучение любого славянского языка требует не меньшего прилежания и систематичности, чем освоение какого-нибудь романо-германского языка, хотя дело, конечно, будет идти быстрее и легче.

В заключение несколько слов об истории международной политики. С тех пор как Российская империя весьма возвысилась после наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 года, установившего новый европейский политический порядок, во многих славянских странах, входивших в состав Австро-Венгерской и Османской империй, появилось политическое течение, имеющее наднациональный характер. Речь идет о панславизме (всеславянстве), идее якобы существующего родства политических интересов всех славянских народов. В перспективе дело должно было завершиться созданием конфедерации

славянских народов от Адриатики до Тихого океана, а по сути, вхождением стран, стенавших под турецким и австро-венгерским игом, в состав Российской империи.

Однако по мере обретения этими народами государственной независимости (особенно интенсивно этот процесс шел после окончания Первой мировой войны) панславистские настроения угасали. Так называемый социалистический лагерь был в какой-то мере запоздалой и во многом насильственной попыткой реализации этой идеи, впрочем, в группу зависимых от Советского Союза входили не только славянские страны. После распада СССР и социалистической системы идея панславизма окончательно умерла.

В далеком прошлом существовала довольно многочисленная группа языков, объединяемая со славянскими в балто-славянскую языковую группу. Историческая судьба прибалтийских народов определялась соседством с мощными государствами: Россией с востока, а Польшей и Пруссией с запада. Любопытно, что само название восточного форпоста германских земель Пруссия было взято от балтийского народа пруссов, которых немцы, благочестиво обращая в христианство, частично истребили, а частично ассимилировали, то есть включили в свой этнос. Усилиями лингвистов прусский язык в XX веке был во многом реконструирован. Современное сравнительное языкознание уже способно производить такие вещи.

В настоящее время существует два балтийских языка: латышский и литовский (эстонский никакого отношения к балтийской языковой группе не имеет), оба имеют статус государственных языков. Интересно, что Великое княжество Литовское, владевшее огромными землями в Восточной Европе (граница с Московией проходила у Можайска — 120 километров от современной Москвы), не имело литовский в качестве государственного языка — таковым был русский, или, если угодно, белорусский. Правда, этот в некоторой мере условный язык изобиловал литовскими заимствованиями.

Несмотря на близость литовского и латышского языков, культура и ментальность этих народов весьма различны. Литва находилась под польским культурным влиянием, даже уже будучи в составе Российской империи, а Латвия (как и Эстония) и до вхождения в состав Российской империи, и после вхождения испытывала сильное немецкое влияние. Различны и религии этих народов: Литва почти сплошь католическая страна, а в Латвии большинство населения исповедует лютеранство.

Литовский язык
Lietuvių kalba

Литва в период своей великой эпохи, Великого княжества Литовского, испытывала огромное культурное влияние своего более развитого соседа — Польши, с которым образовала единое государство. Вообще это Великое княжество было странным государственным образованием. Во всяком случае литовцы — титульная нация — не играли (кроме, конечно, высшей знати) важной роли в жизни этой вроде бы империи, существование которой, однако, мало способствовало развитию национальной культуры собственно литовцев. Литературный литовский язык начал складываться только с конца XVIII века, когда литовские земли уже входили в Российскую империю.

Мы уже говорили, что литовский язык сохранил многие лексические и грамматические особенности, свойственные, как считается, протоиндоевропейскому языку. Это результат пребывания литовского языка на протяжении многих столетий в относительной изоляции от общеевропейского культурного процесса. Он не являлся государственным языком и лишь отчасти был бытовым языком части знати. Сохранению архаических черт способствовала и поздняя христианизация. Литовцы едва ли не последними в Европе (в начале XV века) присоединились к семье христианских народов.

К началу XX века существовал уже развитый литературный язык, что обычно является показателем готовности нации к образованию независимого государства, что и произошло в 1918 году. Правда, Литва тогда была совсем маленькая, а столицей был Каунас, так как Вильнюс входил в состав тогдашней Польши. Это уже в результате перекройки географической карты Европы после Второй мировой войны в состав Литовской ССР вошли так называемый Меммельский край за счет Германии (теперь земли вокруг Клайпеды) и Вильненский край за счет Польши с нынешней столицей Вильнюс (*Vilnius*), в котором ранее литовского населения почти не было, а назывался город по-русски и по-польски Вильно (*Wilno*). В Европе нет другого государства кроме, может быть, Польши (получившей из рук Сталина после Второй мировой войны изрядный кусок Германии), которое в случае чего будет так крепко стоять за нерушимость послевоенных границ.

На литовском говорят сейчас около 3 миллионов человек. Обучиться этому языку для русского не слишком трудная задача

— труднее, чем, например, польскому, но родство языков, хоть и дальнее, помогает. К тому же орфография построена логично, что, кстати, вообще характерно для языков с поздно сложившейся письменной традицией, таких, в частности, как белорусский или сербскохорватский. Ведь в этих случаях правописание складывается не в результате длительного исторического развития, во многом случайного и нелогичного, а трудами профессионалов-языковедов, просветителей.

Литовский — язык синтетического строя, с падежами и личными окончаниями глаголов. В лексике много славянизмов, в основном из польского языка.

Современный литовский успешно противостоит англицизмам. Вместо них вводятся литовские неологизмы и не только путем калькирования английских слов, но и изобретаются вполне оригинальные языковые придумки. Подобным образом поступают также исландцы, финны и израильтяне, правда, компьютер он и в Литве compiuteris, но не в Исландии.

Литва — первая советская республика, вышедшая из состава СССР. Недаром и после войны сопротивление советской власти в Литве продолжалось дольше, чем в других присоединенных землях.

Литовское ударение имеет довольно сильный тонический компонент, и это, видимо, самый трудноустранимый элемент их языкового акцента. Литовцы, десятилетиями живущие в России, говоря по-русски, продолжают припевать на ударных гласных, если, конечно, они не были билингвальными (двуязычными) с детства. Впрочем, литовский акцент для русского уха именно поэтому приятен.

Латышский язык
Latviešu valoda

Прилагательное *латвийский* имеет отношение к государству Латвия: *латвийская граница, латвийский флаг, латвийская столица*, а прилагательное латышский относится к латышам, латышскому народу: *латышская литература, латышский характер, латышский язык*. Подобно этому существуют пары: *российский* (к государству) и *русский* (к народу), *германский* (к государству) и *немецкий* (к народу), *петербургский* (к городу) и *петербуржский* (к петербуржцам, жителям Петербурга). Слова в последней паре нещадно путают даже высокообразованные журналисты.

В отличие от соседней Литвы Латвия не имела своей государственности ни в какой форме до 1918 года, до развала Российской империи. Несмотря на близкое языковое родство с литовцами, исторически сложившаяся ментальность латышей довольно далека от них. Культура католической Литвы складывалась в основном под польским влиянием. В Латвии историческая ситуация была совершенно другая и во многом сходна с соседней Эстонией. С XIII века эти территории были зоной германского влияния, в частности Ливонского ордена. Немцами же была основана Рига (1201 год), город, в котором до XIX века редко можно было встретить латыша. Помещиками уже под российской короной оставались так называемые остзейские (балтийские) бароны — почти сплошь немцы, исправно поставлявшие господ офицеров императорскому флоту и армии.

Большинство латышей, как, впрочем, и эстонцев восприняли от немцев лютеранство, что также отделило их ментально от литовцев. Немцы покинули Латвию в 1940 году в процессе репатриации в рейх, правда, ненадолго вернувшись после этого в виде оккупационной армии.

Латышское культурное возрождение XIX века создало литературный язык и национальную идентичность. Ныне по-латышски говорят чуть более 2 миллионов человек. Орфография разумна, идентификация звуков, обозначаемых буквами с диакритическими знаками, как правило, не представляет затруднения.

Латышский язык имеет фиксированное ударение — всегда на первом слоге. Само ударение сложное — силовое с тоническим компонентом. Как и большинство балто-славянских языков латышский язык имеет падежи и личные окончания глаголов.

Овладение бытовым латышским для русского не представляет большого труда. Существенные трудности для тех, кто хочет избавиться от русского акцента, — это тонический компонент ударения и продолжительность произнесения гласных (долгота или краткость), которая может иметь смыслоразличи-тельное значение. Русским трудно избавиться от манеры растягивать ударный слог. Долгота гласных на письме, в отличие от чешского или венгерского, обозначается чертой над соответствующей гласной — это редкий в европейских языках диакритический знак.

Западнославянские языки

К этой группе относятся три крупных языка, имеющих статус государственных: польский, чешский и словацкий, а также два вымирающих под «игом» немецкого культурного влияния: верхнелужицкий и нижнелужицкий, на которых до сих пор говорит (главным образом в быту) некоторое количество жителей германской федеральной земли Саксонии и соседних земель. Как известно, значительная часть населения Восточной Германии — это ассимилированные славяне, и лужичане, или лужицкие сербы (немцы называли их вендами, сейчас зовут зорбами или сорбами) — остатки славянского населения, частично сохранившие свою культурную идентичность. Впрочем, культурное влияние лужицких языков всегда было невелико. Наглядно его можно видеть в топонимике восточной части современной Германии, в которой угадываются славянские корни: Любек, Дрезден, Лейпциг, Бранденбург (Бранибор). Далее речь пойдет только о старших собратьях лужичан — поляках, чехах и словаках.

В западнославянских языках семь падежей. Седьмой падеж — звательный, употребляющийся при обращении. В русском языке он практически вышел из употребления, сохранившись только для нескольких слов, как правило, религиозной тематики: *Господи* (звательный падеж) от *Господь* (именительный), *отче* от *отец*, *Боже* от *Бог* и некоторые другие.

Для этой группы языков характерно также фиксированное ударение: в чешском и словацком всегда на первом слоге, а в польском — на предпоследнем и только изредка на третьем от конца.

Польский язык
Język polski

Польша — одно из самых старых государств Европы с чрезвычайно извилистой исторической судьбой. Была у поляков и великая эпоха: XVI–XVII века. Rzeczpospolita [жэчпоспо́лита] (калька с латыни: *res publica* — «общее дело») того времени простирала свою политическую власть и культурное влияние *od morza do morza* [од можа до можа], то есть от Балтики до Черного моря. Полностью страна называлась в переводе на современный русский: Республика Обоих Народов. Имелся в виду союз с Великим княжеством Литовским. В русской традиции это государство принято называть Речь Посполитая. Любопытно, что в польском языке есть слово *republika* [рэпу́блика] для обозначения всех республик, кроме польской — самой первой и самой дорогой, которая ныне именуется Rzeczpospolita Polska [жэчпоспо́лита по́льска] — Польская Республика.

В то время Польша была одним из главных соперников Российского государства, а польский язык оказал значительное влияние на русский; бояре читали польские книги, польский язык для образованных русских XVII века был тем же, чем для них станет французский в XVIII веке. На это обстоятельство не повлияли даже антипольские настроения начала XVII века — Смутного времени. Много было заимствовано слов, либо польских, либо из других европейских языков через посредство польского языка. Заимствование изначально латинских, французских и немецких слов шло легко, так как они уже прошли фонетическую обработку в родственном славянском языке.

Дворянское сословие в Польше (шляхта) было самым многочисленным в Европе в процентном отношении к общей численности населения страны. В некоторые времена численность этого сословия доходила до 30 процентов! Совершенно невозможная в других странах цифра. Кстати, само польское слово *szlachta* [шля́хта] немецкого происхождения — от слова *Geschlecht* [гэшле́хьт] — «род». Многие дворяне вовсе не имели крепостных, сами пахали землю, выращивали съедобные растения, разводили скот, но по вечерам многие даже читали книги на латинском языке. В результате широкого распространения латыни, на которой часто велась переписка, современный польский язык имеет огромное количество латинских заимствований, которые из письменной речи проникли в разговорную и воспринимаются как вполне родные слова.

Шляхетская (дворянская) идеология «золотого века» Речи Посполитой была отмечена некоторыми чудачествами. Так, в XVI веке далекие предшественники академика Фоменко широко распространили убеждение, что польскую шляхту составляют потомки древнего кочевого народа сарматов, в отличие от холопов — славян и литовцев. Таким образом, социальные различия идеологически закреплялись национальными. Об этих сарматах мало что известно, но античные историки приписывали им исключительную воинскую доблесть, что льстило польской шляхте. Отсюда и ее любовь к восточной, якобы сарматской, традиции в одежде, что повлияло и на русскую моду того времени. Ну, чем не игра в эльфов? В искусствоведении есть даже специальный термин «сарматский портрет»: на этих парсунах изображались гордые шляхтичи в якобы сарматском одеянии.

Государственное устройство Речи Посполитой (напомню, что это прямая калька с латинского слова *республика*) оказалось уникальным в Европе того времени, для которого характерной являлась абсолютная монархия.

В Польше же король выбирался шляхтой, то есть был своего рода президентом дворянской республики. Элементы республиканского устройства явно опережали время и уровень экономического и социального развития Польши (это не Нидерланды с ее многочисленной и влиятельной буржуазией), и дворянская вольница в конце концов привела к упадку это могучее государство.

Польский народ 200 лет существовал в состоянии «розборов» (термин польской историографии, обозначающий период раздела польской территории) между тремя коронами: российской, австро-венгерской и прусской. В дальнейшем прусская часть Польши автоматически вошла в состав объединенной Германии, или Второго рейха. За 200 лет разнообразных иноземных владычеств поляки прекрасно изучили и научились ненавидеть своих поработителей и выработали величайшую, можно даже сказать утонченную культуру сопротивления. Свидетельством эффективности их сопротивления стал факт сохранения ими и высокого уровня развития единого польского литературного и разговорного языка, несмотря на политику русификации и, соответственно, германизации, проводимой властями. С конца XIX века польская литература приобрела мировое значение — редкий случай для страны, не только не имеющей государственности, но и разделенной между разными странами.

Характерно, что в пределах Российской империи польский язык сохранял свое культурное влияние в землях, входивших ранее в состав Речи Посполитой. Это Литва, западные и даже

часть центральных районов современных Украины и Белоруссии. Во многом это было вызвано тем, что поляки составляли большинство среди крупных землевладельцев в этих землях. Польский язык оказал огромное влияние на языки народов, их населявших. Одно из преимуществ, которое получает русскоязычный человек, изучивший польский, помимо лучшего понимания родного языка, — это способность понимать украинские и белорусские тексты. Такой вот бонус — два языка в придачу. В украинском и белорусском языках подавляющее большинство слов таковы: что не понятно владеющему русским языком, может быть понято с помощью польского.

После короткого периода независимости между мировыми войнами Польша вновь попала сначала под германскую оккупацию, а затем более 40 лет была политически зависима от Советского Союза. Культура сопротивления достигла нового уровня развития — политического, что стало одним из главных факторов, предопределивших падение просоветских режимов в Восточной Европе. Польша была единственной социалистической страной, где существовало массовое и хорошо организованное рабочее движение, сыгравшее не последнюю роль в крушении социалистической системы в Восточной Европе.

Поразительно, но через 300 лет после периода интенсивного влияния на русскую культуру Польша вновь становится на короткое время «окном в Европу» для России. Дело в том, что в Польше существовала едва ли не самая мягкая цензура в так называемом «социалистическом лагере» — было такое политико-поэтическое выражение. Издавалось многое из того, что было немыслимо в СССР и других странах восточного блока, в том числе многочисленные переводы западной литературы. Эти книги можно было свободно купить в крупных городах Союза, равно как и иллюстрированные журналы, которые по своей развлекательности слегка напоминали западные. Существовала также сильная польская кинематография и эстрада с собственным, оригинальным джазом. В обстановке информационного голода среди советской интеллигенции стало модным знать польский язык, по крайней мере читать на нем. Это продолжалось вплоть до введения в Польше военного положения (1981 год), когда, естественно, статусные преимущества знания польского языка стали исчезать, что продолжалось до окончательного развала социалистической системы.

Польский язык очень смел в обхождении с заимствованными словами и мгновенно приспосабливает их к своей фонетике и грамматике, в этой манере он похож на испанский. Так, мы уже не одну сотню лет не можем разобраться со словом *кофе* —

какого оно рода (мужского, потому, что это напиток, или среднего, потому, что кончается на *е*), да как его склонять или не склонять вовсе. Поляки с *кофе* разделались как повар с картошкой, превратив его в *каву* (*kawa*), вполне по-славянски выглядящее слово, естественно склоняющееся по всем семи польским падежам. Или же мы принуждаем себя выговаривать фонетически чуждое русскому языку название города Нью-Йорка. По-польски это просто Новый Йорк (*Nowy Jork*), так же как *Newfoundland* у них не Ньюфаундленд, а *Nowa Faundlandia*.

Характерная особенность польского языка — множество архаичных черт, которые были свойственны ранее и другим славянским языкам, в том числе и русскому. Вот некоторые из них:

Наличие носовых гласных [о(н)] и [э(н)], которые в русском языке тоже существовали, но вымерли лет 500 назад (обозначались в русской письменности специальными буквами «юс большой» и «юс малый»).

Манера отождествлять названия стран и народов. Германия по-польски *Niemcy* [не́мцы], Венгрия *Węgry* [вэ́(н) гры]. Впрочем, это касается только нескольких стран, как правило, ближайших соседей. Сравните с древнерусским названием торгового пути «из варяг в греки», то есть из страны Варяги в страну Греки. В польской орфографии принято писать названия национальностей с большой буквы. Таким образом, слово *Niemcy* в зависимости от контекста может обозначать и Германию, и немцев.

Существование у глаголов (в прошедшем времени), а также у прилагательных и местоимений (во множественном числе) двух форм: лично-мужских и вещно-женских. Пример: *oni* [они] — речь идет о мужчинах или группе лиц, в которой есть хотя бы один мужчина, и *one* [онэ] — имеются в виду женщины или неодушевленные объекты. Такое было когда-то и в русском языке. Пережитки сохранялись еще в XIX веке, например, в известном стихотворении Пушкина: «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной: напоминают мне оне (то есть песни) другую жизнь и берег дальный». Красавицы были бы тоже оне.

Читаем по-польски

Польская письменность вполне регулярна, то есть, зная правила чтения, можно прочесть любое слово, а исключения из правил практически отсутствуют. Однако орфография довольно сложна и требует немалого времени для изучения, поэтому мы остановимся лишь на некоторых ее моментах.

Ударение силовое, как в русском, фиксировано на предпоследнем слоге, исключения немногочисленны. Однако ударение менее сильное, поэтому безударные слоги подвергаются меньшей редукции, чем в русском языке. Характерный признак польского акцента как, впрочем, и многих других: говоря по-русски, поляки отчетливо произносят безударные гласные. В отличие от близких языков, чешского и словацкого, польский подобно русскому игнорирует долготу произносимого гласного, то есть эта фонетическая характеристика не является смыслоразличительной.

Гласных звуков побольше, чем в русском, так как сохранились носовые гласные [о(н)] и [э(н)] (как во французском). Их соответственно обозначают буквы *a* и *e* с диакритическими знаками, похожими на лапки: *ą* и *ę*.

К сожалению, произношение этих гласных не всегда одинаково — оно определяется тем, какая согласная за ними следует. Возможны четыре варианта произношения, так что с наскоку чтение этих букв не освоишь. Польская фонетика вообще довольно сложна, поэтому и орфографию нам удастся пока освоить только в общих чертах.

Гласные без диакритических знаков читаются как в латыни, кроме y, которая точно соответствует русскому [ы]: *mysz* [мыш] — «мышь», кстати, по-польски мужского рода. Перед буквой *i* согласные всегда произносятся мягко, так что она часто обозначает не звук, а мягкость предыдущего согласного, если после *i* идет еще одна гласная, например, *miasto* [място] — «город». Йотированность гласных в начале слога обозначается буквой *j*, *jajo*, *jajko* [я́ё, я́йко] — «яйцо».

Есть еще одна необычная буква — *o* с акутом: *ó*, которая, как и *u*, обозначает звук [у], но «для нашего удобства» только в тех словах, где в соответствующих русских встречается *о*: *góra* [гура] — «гора»; *sól* [суль] — «соль». Такая же закономерность прослеживается в паре *ż* и *rz* — и буква и буквосочетание обозначают звук [ж], но *rz* — в тех случаях, когда в соответствующих русских словах пишется буква *р*: *żuk* [жук]; *rzeka* [жэ́ка] — «река».

В польском языке, как и в русском, работает закон ассимиляции согласных по глухости-звонкости, причем даже в большей степени. Оглушение распространяется не только на предыдущую, но и последующую согласную: *Moskwa* [мо́скфа] — Москва; *kwiat* [кфят] — «цветок». Приставки, соответствующие русским *при-, пре-, пере-, пред-,* произносятся *przy-* [пши], *prze-* [пшэ], *przed* [пшэт], так как звук [ж] оглушается после глухого звука [п]. Слов с такими приставками в польском языке огромное

количество, так же как и в русском. Добавьте к этому и соответствующие этим приставкам предлоги. Отсюда и ходячее представление о «пшикающей» польской речи.

По какому-то историческому недоразумению в русской практической транскрипции польских слов *rz* передается независимо от его положения в слове как *рж* (есть, кстати, такой звук и соответствующая ему буква в чешском языке). Так, в русской транскрипции появляются труднопроизносимые фамилии вроде *Пржевальский*. По-польски фамилия знаменитого исследователя Центральной Азии произносится легко: *Przewalski* [пшева́льски].

Буквосочетание *cz* — очень твердое [ч]: *czapka* [ча́пка] — «шапка».

Буквосочетание *sz* — как русское [ш]: *czaszka* [ча́шка] — не «чашка», которая по-польски *filiżanka* [филижа́нка], а «череп». Это чтобы вы не думали, что понимаете все польские слова.

Согласные в польском могут быть мягкими и твердыми. Мягкость обозначается двумя способами: либо буквой *i*, следующей за согласным, либо акутом над ним. Исключение касается звуков, обозначаемых буквой *l*. Без диакритического знака — это обычное европейское *l*, то есть средний между русскими звуками [л] и [ль], даже если после него идет *i*. А вот с диакритическим знаком *Ł ł* — это очень твердое [л], которое в современном польском языке имеет тенденцию к превращению в гласный звук, подобный английскому [w] или белорусскому [ў]. Так произносят твердое [л] люди, имеющие соответствующий дефект речи: *уошадь* вместо *лошадь*. Кстати *Ł ł* — редкий в графике случай, когда диакритический знак расположен не под и не над основной буквой, а внедряется в ее середину.

Надо сказать, что из четырех согласных, которые могут быть по-настоящему мягкими, *ź* или *zi*, *ś* или *si*, *ć* или *ci* и *ń* или *ni*, только *ń* соответствует русскому [нь], остальные же при смягчении меняют свое произношение: *ź* — очень мягкое [ж], в русских словах ему соответствует буква *з*; *ś* — очень мягкое [ш], в русских словах ему соответствует буква *с*; *ć* — очень мягкое [ч], в русских словах ему соответствует буква *т*. Примеры: *woń* [вонь] — «запах» (вспомните русское *благовоние*); *przyjaźń* [пшы́яжьнь] — «дружба» (ср. с русским *приязнь*); *źródło* [жьры́дло] — «источник»; *ziemia* [же́мя] — «земля», *ziemniak* [же́мняк] — «картофелина»; *kość* [кошьчь] — «кость»; *siano* [шя́но] — «сено»; *ciastko* [чя́стко] — «пирожное», уменьшительное от *ciasto* [чя́сто] — «тесто».

Чешский язык
Čeština

Чехи — народ, совершивший тихий культурный подвиг. Они восстановили свой литературный язык, после того как он более чем на 200 лет практически вышел из употребления. С 1612 года, со знаменитой битвы при Белой Горе, Чехия попала под полное, то есть не только политическое, но и культурное господство немецкоязычных государств. Почти 200 лет по-чешски практически никто не писал, а говорили только простолюдины. Всякий, кто хотел сделать карьеру, все равно в какой области, вынужденно пользовался немецким, сначала потому, что это государственный язык, а потом и по той простой причине, что чешский безнадежно отстал и говорить, и тем более писать на нем о вещах новых или выходящих за пределы примитивного быта было уже невозможно. Это обычная судьба языков угнетенных народов в случае, если угнетатели превосходят или, по крайней мере, равны им в культурном развитии.

Чешского языка, на котором говорили и писали когда-то подданные одного из старейших государств Европы (а у чехов была великая эпоха — в XIV веке Прага превосходила размерами такие города, как Париж или Лондон), казалось, более не существовало. То, что произошло в середине XIX века с чешским языком, можно сравнить только с возрождением иврита (языка религиозного обеспечения евреев наподобие церковнославянского у православных славян) в Израиле, на котором практически никто не говорил в течение более 2000 лет, и кроме того в нем отсутствовали слова, обеспечивающие обыденную жизнь, науку, технические знания. Подобная ситуация была и с чешским языком к началу XIX века, когда за дело культурного и языкового возрождения взялась националистически, или, если угодно, патриотически настроенная чешская интеллигенция.

В результате языкового возрождения появился новый чешский, обладающий рядом интересных особенностей. Во-первых, язык имеет два варианта — разговорный, для которого тем не менее существуют строгие нормы, и литературный. Различаются они, правда, не слишком сильно. На первом говорят в быту, на втором вещают радио и телевидение, издаются газеты и книги, официальные документы и т. п. Такая языковая ситуация, впрочем, характерна для очень многих стран. В художественной литературе косвенная речь воспроизводится на литературном, а прямая — на разговорном.

Вторая особенность чешского языка — исключительно малое число интернационализмов. Видимо, чешские интеллектуалы стремились создать максимально своеобычный язык. Вот примеры слов, которые практически на всех европейских языках звучат почти одинаково, поскольку произошли от греко-латинского наследия, а по-чешски имеют славянские корни:

Hudba [ху́дба] — «музыка» (ср. *гусли-самогуды* из русских сказок).

Divadlo [ди́вадло] — «театр» (ср. русское *дивиться*).

Vteřina [фтэ́ржина] — калька с латинского слова *секунда*, что значит «вторая» (мера времени).

Аналогичное явление наблюдается в исландском языке и современном иврите — в странах, где язык имеет статус едва ли не государственной идеи.

Придуманных на основе чешских корней, калькированных из интернациональной лексики или реанимированных (то есть возрожденных к обращению в живом языке) слов в чешском много, и это создает некоторые трудности при его изучении — мы-то привыкли при знакомстве с иностранными языками во многом опираться на интернационализмы, а тут вместо секунды какая-то *vteřina* [фтэ́ржина]! Немецкие заимствования, столетиями входившие в язык, однако, остались, и в немалом количестве, но узнать их после глубокой славянской фонетической обработки довольно трудно.

Туристам важно знать числительные, чтобы понимать ответ на вопрос «сколько это стоит?». Так вот, чешские числительные вполне узнаваемы на слух, но в тех, которые обозначают двузначные числа, сохранилась память о немецком влиянии: сначала произносится количество единиц, а потом десятков. Как в немецком *zweiundzwanzig* [цвайунтцва́нцихь] так и в чешском *dvaadvacet* [два́адвацэт] — дословно «два и двадцать». Следует также адекватно реагировать на дорожный знак с надписью «Pozor!», что по-чешски значит «Внимание!», сравните с старорусским словом *зрить* — «смотреть».

Многие чешские слова и имена собственные производят комическое впечатление на их славянских соседей, особенно поляков. Это обычное дело в парах близких языков. Чего только стоит имя и фамилия знаменитого чешского хоккеиста: František Pospíšil [фра́нтишэк по́спи: шил], и что может быть лучше для нападающего в хоккее. Или известный чешский поэт, и тоже František — Nechvâtal [нэ́хва: тал].

Чешскому национальному характеру принято приписывать особую мягкость как отсутствие свирепости во мнениях и действиях (читайте Чапека!). Не могу отказать себе в

удовольствии процитировать Александра Гениса: «Даже социализм у них был с человеческим лицом. Даже особая пражская казнь, со Средних веков до XX века, домашняя, вроде уборки квартиры: дефенестрация, выбрасывание из окна».

Самый известный чех — это Йозеф Швейк. Кстати, в Чехии ни одного человека с такой фамилией, насколько мне известно, не обнаружено. Странный роман Ярослава Гашека был чрезвычайно популярен в Германии и Восточной Европе, в том числе в Советском Союзе, а вот по-английски полный перевод романа вышел всего лишь несколько лет назад, по сути, как литературный памятник. Не понимают к западу от Рейна, что в нем смешного и о чем вообще речь идет. Все-таки по этой реке проходит граница культурных регионов. При нацистах роман

«Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» был запрещен. Доктор Геббельс называл его «библией саботажа». Отчасти с этим мнением можно согласиться.

Читаем по-чешски

Чешская письменность довольно сложна. Мы рассмотрим ее только в общих чертах, выделив некоторые характерные для этого языка особенности. Приятная особенность — фиксированное ударение, всегда на первый слог; неприятная — наличие кратких и долгих гласных, что для русскоязычных составляет основу трудноустранимого акцента и ошибок в ударениях слов.

Последнее обстоятельство требует отдельного пояснения. Как мы уже говорили, в русском языке существует сильное выдыхательное ударение (ударный слог произносится существенно громче безударного), сочетающееся со значительным удлинением ударного звука. Чешское ударение гораздо слабее, и при этом долгота гласного от ударения не зависит — это самостоятельная характеристика звука, он может быть кратким или долгим независимо от того, падает на него ударение или нет. Русскому, с одной стороны, трудно произнести длинное чешское слово с ударением на первом слоге, последний слог которого произносится долго. С другой стороны, воспринимая на слух чешское слово, русские часто воспринимают как ударный слог тот, который содержит долгий звук: *dráha* [дра́:ха] — «дорога»; *drahá* [дра́ха:] — «дорогая», то есть второе слово воспринимается как имеющее ударение на втором слоге.

Используется огромное количество диакритических знаков, от них рябит в глазах в чешском тексте. Акут обозначает долготу гласного; изредка вместо него используется кружочек: *dům* [ду: м]

— «дом». Согласные, но не все, могут быть твердыми и мягкими: перед *i* согласные всегда мягкие, перед *e*, только когда над буквой имеется крючок — *ě*. Крючок над буквой может обозначать и другие вещи: *š* — как русское [ш], *ň* — [нь], *č* — [ч], *ž* — [ж], *ř* — [рж] или [рш] (в зависимости от звонкой или глухой позиции), произнесенные слитно. Последняя буква часто соответствует букве *p* в русских словах: *řeka* [ржэ́ка] — «река».

Мягкость согласного иногда выражается апострофом (почему-то только с буквой *d*); *mad`arsky* [ма́дярски] — «венгерский».

Буквы *q, w, x* в чешских словах не встречаются. Буквы *i* и *y* читаются одинаково, как русское [и], с разной, естественно, долготой в зависимости от наличия или отсутствия акута.

Буква *h* и буквосочетание *ch* обозначают практически один звук [х].

Необыкновенна способность некоторых чешских согласных, а именно сонорных (звучащих) *r* и *l*, образовывать слоги: *prst* [пэрст] — «палец», сравните со старорусским *перст*. Поразительно, что ударение при этом может падать на эти слоговые *r* или *l*: *Plzeň* [пэ́льзэнь] — Пльзень, знаменитый в том числе и пивом город; *vrchní* [вэ́рхни:] — «верхний».

Вот он какой замысловатый, этот чешский язык! Впрочем, слогообразующие согласные встречаются и в сербскохорватском языке, например, в самом его названии — *srpskohrvatski jezik*.

Словацкий язык
Slovenčina

Словакия в представлении многих людей тесно связана с Чехией, однако исторические судьбы этих стран весьма различны. Если чехи столетиями находились под немецким культурным и политическим влиянием, то словаки со Средневековья и до конца Первой мировой войны и образования Чехословацкой Республики были подданными венгерской короны.

Словаки всегда, во многом несправедливо, считались младшими братьями чехов (промышленная Чехия и аграрная Словакия). Просто, несмотря на исключительную близость языков, — это разные народы и разные культуры, что и было закреплено распадом Чехословакии в 1993-м году. В политической истории этот раздел считается образцом цивилизованного развода с учетом взаимных интересов и с милой взаимной же уступчивостью. Сравните с тем, что происходило в тот же период в Югославии.

С 1938 по 1945 год Словакия уже была формально независимой страной, находившейся, правда, под политическим контролем нацистской Германии. Это единственное славянское государство, чьи войска принимали участие во Второй мировой против СССР (если не считать немногочисленного хорватского корпуса) и единственный же сателлит Германии, в котором произошло вооруженное восстание, по направленности антигерманское.

Словакия в отличие от Чехии не имела своей великой эпохи, но, я думаю, это не тревожит современных словаков, нашедших свою нишу в объединенной Европе. Так и словацкая литература имеет скорее локальный характер; она молода, потому что литературный язык сложился только в XIX веке, в эпоху национальных движений в Восточной и Северной Европе.

Словацкий язык, как уже было упомянуто, чрезвычайно близок к чешскому, а имеющиеся отличия — в нашу пользу, так как это отклонения в сторону восточнославянских языков, в особенности украинского, с которым были постоянные контакты в период долгого совместного пребывания в составе Австро-Венгерского государства. Украинцы лучше понимают словацкую речь, чем русские.

Зная чешское правописание, овладеть словацким можно за пару часов занятий. Единственная особая буква и, соответственно, звук — это *ä*, как в английском *bad*: *päť* — «пять», произнесите

русское слово *пять*, не смягчая [п] и [т], и у вас получится то, что надо.

Ударение, как и в чешском, силовое, но слабое, поэтому безударные гласные почти не редуцируются, а ударный слог не удлиняется. Зато долгота и краткость гласных имеют существенное значение.

И в заключение хочу сказать, что пора бы уже не путать Словакию со Словенией (северная часть бывшей Югославии), а словаков со словенцами. Мы все-таки не в Америке живем. Крайне невежливо спрашивать словенцев, как им живется после «развода» с чехами, а словаков — как они чувствуют себя, отделившись от союзной Югославии.

Восточнославянские языки

Русский, украинский и белорусский языки составляют эту группу. Степень близости языков высока, и среди лингвистов до сих пор нет единого мнения, считать ли украинский и белорусский языки вполне самостоятельными или же вариантами русского, испытавшими в силу исторических причин сильное влияние польского языка. Русские, владеющие польским языком, почти свободно читают по-украински и по-белорусски. Впрочем, этот вопрос решают и будут решать не лингвисты, а политики. Если Украина и Беларусь станут действительно самостоятельными государствами, могучими не только экономически, но и своей культурой, их языки окончательно обособятся от русского, выйдя из-под его тотального в течение веков влияния. Тогда на полках российских книжных магазинов появятся украинско-русские и белорусско-русские словари, чего пока не заметно.

Особенности русского языка рассматривались в особой главе, а здесь мы кратко остановимся на некоторых особенностях фонетики и письменности двух самых близких нам языков, которые, как и русский, пользуются алфавитами, сложившимися на основе кириллицы.

Белорусский язык
Беларуская мова

Белорусский, вернее, старобелорусский, был с XIII века государственным языком Великого княжества Литовского, включавшего в свой состав в основном славянское население. После вхождения в состав государства, ныне называемого первой Речью Посполитой (в отличие от последующих и ныне существующей), старобелорусский испытал сильнейшее воздействие более развитого польского языка. Это влияние продолжалось весьма длительное время после того, как старобелорусский, а затем и польский утратили статус государственного языка, фактически до 1939 года (начало Второй мировой и очередной раздел Польши).

Белорусский язык — громогласный, все звуки выговариваются очень отчетливо. Мне рассказывал один знакомый белорус, в родительской семье которого обычно говорили по-русски, что когда у его отца развилась тугоухость, всем пришлось перейти на белорусский, чтобы ему было легче воспринимать речь.

Читаем по-белорусски

Белорусская письменность — мечта русского школьника-двоечника. Как написано, так и читается. Буква *о* появляется только в ударном слоге — в остальных случаях пишется *а*, например, *карóва*, *вадá*. Безударное *е* часто, но не всегда записывается буквой *я*: *Аляксей*. Ударение такое же блуждающее, как и в русском, хотя с русским в близких словах частенько не совпадает, но, встретив в слове *о*, смело делайте ударение на этот слог.

В алфавите нет букв *и* и *щ*, зато есть *і* и специфически белорусская буква *ў* — краткое [у], как русское [у] в слове пауза, похожее на английский звук [w] и часто соответствующее в русских букве *л* или в: *быў* — «был», *рыдлёўка* — «лопата» (ср. с русским словом *рыть*), *Васіль Быкаў* — Василь Быков. Звук [г] произносится на украинский или, если угодно, германский манер: как [h] в немецком или английском.

Характерные моменты белорусского акцента в русской речи:

[ў] вместо русских [л] или [в];

[ч] произносится очень твердо, как польское [cz];

[шч] вместо отсутствующего в языке звука [щ], [шч] (*шчотка* — «щётка») произносится очень твердо, как польское [szcz];

[h] вместо русского [г].

Украинский язык
Українська мова

Как говорил чеховский Беликов (рассказ «Человек в футляре»): «Малороссийский язык своей нежностью и приятной звучностью напоминает древнегреческий». Русские, что греха таить, подсмеиваясь над украинским языком, завидуют его фонетической красоте, особенно она слышна в песнях — прямо итальянский какой-нибудь. Действительно, некоторое сходство в звуковом строе этих двух языков существует. Пресловутую певучесть украинской речи придает легкое тоническое ударение, утраченное русским и белорусским языками, как и большинством индоевропейских языков. Безударные гласные в отличие от русского произносятся отчетливо: [вода́], а не [вада́]. Звонкие согласные также произносятся отчетливо в любом положении, не оглушаясь в конце слова и перед глухими. То есть украинская речь гораздо более отчетлива и внятна в произношении, чем русская.

Читаем по-украински

Произношение букв близко к русскому, но с некоторыми отличиями. Отличается и состав алфавита.

Буква *г* так же, как в белорусском, обозначает звук, близкий латинскому и германскому звуку [h] (английское Hamlet). Этот же звук вместо нормативного русского [г] распространен в южнорусских говорах.

Буква *ґ*, то есть *г* с задранным носом, обозначает тот же звук, что и русская *г*, впрочем, только в заимствованных словах: *ґанок* [га́нок] — «крыльцо» (от немецкого *Gang*).

Буква *і* — русское [и].

Буква *и* — русское [ы].

Буква *ї* — соответствует русскому [йи]: *Київ* [кыйив] — Киев.

Буква *е* — соответствует русскому [э].

Буква *є* — соответствует русскому [е], то есть йотированный или смягчающий звук: *має* [мае] — «имеет».

Вместо отсутствующей буквы *ё* пишется *йо*: *йорзати* [ёрзаты] — «ёрзать».

Южнославянские языки

В группу южнославянских языков входят языки славянских народов, населяющих Балканский полу остров. Тяжелая историческая судьба не позволила им оказать заметного влияния на другие европейские языки, и в частности, на русский. Южнославянские языки — это сербскохорватский (после распада Югославии утверждается, что есть разные языки: сербский и хорватский), словенский, болгарский и македонский (по мнению многих лингвистов — вариант болгарского языка). Учиться читать на южнославянских языках мы не будем, лишь рассмотрим некоторые их интересные особенности.

Словенский язык
Slovenščina

Словения издавна находилась под сильным немецким влиянием, по-прежнему значительная часть словенцев проживает в австрийской провинции Каринтия. Словенский язык, веками находясь в статусе исключительно разговорного, имея замкнутый ареал существования, сохранил благодаря этому многие архаичные черты, которые давно утратили другие славянские языки. Например, такую экзотику, как двойственное число глагола наряду с единственным и множественным. То есть глагол *идти*, к примеру, имеет не только формы *я иду* и *мы идем*, но и еще одну особую форму для того случая, когда идущих именно двое.

Словенский язык использует латинскую графику с небольшим количеством дополнительных букв для обозначения особых звуков: *č* — как русское [ч], *š* — как русское [ш], *ž* — как русское [ж]. Буква *j* используется для йотирования гласных и для смягчения согласной, после которой она следует: *Ljubljana* [любля́на] — Любляна, столица Словении, прежде называвшаяся по-немецки *Laibach* [ла́йбах].

Не пройдя обычный период становления нации, словенцы сохранили огромное количество самостоятельных диалектов: на 2 миллиона носителей языка их приходится около 30. Языковая раздробленность усугубляется тем, что многие словенцы живут не только в Австрии, но и сопредельных районах Италии и Венгрии.

Сербскохорватский язык Srpskohrvatski jezik/српскохорватски језик

Остальные южнославянские народы долгое время входили в состав Османской империи и/или находились под культурным влиянием турецкой и шире — мусульманской культуры. Это сказалось на лексике — в наличии большого количества тюркизмов.

Сербскохорватский язык используется не только сербами (православные) и хорватами (католики), но и черногорцами (православные) и боснийцами (в большинстве мусульмане). Письменность не складывалась веками, как у большинства народов, а была создана национальным просветителем Вуком Караджичем сразу в двух вариантах: на основе кириллицы и на основе латиницы, дополненной небольшим количеством букв с диакритическими знаками, причем между буквами обоих алфавитов, а также буквами и обозначаемыми ими звуками в каждом из вариантов существует соответствие. Принцип правописания фонетический, как и, например, в белорусском: «как слышеца, так и пишеца». Это обстоятельство облегчает юным югославам освоение родного письменного языка, но для иностранцев представляет некоторое затруднение: представьте, если бы по-русски писалось *пирог*, но *пира**а**гами*. Вы встречаете в тексте слово *пирагами*, ищете в словаре *пираг*, но такового не находите.

Сербскохорватский язык имеет чрезвычайно сложную систему ударений, сочетающую ударение силовое и тоническое. Всего существует четыре вида ударения (с восходящим тоном, с нисходящим и т. д.), что заставляет вспомнить о китайском языке, имеющем сходный набор возможных ударений. Можно предположить, что говорящим на сербскохорватском легче дается изучение китайского разговорного языка, чем прочим европейцам.

После распада Югославии и кровавой войны между бывшими союзными республиками сербский и хорватский языки политиками и политически ангажированными лингвистами тоже были объявлены отдельными: сербским и хорватским. Хорваты, кстати, всегда предпочитали латинский вариант своей письменности, а сербы — кириллицу. Видимо, это связано с конфессиональными различиями этих народов. Сербы со времен Византии исповедуют православие, а хорваты, испытав сильное влияние со стороны Венгрии, в большинстве придерживаются

католического вероисповедания. Напоминаю, что оба алфавита при своем создании мыслились как равноправные и между ними существует полное соответствие. А теперь, в начале XXI века, немало усилий предпринимается политиками и как бы лингвистами, чтобы через школу и средства массовой информации развести языки не только лексически, но и грамматически. Вот уж действительно, нечем людям заняться.

Болгарский язык
Български език

Болгарский и сходный с ним македонский (македонски јазик), получивший литературную норму только в 1945 году, — языки, стоящие особняком в славянской семье. Болгарские лингвисты считают македонский этнолектом болгарского, македонские специалисты, естественно, склоняются к идее его отдельности.

Необычность этих языков, или этого языка (вопрос о единстве болгарского и македонского скорее политический, чем лингвистический), в том, что они являют черты аналитичности, что совершенно не характерно для славянских языков. Напоминаю, что синтетические языки (как, например, русский) для связи слов в предложении используют в основном изменения самих слов, падежные окончания существительных, личные окончания глаголов и т. п., в то время как аналитические (как, например, английский) для этой цели используют служебные слова, предлоги и строгий порядок слов в предложении.

Так вот, болгарский практически не имеет падежных окончаний — их функцию выполняют предлоги. И уж форменная экзотика для славянских языков — наличие артиклей. Артикли постпозиционные, то есть прикрепляются к слову сзади подобно суффиксам или окончаниям. Так что изучение болгарского для русскоязычного человека при всей близости лексики связано с немалыми затруднениями.

Прямое влияние болгарского на русский почти не прослеживается, ведь Болгария вновь обрела политическую независимость (от Османской империи) лишь в конце XIX века, но косвенное влияние огромно. Дело в том, что при формировании русского литературного языка еще с древних времен его лексика постоянно обогащалась заимствованиями из так называемого церковнославянского, а последний является, по сути, одним из диалектов староболгарского, который в свое время был кодифицирован в качестве языка православного богослужения и богословской литературы. Возможно, ему также предназначалась роль общеславянского lingua franca, но сего не случилось.

Правда, в те времена болгарский был еще синтетическим языком, а его грамматика была гораздо сложнее, чем у современных славянских языков. Можете сами в этом убедиться, почитав церковнославянские тексты православного богослужения.

Угро-финские языки

Кто такие угро-финны? Это группа родственных народов, заселяющая огромные пространства Северной Европы и Западной Сибири, от Балтийского моря до бассейна Оби. До прихода славян жили практически на всей территории Северной России до Оки на юге. От этих южных угро-финнов, поглощенных (ассимилированных) славянами и вошедших в состав русского народа, сохранились лишь названия: меря, мещёра, мурома и топонимы (слова, обозначающие географические объекты), особенно названия рек. Только три угро-финских народа создали свои национальные государства: венгры, финны и эстонцы. Остальные (коми, ненцы, мари, удмурты, мордва, карелы, ханты, манси и др.) живут на территории России, постепенно утрачивая свою культурно-языковую идентичность.

Угро-финны — люди северных лесов, которые, как питерские митьки, «никого не хотят победить». Особняком стоят только венгры, переселившиеся 1000 с чем-то лет назад в среднее течение Дуная и приобретшие воинственность и неукротимый нрав в борьбе с соседями. Господа венгерские офицеры, оказавшись в Первую мировую войну в русском плену в Западной Сибири, которая напоминала им неосвоенную Америку из романов Фенимора Купера, с индейцами и вигвамами, были потрясены тем, что они неплохо понимают язык местных обитателей «вигвамов» — хантов и манси. Вот сюжет для рассказа! Вместе с венграми они образуют угрскую подгруппу угро-финских языков и живут сравнительно недалеко от тех мест, откуда предки венгров когда-то отправились в свое умопомрачительное путешествие. Уграми по-старорусски именовали венгров (мадьяр). До сих пор этот этноним (слово, обозначающее народ, этнос) сохранился в некоторых славянских языках. Похоже звучат наименования венгров и их страны и на романо-германских языках: *Hungary* [х*а́нгэри] (англ.), *Ungarn* [у́нгарн] (нем.), *Hongrie* [о(н)гри́] (франц.).

Угро-финские языки имеют не только общий корневой состав, но и сходный грамматический строй — все они языки агглютинирующие, подобно тюркским, с которыми никакое родство их не связывает. Отношения между словами в предложениях выражаются в этих языках сложной системой суффиксов, которые агглютинируют (прилипают) к корню в строгой последовательности. При этом каждый из них придает корню дополнительный смысл, выражающий грамматическое число слова и его отношения с другими словами в предложении,

то есть выполняют роль падежных и личных окончаний и предлогов в других языках.

Формальное сходство угро-финских языков с тюркскими проявляется и в отсутствии рода у существительных и даже личных местоимений (*он, она, оно* выражается одним словом). В сущности, грамматический род — это совершенно иррациональная грамматическая категория, свойственная большинству индоевропейских языков, которая не несет никакой информации об обозначаемом объекте или явлении. Ну скажите на милость: почему по-русски *скамья* — женского рода, *стул* — мужского, а *кресло* — среднего? Какое мучение для иностранцев, так как роды часто не совпадают даже в близкородственных языках. Только английский изжил эту категорию, не несущую почти никакой информации о слове, оставив род лишь для личных местоимений или для обозначения личного эмоционального отношения к предмету: *his car* заменяется местоимением *it* («оно»), а *my car* — местоимением *she* («она»), то есть любимый объект как бы одушевляется.

Сходство с тюркскими языками проявляется также в фиксированном ударении. Только если тюрки делают ударение почти всегда на последний слог, то угро-финны — на первый.

Венгерский язык
Magyar nyelv

Pannonia — латинское название земель, заселенных в IX веке пришельцами с востока, говорившими на совершенно чуждом местным народам языке. Довольно быстро образовалось Венгерское королевство. Не имея в своем географическом окружении ни единого этнически или лингвистически родственного народа, венгры всю последующую историю играли заметную роль в делах Центральной и Восточной Европы.

В настоящее время по-венгерски говорят около 12 миллионов человек, живущих как в самой Венгрии, так и на территории смежных стран. Национальный культурный подъем XIX века дал великолепную плеяду композиторов, писателей, ученых. Венгров принято относить к так называемым «талантливым» народам, которые независимо от текущих событий своей истории исправно поставляли и поставляют человечеству первоклассных творцов в различных областях, хотя применение они зачастую находили и находят за пределами отечества.

Последнему обстоятельству очень способствовали три волны эмиграции, вымывавшие из Венгрии множество предприимчивых и одаренных людей:

в 1848 году после подавления венгерской революции российским экспедиционным корпусом;

в 1945–1948 годах во время и после установления в Венгрии коммунистического режима под советским присмотром;

в 1956 году после подавления антикоммунистического восстания советским экспедиционным корпусом.

Влияние венгерского языка на русский незначительно. Тесных культурных и торговых контактов не было, хотя воевали регулярно: с 1848 по 1956 год (в промежутке между этими датами — две мировые войны). В языке мадьяр много заимствований из языков соседей: славян, немцев и турков (часть Венгрии некоторое время входила в состав Османской империи).

Читаем по-венгерски

Орфография одна из самых регулярных среди европейских языков, пользующихся латиницей, хотя довольно сложная. Ударение, как в большинстве угро-финских языков, падает всегда на первый слог даже в заимствованных словах, ударение

динамическое, как и в русском языке, но гораздо слабее, поэтому безударные слоги произносятся достаточно отчетливо. Кроме того, ударный слог не удлиняется. Это важное обстоятельство, так как в венгерском языке долгота гласного является смыслоразличительным признаком в такой же мере, как в чешском и словацком языках.

Согласные звуки

Буква *c* — всегда произносится как [ц]: *cukor* [цу́кор] — «сахар».

Используется большое количество буквосочетанй для передачи отдельных звуков.

Буквосочетание *cs* — обозначает звук, близкий к русскому [ч]: *kocsi* [ко́чи] — «автомобиль», слово имеет общий корень с русским *кучер*.

Буквосочетание *sz* — как ни странно, обозначает звук [с], а вот *s* передает звук [ш]: *spiritusz* [шпи́ритус] — «спирт»; *Sarközy* [ша́ркёзи] — Саркози, нынешний президент Франции с венгерскими корнями. Обычно в алфавитах на основе латинского бывает наоборот: именно звук [ш] передается буквосочетанием (*sh, sch, sz*) или *s* с диакритическим знаком (*š, ş*).

Буквосочетание *gy* — тоже неочевидный звук [дь]: *magyar* [ма́дьар] — «венгр, мадьяр»; *Soros Gyorgy* [шо́рош дьёрдь] Дьёрдь Шорош, американский финансовый спекулянт, родом из Венгрии, его имя более известно у нас в английском варианте: Джордж Сорос. Обратите внимание, что в венгерском написании фамилия предшествует имени — это устоявшаяся традиция: *Liszt Ferenc* [лист фэ́рэнц] — Ференц Лист, самый известный венгерский музыкант, впрочем, венгерского языка он не знал, и во всем мире его называли на немецкий манер Францем.

Буквосочетание *ly*, так же как *j*, обозначает звук [й]: *Mihály* [ми́ха: й] — Михай, вариант имени Михаил; *Székely* [сэ́кэй] — самоназвание венгров, издавно живущих в Румынии; *Bolyai János* [бо́яи я́:нош] — Янош Бойяи — сооткрыватель (наряду с Лобачевским) неевклидовой геометрии.

Буквосочетание *ny* — [нь]: *nyíl* [ни: ль] — «стрела» (обратите внимание на акут над буквой *i*, обозначающий долготу звука).

Буквосочетание *ty* — [ть]: *Mátyás* [ма́:тьа: ш] — Матиаш, венгерский вариант Матвея.

Буквосочетание *zs* — передает звук [ж]: *rózsa* [ро́:жа] — «роза».

Гласные звуки

Произношение гласных в целом близко к латинскому, за

исключением своеобразнейшего *a*, обучение произношению которого для иностранцев — особая задача, и звуков, обозначаемых буквами *ü* и *ö*, которые читаются так же, как в немецком. От долготы гласного зависит значение слова; она отмечается на письме акутом либо двойным акутом, если речь идет о буквах *ü* и *ö: ű, ő*.

Буква *y* обозначает звук [и], либо [й] (на конце слова после гласного), либо обозначает мягкость предшествующего согласного, одного из четырех: *l, n, g, t*. Читаются некоторые мягкие согласные довольно экстравагантно: *ly* — от излишней мягкости превращается в [й] (такое с мягким [л] случается и во французском, и в испанском языках), а вот *gy* странным образом произносится как [дь].

Финский язык
Suomi

«Страна тысячи озер», как поэтически называют Финляндию в туристических путеводителях, обрела политическую независимость лишь в 1918 году. До этого веками финны были подданными шведской короны, а в начале XIX века шведы, окончательно утратив воинственный дух, уступили финские земли Российской империи.

Надо сказать, что Финляндия в составе России пользовалась широкой автономией, а ее жители многочисленными привилегиями. В частности, финляндцев не забирали в императорскую армию, а сама провинция была островком парламентаризма, имела собственный сейм с выборными депутатами.

С середины XIX века в Финляндии, как и во многих странах окраинной Европы, формируется национальное движение, складывается литературный язык. Чуть ли не национальной идеей становится изучение народного эпоса «Kalevala». Кстати, эстонцы и российские карелы также считают его своим.

В качестве наследства шведского владычества Финляндии досталось довольно многочисленное шведское население, которое вплоть до XX века играло непропорционально большую роль в культурной и экономической жизни страны. До сих пор шведский является одним из государственных языков Финляндии. Столица страны по-фински называется *Helsinki*, по-шведски — *Helsingfors*, как и по-русски в имперские времена — *Гельсингфорс*.

Самая известная историческая фигура Финляндии — это, безусловно, маршал Маннергейм (офицер императорской армии, исследователь Средней Азии, а впоследствии политик и военачальник); происходил он из финских аристократов, то есть финских шведов. В совершенстве владея несколькими языками, не знал финского, а был президентом Финляндии и до конца своих дней оставался харизматическим национальным лидером.

Что из Финляндии больше всего известно в России? Безусловно — финский нож, или финка, воспетая в уголовных песнях и детективной литературе. По иронии судьбы, настоящий финский нож *puukko* [пу́:кко] совсем не похож на бандитскую или спецназовскую финку. Пуукко — это не оружие, а инструмент для выживания в северном лесу: освежевать зайца, почистить рыбу, вырезать из дерева нужное приспособление.

Формирование литературного финского языка происходило

не в последнюю очередь благодаря усвоению большого количества заимствований из шведского и немецкого языков. До 1945 года Финляндия находилась в зоне влияния немецкого языка, который знали не только образованные финны.

В Финляндии языком занимаются даже на государственном уровне. В частности, специальная комиссия разрабатывает неологизмы на основе финских корней для обозначения новых реалий. Рекомендации комиссии не имеют обязательного характера: в некоторых случаях предложенные «сконструированные» неологизмы приживаются, как, например, tietokone (дословно «машина знаний») — компьютер, а в других случаях побеждает прямое заимствование из языка-донора, как произошло со словом skanneri, вытеснившим предложенный финский «считыватель образов».

Звуковой состав языка небогат. Как и в эстонском, отсутствуют звонкие согласные (*б, г, з, д*), что порождает характерный акцент, прославленный в анекдотах. Долгий гласный произносится ровно в два раза дольше, чем краткий. Последнее обстоятельство нещадно эксплуатируется в тех же анекдотах о горячих финских/эстонских парнях для передачи их якобы феноменальной медлительности. Ударение, как и положено в угро-финских языках, всегда падает на первый слог. Ударение слабое, поэтому редукции безударных гласных почти не происходит, а произношение ударного гласного не удлиняется.

Читаем по-фински

Финская орфография очень простая и регулярная, что вообще характерно для языков, не прошедших долгий путь развития письменной речи. Только в заимствованных словах встречаются буквы: *c, q, x, z, b, f*. Долгота гласного передается сдвоенным написанием соответствующей буквы.

Отличия от латинского стандарта:

Буква *y* — читается как немецкая, венгерская или турецкая буква *ü* или французская буква *u*.

Буква *ä* — как a в английском *bad*. Изредка этот звук появляется в русской речи, например в слове *пять*, если его произнести без смягчения звука [п] и [т].

Буква *ö* — как немецкая, венгерская или турецкая буква *ö*.

Эстонский язык
Eesti

Эстонцы — небольшой (чуть больше миллиона) прибалтийский народ, не связанный родством со своими соседями по балтийскому побережью латышами и литовцами. Последние образуют вместе с некоторыми исчезнувшими народами, например пруссами, балтийскую группу языков, находящуюся в тесном родстве со славянскими. Эстонский же ближе всего к финскому.

С XIII века эсты находились то под датским (название столицы *Tallinn* значит «датский город»), то под немецким владычеством. Эсты были крестьянами, а владели и правили ими феодалы, почти сплошь немцы, которых в России вместе с их латвийскими соплеменниками называли остзейскими баронами. *Ostsee* [о́стзэ:] — немецкое название Балтийского моря (дословно «Восточное море»). Почти все немцы перебрались в рейх в 1940 году. После 1945 года в страну переселилось большое количество славянских граждан СССР. Теперь в Эстонии их больше, чем у соседей. Кстати, выражение «Прибалтийские страны» властями самих этих стран считается неполиткорректным, надо говорить — «Балтийские страны». По мере того как все привыкнут к независимости бывших прибалтийских советских республик, я думаю, отомрет и название «Балтийские страны», ведь к ним, строго говоря, надо относить и Польшу, и Германию, и Финляндию со Швецией, и даже Россию.

С XIII и почти до конца XIX века языком образованных эстонцев был немецкий. Литературный язык, как и у большинства малых народов Северной и Восточной Европы, сложился во второй половине XIX века параллельно с финским.

Эстонская письменность близка к финской. Подобно испанскому и французскому, эстонский язык не переносит *st* в начале слова: *tudeng* — «студент», *torm* — «шторм». Нет в эстонском и звонких согласных: *piljard* — «бильярд», *kips* — «гипс». Это обстоятельство определяет во многом своеобразный эстонский акцент.

Очень интересно эстонцы распорядились со звуком [ф] в заимствованных словах (этот звук отсутствует и в эстонском, и в финском) — он превратился в [хв]. Любопытно, что подобное явление сотню лет назад отмечалось в русском просторечье. Помните рассказ Льва Толстого «Филипок» из «Родной речи»? Односельчане называли Филипка не иначе как Хвилипок.

Примеры узнаваемых эстонских слов с [хв]: *kohv* — «кофе», *krahv* — «граф». Для эстонской фонетики характерен также редкий в Европе, но хорошо знакомый нам звук [ы].

Тюркские языки

Особенность группы тюркских языков — в их относительной, по крайне мере, по сравнению с индо-европейскими языками, лексической и грамматической близости. На тюркских языках говорят около 180 миллионов человек, и овладение родственным языком в пределах группы не требует больших усилий. Более того, разговорная речь в некоторых парах языков может быть взаимно понятной для их носителей, особенно близки турецкий, азербайджанский и туркменский. В грубом приближении, можно сказать, что лексико-грамматический разброс в тюркской группе не превышает такового в славянских языках.

Тюркские народы обитают по широкой полосе от Малой Азии и юга Балканского полуострова до Чукотки. Это турки, азербайджанцы, татары, башкиры, чуваши, туркмены, узбеки, казахи, киргизы и якуты. В период вхождения русских земель в состав гигантской квазиимперии Золотая Орда (так называемое татаро-монгольское иго) в русский язык вошло огромное количество заимствований из тюркских языков — слов, имеющих отношение к быту, еде, оружию, одежде. Многие из них так «обрусели», что не воспринимаются как иноязычные. Да само слово деньги тюркского происхождения! До недавнего времени (до распада СССР) только турки имели свое национальное государство, а прежде составляли ядро могущественной империи. Поэтому только турецкий оказал заметное лексическое влияние на европейские языки либо в некоторых случаях послужил посредником в заимствовании европейскими языками слов из арабского и персидского (фарси) языков.

Приятная для иностранцев особенность тюркских языков — фиксированное на последнем слоге простое силовое ударение.

До сравнительно недавнего времени большинство тюркских языков пользовались арабской письменностью, плохо приспособленной для передачи звуков тюркской речи. Это было последствием культурного влияния ислама, который исповедуют почти все тюрки, за исключением чувашей и якутов. Первые легко приняли православие, вторые же хотя и считаются православными, в последнее время восстанавливают традиционные языческие культы, видя в этом основу национальной идентичности.

Из тюркских языков мы рассмотрим только турецкий как один из европейских (территориально), оказавший большое лексическое влияние на южнославянские языки в период их вхождения в состав Османской империи, а также скажем немного

о татарском и чувашском языках.

Турецкий язык
Türkçe

Прежде Турция была политическим центром (метрополией) гигантской и временами процветавшей империи, которую в русской традиции называют Османской, а на Западе — Оттоманской (Ottoman Empire), существовавшей с 1299 по 1922 год. Политическое и военное соперничество с Оттоманской империей было одним из главных сюжетов европейской политики в течение многих столетий. Турки пытались распространить свое влияние не только на Средиземноморье, но и на север, помимо Балканского полуострова, — на Румынию, Венгрию и даже Австрию. В XVII веке они осаждали Вену. Турецкая опасность была одним из факторов появления и развития общеевропейского военного и политического сотрудничества, невиданного после эпохи Крестовых походов.

Периодически Западную Европу охватывала мода на все турецкое, особенно в конце XVIII века, с тех пор как Османская империя перестала представлять для Западной Европы военную опасность и даже стала полезной, являясь фактором, сдерживающим новую державу — Россию. Стихи на восточные темы, живопись (особенно с сюжетами из жизни турецких гаремов); немалое влияние оказала и турецкая музыка, достигшая особого расцвета в одном из прикладных жанров — произведениях для воодушевления воинов на поле брани. Характерно, что слова *турецкий* и *мусульманский* тогда были фактически синонимами. Да так оно, в сущности, и было. Османская империя в эпоху своего расцвета охватывала едва ли не большинство земель, в которых исповедовали ислам.

Россия находилась в постоянном контакте с Османской империей, в котором периоды культурного и торгового обмена чередовались с многочисленными войнами с конца XVII века. Последний раз воевали в Первую мировую.

Сколько русских солдат и офицеров побывали в турецком плену! И, наоборот, сколько турок при аналогичных обстоятельствах познакомились с Россией! Надо сказать, что мрачные лагеря для военнопленных появились только в Первую мировую, а раньше пленные, особенно офицеры, зачастую жили более или менее свободно среди жителей вражеской страны, изучали язык, подрабатывали, вступали в личные контакты с местным населением.

После распада империи и образования Турецкой Республики,

вещи невиданной в мусульманском мире, был взят курс на вестернизацию (уподобление Западу) экономической, политической и социальной жизни в стране. Частью этой политики стал переход в 1928 году с арабского алфавита на алфавит, построенный на основе латинской графики. Решительные преобразования стали возможны благодаря исключительному авторитету первого президента, известного в мире под своим титулом-прозвищем Ататюрк — отец турок. Его портреты до сих пор висят не только в государственных учреждениях, но даже в торговых лавках. Ататюрк был вдохновителем процесса европеизации Турции, он и в создании нового алфавита принимал участие. В стране был создан культ его личности, который (вещь в истории неслыханная!) существует в некоторой степени до сих пор. В течение XX века в Турции существовала уникальная для политической истории ситуация, когда армия, высшее офицерство, инициировавшее в свое время светские преобразования, выступали гарантом демократического правления в стране. Для этого армия аккуратно производила военные перевороты и брала власть в свои руки каждый раз, когда возникала угроза установления диктатуры или десекуляризации (возврата к власти исламского духовенства) в стране.

Поистине удивительная страна! Надежда всего мира на будущую интеграцию мусульманского и христианского миров.

Турецкий язык очень логично устроен. Я предполагаю, что его компьютерное моделирование продвинулось дальше, чем у языков индоевропейских. Родов вовсе нет. Имеется один артикль: неопределенный единственного числа — *bir* («один»). Подобно угро-финским языкам, турецкий по своему строю относится к типу агглютинирующих (слипающихся или приклеивающих) языков. Их в некотором огрублении можно назвать сверхсинтетическими, то есть тенденция синтетических языков (все славянские, кроме болгарского, латынь, некоторые германские) выражать отношения между словами не предлогами, а окончаниями или суффиксами, в них доведена до предела.

Слово всегда начинается с корня, а далее в строго определенном порядке «приклеиваются» суффиксы или, если угодно, окончания, обозначающие падеж существительного, грамматическое число, отрицание, личное окончание, если это глагол, и т. д. При знакомстве с турецким и другими тюркскими языками сначала это, естественно, кажется непривычным, но усваивается довольно быстро — ведь все строго определенно устроено, что, в конечном счете, удобно для изучения. Да еще ударение, как у нас, силовое, и к тому же фиксированное —

всегда на последнем слоге. Отступления от этого правила возможно лишь в заимствованных словах и именах собственных.

Читаем по-турецки

Напомним, что Турция сохранила часть европейской территории Османской империи — южную оконечность Балканского полуострова, и потому мы имеем формальное основание относить турецкий язык к числу европейских. К тому же он распространен на части острова Кипр. Орфография весьма проста, что свойственно всем письменностям, созданным искусственно, то есть профессионалами, и не прошедшим извилистый путь исторического развития. Турецкий алфавит — один из самых молодых алфавитов на основе латинской графики (введен в пользование в 1928 году). Большинство букв читается как в латыни. Мягких согласных нет — все читаются твердо. В качестве диакритических знаков используются подстрочные лапки, диереза и в одной букве — надстрочный крючок.

Буква *c* — обозначает мягкий [дьжь], как в английском *jet*.

Буква *ç* — как русский [ч]: *bir bardak çay* [бы рбардакча́й] — «стакан чая».

Буква *ş* — как русский [ш].

Буква *ü* — как соответствующая буква в немецком и венгерских языках; получится похоже, если произносить [ю], но при этом не смягчать предшествующий согласный: *Mustafa Kemal Atatürk* [атату́рк] — Ататюрк, неофициальный титул первого президента Турции. В начале слова и после гласных *ü* произносится как простое *y*.

Буква *ö* — как соответствующая буква в немецком и венгерском языках; получится похоже, если произносить *ё*, но при этом предшествующий согласный не смягчать. Подобно предыдущей букве с горизонтальным двоеточием, в начале слова и после гласных *ö* теряет свою фонетическую особенность и произносится просто как *о*.

Буква *i* — как русский [ы]: *Istanbul* [ыста́нбул] — Стамбул, ударение падает вопреки общему правилу.

Буква *y* — как русский [й], если находится перед гласным, придает ему йотированность.

Буква *j* — как русский [ж].

Буква *ğ* — единственная «проблемная» буква турецкого алфавита: после *e, i, ö,* читается как [й], после других гласных всего лишь удлиняет их произношение: *değnek* [дэйна́к] — «палка»; *soğuk* [соук] — «холодный»; *dağ* [да:] — «гора», сравните

с тюркскими топонимами: *Карадаг*, *Копетдаг* и т. п. Иногда читается как [й] между любыми гласными. В начале слова эта буква не встречается.

Татарский язык
Татарча

Татары — самый многочисленный после русских народ, живущий в России. Они образуют несколько районов более или менее компактного проживания: поволжские татары (самая многочисленная группа и единственная, имеющая статус государственной автономии со столицей в Казани), астраханские татары (Нижнее Поволжье в районе некогда существовавшей столицы Золотой Орды) и сибирские татары (Западная Сибирь).

Крымские татары в культурном и языковом отношении довольно далеко отошли от других групп, так как дольше всех сохраняли свою государственность. Крымское ханство просуществовало до XVIII века. Дальше их ждала трагическая судьба: депортация в 1944 году в Среднюю Азию, затем медленный возврат в родные места, в Крым, и отчасти распыление по республикам бывшего СССР, в том числе и России.

Язык российских татар относится к кыпчакской подгруппе и близок таким языкам, как башкирский (в пределах России) и казахский с узбекским (за рубежом). Татарский язык и культура активно развиваются в настоящее время благодаря целенаправленным усилиям властей республики и высокому уровню национального самосознания татар.

Татарский язык фактически пользуется двумя алфавитами: на основе кириллицы и латиницы. Первый является официальным.

Среди татарского населения выделяется еще одна довольно экзотическая группа. Это крящены, то есть крещеные татары, обращенные в православие (возможно, насильно) и создавшие своеобразную культуру. История знает немало случаев перехода христианских народов в ислам, а этот случай — перехода мусульманского народа (да и то лишь в малой своей части) в христианство — едва ли не единственный. Во время последней общероссийской переписи населения крящены добились того, чтобы их учитывали в качестве отдельного от татар этноса.

Чувашский язык
Чăвашла

Чуваши живут в Среднем Поволжье, находясь на периферии тюркоязычного мира. Их язык — последний живой язык булгаро-хазарской подгруппы тюркских языков. Он тем и интересен специалистам-тюркологам, так как дает материал для реконструкции мертвых языков своей подгруппы.

Чуваши — третий по численности после татар народ Российской Федерации. В отличие от Татарстана в Чувашской Республике не прилагается столько усилий для сохранения языка и культуры. В связи с этим городское население русифицируется, что в первую очередь проявляется в отказе от чувашского языка как средства для повседневного общения. В настоящее время языком владеет немногим больше миллиона человек, в основном жители деревень и малых городов.

Чуваши — единственный из тюркских народов, исповедующий православие. Усилия русских миссионеров в XVIII веке не прошли даром, и местное население приняло чужую религию. Отказались они от своей народной, то есть языческой религии, представлявшей собой причудливую смесь из религий народов, с которыми чуваши контактировали в разные исторические эпохи. Ничего не пропало! Там присутствовали элементы ислама, иудаизма, зороастризма и др.

Чувашский язык использует алфавит на основе кириллицы. Никаких попыток «изменить» кириллице не наблюдалось.

Кельтские языки

Почти вымершая группа индоевропейских языков, на которых говорило большое количество народов, населявших в античные времена Центральную и Западную Европу. В настоящее время кельты почти полностью ассимилированы романскими и германскими народами, существенную часть которых они в свое время и составили. Перечислю лишь некоторых: бритты (современные Британия и Франция), иберийские кельты (нынешняя Испания), галлы (Франция, впрочем, принадлежность галлов к кельтам многими учеными оспаривается), гельветы (Швейцария) и многие другие. Обратите внимание, что от названия именно этих кельтских народов римляне производили названия провинций: Britania, Gallia, Helvetia и некоторые другие. Некоторые из этих названий в торжественной и поэтической речи используются до сих пор.

В лексике романо-германских языков кельтские предшественники почти никаких следов не оставили. Что примечательно — даже в местной топонимике (названиях географических объектов). Это странное обстоятельство. Обычно в древности с трепетом относились к топонимам, и пришлые народы заимствовали исконные названия рек, озер, урочищ и т. п. Это видно и на карте Центральной и Северной России (огромное количество угро-финских топонимов, вплоть до названия столицы), и Германии (в частности, славянские названия городов Лейпциг, Дрезден и многих других и даже федеральной земли Бранденбург), и даже стран, освоенных европейцами в Новое время: Северная и Южная Америка (большинство штатов в США носят индейские названия).

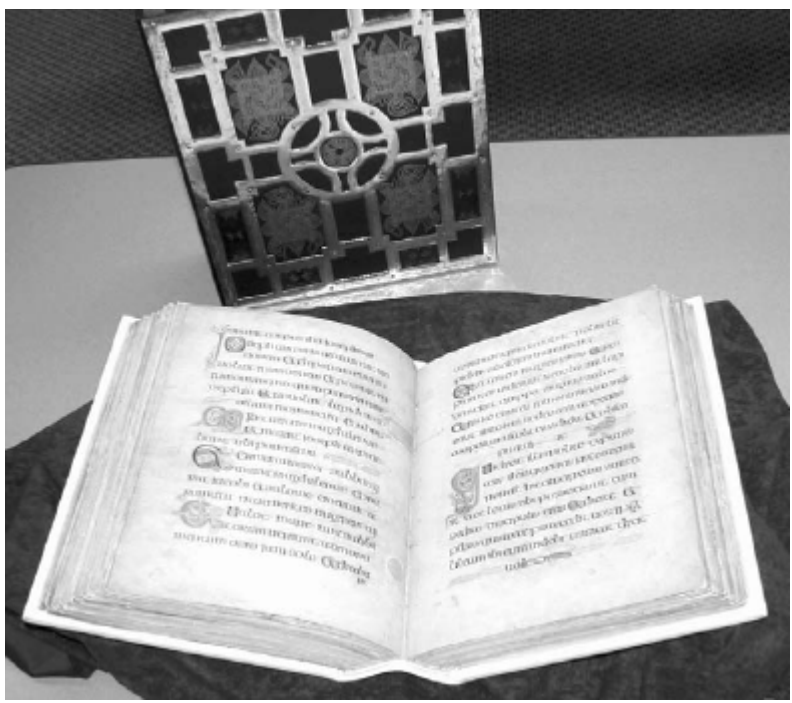
Сейчас остались лишь несколько «островков» по окраинам Западной Европы, заселенных людьми, считающими себя кельтами. Это Ирландия, Уэльс как часть Соединенного Королевства, часть Шотландии и французская историческая область Бретань (Bretagne). Соответственно это ирландский или гэльский (Ирландия и часть Шотландии), валлийский (Уэльс) и бретонский (Франция) языки. Только один из них, а именно ирландский, имеет статус государственного языка наряду с английским.

Кельтские языки в Средние века имели довольно развитую литературу, пришедшую затем в упадок под культурным давлением таких развитых языков, как французский и английский. Примечательна в этом плане историческая судьба бретонцев. Это бывшие бритты, бежавшие с острова на континент,

спасаясь от нашествия англосаксов в раннем Средневековье, но впоследствии попавшие на новой родине под давление более развитой французской культуры.

Все современные кельтские языки находятся под угрозой вымирания, даже ирландский, который изо всех сил поддерживают искусственно. Любопытно, что на кельтских языках говорят либо жители «медвежьих углов», если так позволительно говорить о Западной Европе, либо националистически настроенные городские интеллектуалы.

Одна из загадок исторического языкознания — почему некоторые языки сохраняются даже при культурном давлении более сильных и развитых соседей (как чешский или литовский), а другие, как кельтские языки, не в силах противостоять внешнему давлению. Видимо, не все тут определяется историческими судьбами народов-носителей этих языков. Обширное поле для разнообразных спекуляций! Под спекуляциями имеются в виду суждения непроверяемые или высказываемые без достаточных оснований.



Келлская книга (также известная как «Книга Колумбы», ирл. Leabhar Cheanannais, англ. Book of Kells) — богато иллюстрированная рукописная книга, созданная ирландскими (кельтскими) монахами примерно в 800 году

В последние десятилетия кельты вошли в моду и в

исторической науке, и среди широкой публики. Популярны языческие праздники на кельтский манер, украшения, создаваемые по древним образцам, кельтская музыка, комиксы и фильмы о борьбе древних галлов с римским игом (всякие вымышленные астериксы и обеликсы). Тенденция правильная, так как роль кельтов в формировании общеевропейской культуры слабо изучена и явно недооценена.

Для общего употребления

Европейцы все больше сближаются. В этом разделе речь пойдет о чрезвычайно своеобразном явлении европейской культуры — конструировании языков международного общения и их использовании. Отдельная область межъязыковых заимствований — это перетекание имен собственных от одного народа к другому. Не будем задаваться чисто теоретическим вопросом, можно ли считать этот процесс языковым заимствованием или нет. Интересующий нас вопрос составляет часть предмета двух разделов науки о языке: топонимики (топонимы — обозначения географических объектов, от ручейков до материков) и антропонимики (антропонимы — обозначения людей: имена, фамилии, отчества, прозвища и, возможно, еще какая-нибудь неведомая нам экзотика). Естественно, в этой интересной и сложной теме мы ограничимся только европейскими языками, и то в самом поверхностном виде, только в качестве иллюстрации к проведенному обзору языков родного континента.

Искусственные языки

Вторая половина XIX века. Хорошее было время! Бурный расцвет науки, живописи, литературы, ощутимый технический и социальный прогресс, всеобщее смягчение нравов, появление таких симпатичных общественных явлений, как олимпийское движение (коммерцией в нем тогда и не пахло) и пацифизм (войн больше не будет!). Господствовало почти всеобщее убеждение, особенно к концу века, что человечество (под человечеством тогда подразумевалась, главным образом, Европа) вышло на магистральный путь всеобщего прогресса. Этим надеждам скоро положит конец Первая мировая война.

В первое военное Рождество (четвертый месяц войны) на Западном фронте было несколько случаев совместного его празднования солдатами враждебных армий. Немцы играли на нейтральной полосе между позициями в футбол с французами и англичанами («О, спорт — ты мир!» было провозглашено за пару десятилетий до этого), совместно распивали спиртные напитки и обменивались подарками. Уже в следующее Рождество (1915 года) это было совершенно невозможно. Старания командования и, главное, взаимное ожесточение противников сделали свое дело. Рождество 1914 года было последним праздничным днем старого мира.

А пока XIX век в своем расцвете. Чрезвычайно популярна идея, что одна из главных причин войн — взаимонепонимание народов. Причем взаимонепонимание в самом буквальном смысле — говорят они на разных языках. А вот если бы язык был один, народы бы договорились между собой и, уж конечно, почувствовали бы себя детьми единой цивилизации. На фоне этих настроений стали предприниматься практические шаги. Были предложения реанимировать в качестве всемирного языка латынь. Однако это казалось несправедливым, так как в преимущественном положении оказывались народы, говорящие на романских языках. Тогда в Европе занялись конструированием искусственных языков, рассчитанных на то, что в будущем ими овладеют все жители планеты.

Первому из этих языков под названием *волапюк* была уготована недолгая жизнь. Между прочим, он ориентировался на всех жителей Земли, это одна из первых попыток преодоления евроцентризма. Ведь когда в XIX веке говорили о всемирном языке, подразумевался, конечно, язык всеевропейский. А вот создатель *волапюка*, одного из первых искусственных языков (*Volapük* — от искаженных английских слов *world* и *speak*), даже

изъял из числа звуков своего языка [р], дабы его могли без особых усилий осваивать дети и китайцы, с этим звуком незнакомые. Корневой состав волапюка черпался в основном из английских слов, правда, изменявшихся до неузнаваемости. После периода популярности в некоторых кругах интеллектуалов сей язык был почти полностью вытеснен более удачливым конкурентом, языком *эсперанто*, который, хотя период его расцвета позади, в ходу до сих пор. По разным оценкам, им в настоящее время владеют несколько миллионов человек.

Эсперанто — замечательный пример реализации лингвистического проекта, произведенного не профессионалом, а любителем. Его создатель — варшавянин (в то время Варшава входила в состав Российской империи) Людвиг Заменхоф — врач по профессии, полиглот и языковед-любитель. Эсперанто (само слово Esperanto значит «надежда») — язык синтетического строя с письменностью на основе латинского алфавита. При желании овладеть им можно за несколько месяцев, так как, безусловно, он легче, чем любой из естественных языков. Эсперанто — откровенно евроцентрический язык, вся его лексика взята из различных европейских языков, но предпочтение отдается словам (в основном латинского происхождения), входящим в фонд общеевропейской лексики.

Лексическую основу языка составляет набор корней и аффиксов (префиксов и суффиксов), каждый из которых имеет вполне определенное значение. На основе корня с помощью аффиксов создаются всевозможные производные слова. Собственно, в словарь производные можно и не включать — достаточно корней и аффиксов, значение производных всегда будет понятным.

Грамматика также строго упорядочена: один тип спряжения, один тип склонения, единообразный способ образования множественного числа и т. д. Разумеется, никаких неправильных глаголов, чередования звуков в корнях (например, «полагать», но «разложить») и прочих исключений, которыми изобилуют естественные языки, причем как раз в самых частотных словах. Глагол «быть» неправильный, кажется, во всех европейских языках. Вообразите, иногда разные временные формы одного глагола в естественных языках образуются от разных корней! Русское *я иду* в прошедшем времени чудесным образом превращается в *я шел*. То же в английском: *I go* и *I went*. Всего этого безобразия в эсперанто нет и в помине.

«Язык надежды», полностью соответствуя духу эпохи, быстро стал популярным, и не только в Европе, но и в Америке, и Японии, переживавшей в то время период интенсивной

вестернизации (уподобления Западу). Эсперантисты, новый «народ», появившийся на планете, объединялись в клубы, национальные и региональные федерации, завязывали личную переписку со своими иноземными «соотечественниками». Эсперанто — идеальный язык для приобретения пэнфрэндов (*penfriends*), друзей по переписке. Многие эсперантисты были последовательными космополитами, стремившимися к тому, чтобы полисом (городом, государством) для них стал весь космос (мир).

Первая мировая нанесла страшный удар по идеологии эсперантистского движения, но оно продолжало существовать всюду, кроме Советской России. Большевики допускали интернационализм только в классовой и подконтрольной государству форме. Эсперантистское движение в стране в конце 1920-х годов было уничтожено в самом буквальном смысле.

Эсперанто продолжает ныне жить по всей планете, хотя прежнего энтузиазма уже нет. Постоянно появляются новые корни, пополняется словарный запас, что позволяет обозначать новые жизненные реалии. Это один из признаков живого, развивающегося языка. На эсперанто переведена мировая классика, выходят литературные журналы с оригинальными творениями на этом языке.

Любопытно, что эсперанто традиционно популярно среди некоторых групп инвалидов, в частности среди незрячих. До сих пор овладение этим языком дает приятное ощущение и полезные возможности, которые приносит принадлежность к всемирному братству людей, объединенных общей идеей.

Безусловно, эсперанто самый влиятельный из искусственных языков. Но конструирование новых искусственных языков продолжалось и после того, как эсперанто вышел на лидирующие позиции. Уж очень это увлекательное занятие! Собственно, идею искусственного международного языка, как мне кажется, губит возможность его постоянного усовершенствования — остановиться невозможно. Так, уже существует множество усовершенствованных вариантов того же эсперанто. Но ведь для того, чтобы искусственный язык всерьез претендовал на мировое распространение, он должен в основах своих оставаться неизменным, чтобы накопилась критическая масса его носителей.

Одна из последних новинок в области создания искусственных языков — язык *Slovo*, появившийся несколько лет назад и предназначенный не для всемирного общения, а лишь межславянского. И это через 90 лет после Первой мировой войны, похоронившей идеи панславизма! В своей лексике и грамматике Slovo является как бы средним арифметическим всех славянских

языков. Каждый славянин найдет в нем что-то свое, родное, и что-то, требующее достаточно легкого освоения.

Географические названия

В древности люди с большим уважением относились к обозначениям каких бы то ни было географических объектов: Карфаген можно разрушить, но нельзя переименовывать его в Новоримск или — в честь полководца-разрушителя — Сципионбург, Сципионград. Никаких «Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград — Санкт-Петербург». Переименование городов всегда и всюду было довольно редким, а с названиями природных объектов дело обстояло еще строже.

Завоевываются или осваиваются новые территории, но отношение к названиям рек, гор, урочищ у народов-пришельцев или завоевателей, как правило, бережное. Причины этого, возможно, коренятся в рудиментах архаического сознания, отождествляющего географические объекты и их имена с духами и местными богами, с которыми лучше не связываться. Затеяв переименование, можно оскорбить их, а кому нужны лишние враги?

Оттого большинство географических названий хранит память о древних народах, язык которых зачастую не звучит уже многие сотни, а то и тысячи лет. К примеру, в России севернее Оки почти все реки и озера имеют угро-финские названия, а многие географические названия Восточной Германии, даже города имеют славянское происхождение: Дрезден (Дрезно), Лейпциг (Липск), Бранденбург (Бранибор).

Весьма замысловато в разных языках образовывалась совокупность топонимов, обозначающих иные страны, их города, реки и прочее. В Средние века на европейскую топонимику огромное влияние оказала латынь в ее позднем варианте. От нее — очень многие названия стран, ставшие интернациональными и присутствующие в большинстве языков: Испания, Италия, Германия, Британия и др.

Интересно, что названия ближайших соседей, с которыми больше всего общались, торговали и воевали, часто отступают от латинской «нормы». Например, Германия по-французски называется *Allemagne* [алема́нь], по имени германского племени аллеманов, ближайших соседей другого германского племени (обитавшего западнее), франков, давших начало французскому этносу. Оттого немцы и называют страну к западу от них *Frankreich* [фра́нкрайхь] — дословно «царство франков». А вот соседи немцев с востока, поляки, именуют Германию просто *Niemcy* [не́мцы] или официально *Republika Federalnych Niemiec* [рэпу́блика фэдэра́льных не́мец].

При заимствовании чужих топонимов в нынешнее время в языках, пользующихся латинским алфавитом, принято не изменять их написание (это касается также и антропонимов) и по возможности точно воспроизводить их оригинальное произношение, для чего требуется знание орфографии и правил чтения соответствующего языка-донора. Если же заимствование происходит из языка, пользующегося другой графикой, применяют так называемую практическую транскрипцию. Ее положения разрабатывают профессиональные лингвисты, сочетая реальную фонетику иностранного языка с традициями транскрипции, сложившимися в языке-потребителе в отношении конкретного языка-донора.

Те же топонимы, которые были известны иностранцам издревле, имеют в их языках традиционные названия, часто фонетически далекие от оригинала. Рассмотрим, как произносится название города *Paris* [пари́] в других языках. Немцы и англичане, сохранив написание, произносят это слово по правилам своих языков: [пари́с] по-немецки и [пэ́рис] по-английски. Поляки неизвестно почему переделали последнюю букву, получился *Paryż* [па́рыш]. Русские транслитерировали это название, и теперь мы имеем дело с Парижем.

Некоторые города за пределами Апеннинского полуострова имели латинские названия, так как были основаны римлянами. Впоследствии их названия изменились в соответствии с фонетикой местных языков, но в других странах их иногда продолжают именовать по-латыни или «почти по-латыни». Приведу в пример лишь два крупных германских города: *Köln* [кёльн] и *München* [мю́нхен]. По-латыни они именовались *Colonia* и *Monachium*, почти так же их продолжают называть поляки, а по-французски *Кёльн* называется *Cologne* [колёнь], откуда, кстати, происходит русское слово одеколон — кёльнская вода по-французски.

Уяснив, что положение с заимствованием топонимов в европейских языках очень непростое, переходим к европейским антропонимам.

Личные имена европейцев

Большинство имен людей в европейских странах ведет свою историю от древнегреческой, латинской и древнееврейской (через Библию) антропонимической традиции. В русском языке имен латинского происхождения довольно мало по сравнению с большинством других европейских языков. Очевидно, это связано с православно-византийской традицией в русской истории, так как многие «латинские» имена распространялись католической церковью.

Мы рассмотрим несколько рядов имен в разных языках. Это будет упражнением в чтении на европейских языках и иллюстрацией особенностей их фонетического строя.

Иван, Иоанн (старый и более близкий к древнееврейскому оригиналу вариант). Это имя было настолько рапространено, что иногда становилось нарицательным для обозначения всех русских. Иванами (Iwans) во время Второй мировой войны немецкие солдаты называли советских солдат независимо от их национальности. В свою очередь, красноармейцы называли всех солдат противника фрицами. *Fritz* [фриц] — это уменьшительное от *Friedrich* [фри́:дрихь], ставшее самостоятельным именем; явление нередкое в немецкой антропонимике. Итак, вот Иваны в Европе:

английский	John	[джён]	Джон
немецкий	Johannes	[ёх*анэс]	Йоганнес
это имя распалось на две части, ставшие самостоятельными именами:	Johann	[ёх*ан]	Иоганн
	Hans	[х*анс]	Ганс
французский	Jean	[жа(н)]	Жан
женский вариант:	Jeanne	[жан]	Жанна
испанский	Juan	[хуа́н]	Хуан
итальянский	Giovanni	[джёва́нни]	Джованни
польский и чешский	Jan	[ян]	Ян
венгерский	János	[я́:ношь]	Янош
литовский	Jonas	[ёнас]	Йонас

Фома — редкое ныне русское имя греческого происхождения,

весьма, однако, распространенное в Европе. Вот Фомы (чувствуете, как неестественно звучит по сравнению с Иванами) в Европе:

английский и немецкий	Thomas	[то́мас]	Томас
французский	Thomas	[тома́]	Тома
итальянский	Tommaso	[томма́зо]	Томмазо
польский	Tomasz	[то́маш]	Томаш
чешский	Tomaš	[то́маш]	Томаш
эстонский	Toomas	[то́:мас]	Тоомас

Франц — имя латинского происхождения, широко распространено по Европе, в русском языке своего варианта не имеет. Вот Францы в Европе:

немецкий	Franz	[франц]	Франц
английский	Francis	[фрэ́нсис]	Фрэнсис
французский	François	[фра(н)суа́]	Франсуа
венгерский	Ferenc	[фэ́рэнц]	Ференц
польский	Franciszek	[франци́шэк]	Францишек
итальянский	Francesco	[франче́ско]	Франческо
чешский	František	[фра́нтишэк]	Франтишек

Михаил — русское имя древнееврейского происхождения, широко распространенное по всей Европе. Вот Михаилы в Европе:

английский	Michael	[майкл]	Майкл
французский	Michel	[мишэ́ль]	Мишель
немецкий	Michael	[ми́хаэль]	Михаэль
испанский и португальский	Miguel	[мигэ́ль]	Мигель
итальянский	Michele	[микэ́ле]	Микеле
венгерский	Mihály	[ми́ха:й]	Михай
польский	Michał	[ми́хал]	Михал
украинский	Михайло	[мыха́йло]	Михайло
финский	Mikka	[ми́кка]	Микка

Георгий — имя греческого происхождения, существует в русском языке еще в двух вариантах: Егор (считается

простонародным) и Юрий (ставший гораздо популярнее, чем Георгий). Вот Георгии в Европе:

немецкий	Georg	[гэ́орг]	Георг
еще есть два варианта:	Jörg	[ёрг]	Йорг
	Jürgen	[ю́ргэн]	Юрген
английский	Georg	[джё:джь]	Джордж
французский	Georges	[жёрж]	Жорж
итальянский	Giorgio	[джё́рджё]	Джорджио
испанский	Jorge	[хо́рхэ]	Хорхе
украинский	Георгій	[гео́ргий]	Георгий
польский	Jerzy	[е́жи]	Ежи
чешский	Jiři	[йи́ржи]	Иржи
литовский	Jurgis	[ю́ргис]	Юргис
венгерский	György	[дъёрдь]	Дьёрдь

Рихард — имя латинского происхождения, русского варианта не имеет, но в Европе одно из самых распространенных имен. Вот Рихарды в Европе:

немецкий	Richard	[ри́харт]	Рихард
английский	Richard	[ри́чэд]	Ричард
французский	Richard	[риша́р]	Ришар
испанский	Ricardo	[рика́рдо]	Рикардо
польский	Ryszard	[ры́шарт]	Рышард
шведский	Rikard	[ри́карт]	Рикард

Пётр — русское имя греческого происхождения, присутствующее почти во всех европейских языках. Вот Петры в Европе:

английский	Peter	[пи́:тэ]	Питер
немецкий	Peter	[пэ́:тэр]	Петер
женский вариант:	Petra	[пэ́тра]	Петра
французский	Pierre	[пъер]	Пьер
итальянский	Pietro	[пъе́тро]	Пьетро
испанский	Pedro	[пэ́дро]	Педро
польский	Piotr	[пётр]	Пётр
украинский	Петро	[пэтро́]	Петро
белорусский	Пятро	[пятро́]	Пятро
латышский	Peteris	[пэ́тэрис]	Петерис

Иосиф — русское имя древнееврейского происхождения, простонародный вариант — Осип; имя представлено в большинстве европейских языков. И не только европейских, вспомним хотя бы арабского Юсупа. Впервые в нашем списке появляется турецкий язык. Возможно, Иосиф — одно из самых распространенных имен в мире. Вот Иосифы в Европе:

английский	Joseph	[джо́зэф]	Джозеф
французский	Joseph	[жозэ́ф]	Жозеф
немецкий	Josef	[ёзэф]	Йозеф
уменьшительный вариант стал самостоятельным именем:	Sepp	[зэп]	Зепп
испанский	José	[хосэ́]	Хосе
итальянский	Giuseppe	[джюзэ́ппэ]	Джузеппе
польский	Józef	[ю́зэф]	Юзеф
венгерский	József	[ё:жэф]	Йожеф
финский	Jooseppi	[ё:сэпи]	Йоseппи
португальский	José	[жозэ́]	Жозе
турецкий	Yusuf	[юсу́ф]	Юсуф

Словарь терминов

Агглютинирующие языки — те, в которых отношения между словами в предложении почти исключительно выражаются суффиксами, следующими в строгом порядке за корнем, «прилипающими» к нему (агглютинация значит по-латыни «прилипание»). Это тюркские и угро-финские языки.

Акут — диакритический знак, наклонная (сверху вниз и налево) черта над буквой, в разных языках обозначающая разные фонетические явления. В русском и испанском — это обозначение ударного слога, а в чешском и венгерском — долготы гласного. Название происходит от латинского слова *acutis* [аку́тис] — «острый».

Аналитические языки — те, в которых отношения между словами в предложении выражаются главным образом с помощью служебных слов, предлогов и строгого порядка слов. Противопоставляются синтетическим языкам. Примером одного из наиболее последовательных аналитических языков служит английский, хотя и в нем есть элементы синтетичности.

Аффикс — часть слова, присоединяющаяся к корню: спереди — префикс, сзади — суффикс. Аффиксы, присоединяясь к слову, закономерно изменяют его значение; следовательно, можно считать, что они, подобно корню, также имеют значение, хотя и не столь определенное, как корень. Например, префикс *в-* обозначает движение внутрь или расположение внутри чего-либо, а суффикс *-ство* характерен для существительных, обозначающих отвлеченные понятия.

Гравис — диакритический знак, похожий на акут, но направленный вниз слева направо, например *è*. Встречается в романских языках и обозначает трудно уловимые для русского уха нюансы произношения. Название происходит от латинского слова *gravis* [гравис] — «тупой».

Диакритика — совокупность диакритических знаков, используемых в данном алфавите. Может быть очень богатой, как, например, в польском языке, или отсутствовать вовсе, как в английском.

Диакритический (различительный) знак — добавочный графический элемент буквы, изменяющий ее чтение. Существует большое их количество в разных алфавитах: *ä, ą, ł, ş, ů, ǿ* и т. д. Едва ли не единственный язык, обходящийся без диакритических знаков, — это английский. В русском языке их два, они входят в состав букв *ё* и *й* и отличают их от *е* и *и*.

Диалект — региональный вариант языка, потенциально —

будущий язык, если регион будет по каким-либо причинам изолирован или приобретет политическую независимость. Диалекты некоторых языков имеют свою литературу, другие существуют лишь в устной форме. Близкое понятие — этнолект.

Диереза — диакритический знак в виде горизонтального двоеточия для указания на раздельное произношение двух смежных гласных звуков, ставящийся над буквой, выражающей второй из них; то же, что трема.

Дифтонг — гласный звук, состоящий из двух компонентов. Второй в современных европейских языках, как правило, произносится слабее. Обычны в германских (в которых и трифтонги встречаются) и некоторых романских и славянских языках. В русском языке дифтонгов немного, в качестве второго компонента обычно выступает краткое [и]: *ай*, *ей* и т. п.

Калька — копия иноязычного слова, получаемая его поэлементным (префикс-корень-суффикс) переводом. Это один из распространенных видов заимствования иноязычных слов. Пример: орфография — греческое слово (язык-донор); правописание — калька этого слова на русский (язык-потребитель).

Калькирование — получение калек, вид неявного заимствования иноязычных слов. В результате калькирование получается слово, существовавшее ранее в языке потенциально.

Корень — относительно неизменяемая часть слова, главный носитель его значения, нюансы же определяются аффиксами.

Креольский язык — продукт эволюции пиджина, который становится родным языком для населения какой-либо страны или социальной группы, например рабов на плантациях и их потомков. Иногда даже может приобретать статус государственного языка.

Лингва франка (lingua franca) — любой язык, широко употребляемый не только его носителями в какой-нибудь сфере деятельности (французский — язык дипломатии, английский — язык мореходов) либо в каком-нибудь регионе в качестве языка международного общения (арабский прежде — на мусульманском Востоке, русский ныне — на постсоветском пространстве).

Неологизм — языковое новшество, слово, недавно появившееся в данном языке. Неологизм часто возникает в результате заимствования, но бывает, что его кто-то придумал, а другие подхватили. В некоторых странах, где развитие языка пытается контролировать государство (например, в Исландии или Израиле), разработкой неологизмов занимаются почтенные специалисты-языковеды, а не кто попало.

Носитель языка — человек, для которого данный язык

является родным либо иностранным, но в достаточной для активного общения степени усвоенным.

Пиджин — смешанный язык, появляющийся в месте постоянного контакта двух или более народов для торговли и других несложных нужд. Как правило, характеризуется крайне упрощенной грамматикой и ограниченной лексикой. Огромное количество пиджинов в разных концах света было порождено языками колониальных держав, главным образом португальским, испанским, французским и английским.

Префикс — один из двух видов аффиксов, предшествующий корню. По-русски — приставка.

Синтетические языки — те, которые для выражения отношений между словами в предложении используют изменения самих слов (например, спряжение глаголов, склонение существительных по падежам). Противопоставляются аналитическим языкам. Типичным синтетическим языком является русский, хотя и в нем есть элементы аналитичности.

Служебные слова — слова, не способные выступать в качестве самостоятельных членов предложения, например, артикли, служебные глаголы. Используются для выражения различных семантико-синтаксических отношений между словами, предложениями и частями предложений. Характерны для аналитических языков. В русском языке — редкость, например, глагол *быть* в составе сложного будущего времени.

Суффикс — один из двух видов аффиксов, следующий за корнем.

Транслитерация — одна из форм заимствования слов из языков, пользующихся латинской графикой. При транслитерации иноязычное слово из языка, пользующегося латинской графикой, передается русскими буквами, как если бы это было словом латинского языка, без учета его реального звучания. Противопоставляется транскрипции, в настоящее время встречается крайне редко. Пример транслитерации: *презе́нт* (подарок) от французского *présent* [прэза́(н)].

Транскрипция — вид заимствования иноязычных слов, при котором происходит более или менее точная передача их звучания в языке-доноре буквами языка-потребителя. Главный вид заимствования в современном русском языке.

Трема — диакритический знак в виде двух расположенных горизонтально точек над второй из двух гласных букв, стоящих рядом, для указания на раздельное произношение соответствующих звуков, отсутствие дифтонга; то же, что диереза.

Ударение (акцент) — речевое выделение (акцентуация) одного из слогов в слове, ударного. Существуют следующие

способы такого выделения: повышенная громкость ударного слога (силовое или динамическое ударение), удлинение ударного слога, повышение или более сложное изменение высоты (тона) ударной гласной (тоническое ударение). Русскому языку свойственны два первых способа.

Этнолекты — варианты языка, носители которого принадлежат разным народам (в отличие от диалектов, носители которых числят себя в одной нации). Примеры этнолектов: португальский в Бразилии, немецкий в Австрии, английский в США, Австралии, Канаде, Новой Зеландии и многие другие.

Язык-донор — язык, из которого происходит заимствование слова, фразеологизма или грамматической конструкции другим языком (см.: язык-потребитель). Научным термином не является.

Язык-потребитель — язык, который осуществляет заимствование слова, фразеологизма или грамматической конструкции из другого языка (см.: язык-донор). Научным термином не является.